МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 13, № 4, 2022

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2022

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Германия;
Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;
Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;
Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;
Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;
Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;
Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;
Микиртумов И.Б., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Нефедов С.Т., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;
Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
Шпицмюллер Ю., д-р филол. наук, профессор, Венский университет, Вена, Австрия;
Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.
С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.
Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНИТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich`s Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.
Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; Д.Ю. Алексеева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 30.12.2022

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2022

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 13, No. 4, 2022

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2022

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;
Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;
Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;
Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;
Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;
Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;
Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;
Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria;
Ivan B. Mikirtumov, (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;
Sergey T. Nefedov, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;
Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;
Grigorii L. Tulchinskii, Dr.Sc. (philos.), prof., National Research University Higher School of Economics, Russian Federation;
Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;
Jürgen Spitzmüller, Dr.Sc. (philol.), prof., University of Vienna, Austria;
Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D. (political), assoc. prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФС77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager;

A.A. Kononova – computer layout; D.Yu. Alekseeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 30.12.2022

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2022

Содержание

Гладко М.А. *Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве* 7

Митрофанова О.А., Гаврилик Д.А. *Эксперименты по автоматическому выделению ключевых выражений в стилистически разнородных корпусах русскоязычных текстов* 22

Поплавская Т.В., Ильичева И.Л. *Концепт «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестского региона Беларуси* 41

Сафроненкова Е.Л. *Лингвистическое выражение стратегий освоения Арктики* 55

Чернявская В.Е. *Прагматика визуальных средств в создании положительной репутации университета (на материале текстов, опубликованных на сайтах российских университетов)* 62

Чичерина Н.В. *Блоггинг как инструмент развития медиаграмотности* 72

Рецензии

Андреева В.А., Ситникова И.О. *Постигая смысл текста: заметки на полях книги «Художественый текст. Формулы смысла» (Художественный текст: формулы смысла: коллективная монография / Е.А. Гончарова, Е.Ю. Ильинова, В.И. Карасик, И.В. Кононова и др. Москва: Флинта, 2022. 296 с.)* 80

Горшкова Н.Э. *Проекции идентичности. Размышления на основе монографии «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования». Калининград. 2022* 87

Contents

Gladko M.A. *Linguistic representation of "new sincerity" and sensitivity in media space* 7

Mitrofanova O.A., Gavrilic D.A. *Experiments on automatic keyphrase extraction in stylistically heterogeneous corpus of Russian texts* 22

Poplavskaia T.V., Ilyicheva I.L. *The concept of "Belaya Vezha" in the communication space of the Brest region of Belarus* 41

Safronenkova E.L. *Linguistic expression of Arctic exploration strategies* 55

Chernyavskaya V.E. *Pragmatic charge of visual resources in constructing positive university reputation: based on texts at university websites* 62

Chicherina N.V. *Blogging as a tool for media literacy development* 72

Review

Andreeva V.A., Sitnikova I.O. *Comprehending the meaning of the text: notes on the margins of the book "The Fiction Text: Formulas of Meaning"* 80

Gorshkova N.E. *Dimensions of Identity. Review of "Identities: Semiotics of Representation and Pragmatics of Stance". Kaliningrad. 2022* 87

Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 7–21.
Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 7–21.

Научная статья
УДК 81’23
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13401

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ» И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

М.А. Гладко ✉

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

✉ glad_26@tut.by

Аннотация. В статье осмысляется проблема лингвистических особенностей внедрения «новой искренности» и чувствительности в коммуникативное пространство телерадиовещания. Сформировавшиеся в искусстве и литературе, эти направления все более активно проникают в медиасферу. Цель статьи заключается в выявлении специфики жанровой, тематической макроструктурной репрезентации «новой искренности» и чувствительности в коммуникативном пространстве информационного, аналитического и познавательного теле- и радиодискурса. Материалом исследования послужили 300 радиопередач и 400 телепрограмм, транслируемых на белорусском радио в период 2015–2022 гг. Корпус исследуемых текстов представлен информативными и информационно-аналитическими жанрами. Установлено, что направления «новая искренность» и чувствительность расширяют и модифицируют жанровую конфигурацию и тематический спектр медиадискурса. Диалогические жанры (интервью, беседа) становятся коммуникативным инструментом, который предлагает аудитории готовые шаблоны восприятия и переживания травмирующих профессиональных и жизненных событий. Телевидение и радиовещание создают коммуникативное пространство особой чувствительности, которая становится коммуникативным паттерном. В рамках предметно-тематического поля оказываются травмы, зависимости, внутренний мир и переживания человека. Показано, что структурно-содержательная схема информационно-познавательных телевизионных текстов фиксирует спектр событий прошлого в нарративах участников, очевидцев событий, представляющих культурную травму, с фокусом на освещение травмирующего опыта и эмоциональных переживаний. Воссоздание исторического прошлого и настоящего нацелено не столько на точное описание контекста события, сколько на вчувствование, формирование эмоциональной атмосферы. Выявлено, что в кризисный период в медиакоммуникации активизируются концепты «новой искренности»: «публичная откровенность», «честность», «чувствительность», получающие манифестацию в гетеронимах, трансформации информационно-аналитических жанров (жанры обзор, комментарий модифицируются в жанр разоблачение), категории автора (ведущими становятся не журналисты), тактике личной истории. Насыщенность медиатекстов эмоционально, личностно ориентированными темами и концептами приводит к изменению статуса искренности и чувствительности с периферийных феноменов на дискурсообразующие.

Ключевые слова: теледискурс, радиодискурс, новая искренность, чувствительность, жанр, макроструктура текста.

Для цитирования: Гладко М.А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401

© Гладко М.А., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13401

LINGUISTIC REPRESENTATION OF "NEW SINCERITY" AND SENSITIVITY IN MEDIA SPACE

M.A. Gladko ✉

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus

✉ glad_26@tut.by

Abstract. The article deals with linguistic features of "new sincerity" and sensitivity in the communicative space of television and radio. Formed in art and literature, these trends are increasingly penetrating the media sphere. The purpose of the article is to identify the specifics of genre and thematic, macrostructural representation of "new sincerity" and sensitivity in the communicative space of informational, analytical and science documentaries of TV and radio discourse. The material of the study is 300 radio programs and 400 TV programs broadcast on Belarusian radio in the period of 2015–2022. The corpus of the studied texts is represented by informative and information-analytical genres. It has been established that the directions of "new sincerity" and sensitivity expand and modify the genre configuration and thematic spectrum of media discourse. Dialogical genres (interviews, conversation) become a communicative tool that offers audience ready-made patterns for the perception and experience of traumatic professional and life events. Television and radio create a communicative space of special sensitivity, which becomes a communicative pattern. Within the framework of the subject-thematic field are injuries, addictions, the inner world and human experiences. It is shown that the structural and content scheme of informative and science documentaries texts captures the spectrum of past events in the narratives of participants, eyewitnesses of events representing cultural trauma with a focus on traumatic experiences and emotional experiences. The reconstruction of the historical past and present is aimed not so much at an accurate description of the context of the event, but at empathy and the formation of an emotional atmosphere. It was revealed that during the crisis period the concepts of "new sincerity" are activated in media communication: "public frankness", "honesty", "sensitivity". They are manifested in heteronyms, transformations of information and analytical genres (the genres of review, commentary are modified into the genre of exposure), the category of "the author" (hosts are not journalists) and the communicative tactic of personal history. The saturation of media texts with emotionally, personally oriented topics and concepts leads to a change in the status of sincerity and sensitivity from peripheral phenomena to discourse-forming ones.

Keywords: television discourse, radio discourse, new sincerity, sensitivity, genre, text macrostructure.

Citation: M.A. Gladko, Linguistic representation of "new sincerity" and sensitivity in media space, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401

Введение

Развитие коммуникативных технологий в медиасфере демонстрирует и и обостряет ряд значимых тенденций. Некоторыми из таких тенденций стали демонстрация повышенной чувствительности к личным и чужим переживаниям, окружающей среде, получившей номинацию «новая чувствительность», а также публичная откровенность, открытое выражение эмоций или «новая искренность». На первый взгляд, чувствительность и искренность сложно считать абсолютно новыми, учитывая тот факт, что базу семиотики и этики коммуникативного поведения составляют установки соблюдения правдивости и искренности в выражении и разделении взглядов, а эмоциональная чувствительность, эмоции заложены в качестве основы человеческого взаимодействия и общения [23, с. 589]. Однако в медиапространстве формируется новая аксиосфера, в которой смещаются границы личного и публичного. Естественной становится ситуация, когда человек открыто выражает свои чувства, переживания, «свою правду» не только в бытовом, но и инсти-

© M.A. Gladko, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

туциональном общении [4, с. 147], в медиапространстве. В коммуникативном пространстве телерадиовещания эмоции, искренность из свойств общения трансформируются в особые коммуникативные инструменты, коммуникативные стратегии, призванные оказывать прагматическое воздействие. Будучи изначально актуальными явлениями в современной культуре, искусстве, политике и т. д., «новая искренность» и чувствительность активно проникают в медиасферу, особым образом конструируя его. Их исследование важно для осмысления того, как конструируются медиа сообщения, какие прагматические установки направлены на обеспечение глубинного смысла высказывания или медиатекста. Цель статьи состоит в выявлении особенностей репрезентации «новой искренности» и чувствительности в коммуникативном пространстве информационного и познавательного теле- и радиодискурса.

Материалом исследования послужили 300 радиопередач и 400 телепрограмм, транслируемых на белорусском радио в период 2015–2022 гг. Корпус исследуемых текстов представлен информативными и информационно-аналитическими жанрами. Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также метод контекстуального анализа, семантического анализа, дискурсивного и лингво-прагматического анализа.

Новая искренность и чувствительность как объект изучения

Феномен «новой искренности» зародился как особое направление в литературе, кинематографе и музыке в качестве ответной реакции, демонстрирующей усталость от иронии и сарказма постмодернизма [17, с. 9–10, 18, 22]. Статус данного понятия до настоящего времени не определен, что показывает использование кавычек. «Новая искренность» трактуется как направление, движение, течение, феномен и т.д. [3, 5, 6, 18]. Развиваясь одновременно в различных сферах культуры, «новая искренность» стала одним из значимых трендов[1] и особой технологией общения с публикой/аудиторией в странах Запада, а также в России и Беларуси. Искренность имеет интимный характер, эксплицирует индивидуальные представления об откровенности, о переживании и воспоминаниях [5, с. 98]. Целью «новой искренности» является установление баланса и гармонии в жизни. Она сочетает в себе осознание пустоты современной жизни с ее «противоядием» – человеческое взаимодействие, эмпатия, забота, внимание к внутреннему миру другого [20].

Исследователи определяют основную суть течения – демонстрация человеческих ценностей: дружбы, любви, верности, заботы и т.д.[2] Современная действительность призывает общество не бояться своей уязвимости, быть искренним, человечным, открытым и эмпатичным [3, 18].

Один из основоположников «новой искренности» в российском пространстве Д.А. Пригов писал: «В пределах утвердившейся современной тотальной конвенциональности языков искусство обращения преимущественно к традиционно сложившемуся лирико-исповедальному дискурсу и может быть названо “новой искренностью”», цит. по [7, с. 64–65]. В массовой коммуникации особое распространение направление получило в интернете, реализуясь в историях (микро-нарративах) о личных проблемах, переживаниях или недугах. Публичное обсуждение личных проблем и историй стало трендом, формирующим комфортное пространство для самовыражения[3].

Выражение «новая искренность» породило некоторые производные, одно из которых «новая чувствительность»[4], возникновение которой во многом детерминировано усилением роли впечатлений, эмоций в различных сферах жизни. Обратив внимание на коммерциализацию эмоциональной жизни человека, немецкий социолог Г. Щульце обосновал концепцию «общества пере-

[1] Эпштейн М. О новой сентиментальности. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_new_sentimentality.html (дата обращения: 16.12.2022).

[2] Савчук В. Возвращение определенности // Moscow Art Magazine. 2017. № 101. http://moscowartmagazine.com/issue/55/article/1111 (дата обращения: 11.06.2022).

[3] Балабанова К. Новая искренность. URL: http://hsepress.ru/articles/2020-12-10/novaya-iskrennost (дата обращения: 10.12.2022).

[4] Фрумкин К. Проблема искренности. URL: https://syg.ma/@konstantin-frumkin/probliema-iskriennosti (дата обращения: 16.12.2022).

живаний/впечатлений». Основной тезис концепции строится на утверждении о переориентации с внешней составляющей на обращение к миру внутренних переживаний человека [19, с. 68]. Человек стремится быть понятым, его наполненная эмоциями жизнь ищет отклика-понимания, а эмоции предстают в качестве источника «насыщения» индивидуального бытия. В коллективных переживаниях аутентичные собственному бытию эмоции еще более интенсифицируются. Поэтому современному человеку свойственно искать людей (коллективы), «подобным образом эмоционально переживающих бытие» [6].

Как показывают исследования, эксплицитные и имплицитные средства эмоциональности обнаруживаются и расширяют свой функциональный спектр в различных социальных сферах и дискурсах, осуществляя легитимацию эмоций в тех областях, которым ранее было не присуще обращение к чувственной и эмоциональной стороне (наука, экономика, административная сфера и т.д.) [13, 15, 21]. Эмоции широко задействуются в средствах массовой коммуникации, являются важными агентами и создателями эмоций [14, 17, 24]. Эмоциональный поворот наблюдается даже в традиционно серьезных новостных жанрах (hard news), где эмоции работают в тандеме со стратегическим ритуалом объективности [24, с. 19; 25, с. 79].

Таким образом, коммуникативное пространство, в котором оказывается современный человек, помещает его в эпицентр позитивных и негативных чувств. Исследователи отмечают, что распространение социальных медиа активизирует публичную демонстрацию эмоций и личных, часто интимных переживаний [4, с. 149]. В результате в силу вступают «новые аксиомы речевого поведения; формируется новый тип дискурса, который получил название дискурс новой чувствительности» [там же, с. 147].

В исследованиях, посвященных феномену усиления эмоциональной чувствительности в коммуникативных, общественных и культурных практиках, наблюдается вариативность терминов. Так, термин *эмоционализация* используется «для обозначения интенсификации и легитимации эмоций и эмоционального дискурса в общественных сферах жизни» [23, с. 596]. Н.Н. Кошкарова и Е.М. Яковлева полагают, что термин чувствительность следует относить к предметной области психологии и философии [4, с. 149]. Так, в психологии *чувствительность* трактуется как «характерологическая особенность человека, способность его ощущать, различать и реагировать на внешние раздражители» [8]. В философии чувствительность определяется как «склонность к трогательным ощущениям и представлениям, склонность сопровождать каждое переживание избытком чувств» [10]. В лингвистическом плане авторы считают более корректным оперировать понятием *эмоциональность*. В таком случае более логичным исследователям видится термин *дискурс новой эмоциональности*, который трактуется как «модусный компонент высказывания, когда задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида, а целью коммуникативных практик является формирование агрессивной и чувствительной информационной среды» [4, с. 148].

М. Эпштейн, отмечая усиление «эмоционального голода» в XXI веке, пишет, что чувства приобрели многосложность, обозначившую интеллектуальную усталость предыдущего века. Фантастические изыски, драматическое напряжение и бьющую через край энергию постмодернизма сменила *сентиментальность*: «Все громкое будет нас раздражать: взрывы гнева, взрывы хохота. Восстание масс, о котором пророчил Ортега-и-Гассет, подойдет к концу, а с ним завершится эстетика революции и карнавала. Люди станут вслушиваться в себя и, быть может, даже услышат голоса ангелов. Уголками носовых платков они будут оттирать слезы невинных младенцев»[5]. Автор рассматривает сентиментальность и чувствительность как тождественные понятия: «сентиментальность, собственно, и значит чувствительность», общей семой которых можно определить «чувствительность к чужому страданию» [там же]. К. МакУильям определяет сентиментальность

[5] Эпштейн М. О новой сентиментальности. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_new_sentimentality.html (дата обращения: 16.12.2022).

медиа как использование аффекта для манипулирования аудиторией с целью получения «нежных» эмоциональных реакций [25, с. 81].

Исходя из результатов анализа коммуникативного пространства телерадиовещания, мы полагаем, что целесообразно говорить о коммуникативных стратегиях «новой искренности», одной из которых является стратегия чувствительности. Она проявляется в фокусе не столько на событиях и фактах действительности, сколько на травмирующих событиях, страданиях другого, внимании к внутреннему миру говорящего, к личным и чужим переживаниям [2, с. 18].

Социальные медиа вносят значимый вклад в формирование определенных моно-состояний пользователя, которые способствуют деформации мировосприятия, конструированию психологических доминант, служащих субститутами целостной картины мира. Гипертрофированная чувствительность трансформирует область смыслов в чувственную сферу [11, с. 279]. Нарративы, отдельные высказывания и комментарии о личных и чужих проблемах, переживаниях и недугах в социальных медиа становятся закономерностью, создающей единую текстовую систему. Согласно наблюдениям исследователей, общая тенденция к толерантности, повышенной чувствительности к переживаниям и травмирующим событиям привела к «психотерапевтическому повороту к пониманию чувств»[6]. Разные жизненные, эмоциональные ситуации, описываемые с помощью терминов психотерапии, демонстрируют описание тонких оттенков эмоций: *абьюз*, *буллинг*, *токсичные отношения*, *личные границы*, *обесценивание*, *травма* и т.д. Как отмечает культуролог Ю. Сапрыкин, этот «новый язык чувств» и есть «новая чувствительность» [там же].

Телевидение и радио чутко реагируют на новые социальные практики и внедряют их в качестве особых коммуникативных инструментов с разнообразным функционалом. В первую очередь новая чувствительность и искренность трансформируют жанрово-тематический профиль медиадискурса, макроструктуру медиатекста.

«Новая искренность» и чувствительность в коммуникативном пространстве телевидения и радио: жанры, макроструктура

В телепространстве в начале 2000х стержневыми темами жанров социальных ток-шоу, интервью были «успех», «достижения». Спектр тем, освещаемых в социальных ток-шоу, составляли так называемые «навязчивые темы» (проблемы, которые население считает значимыми [16, с. 179]: жизнь звезд, пластические операции, сенсации.

В последние годы в телерадиопространстве существует выраженный тренд психологизации. Значительно расширяется репертуар тем «тревожность», «психологические проблемы», «страдания», репрезентирующих особую медиакартину мира. Медиасфера становится пространством репрезентации травматического опыта и трансляции решений травмирующих ситуаций в жизни ведущего и слушателя, которые выступают как чувствительная личность. Общий объем понятия *травма* включает несколько видов травм: физическая (нарушение анатомической целостности), психическая (опыт сильного эмоционального страдания) и социальная (деструктивное воздействие на социальное тело) [1, с. 7], культурная (драматичная утрата идентичности и смысла, прореха в ткани общества, которая воздействует на группу людей, достигших определенной степени сплоченности [там же]. В рамках предметно-тематического поля теледискурса оказываются разного рода травмы, нарушения, зависимости (компьютерная, сахарная, эмоциональная и т.д.), разрушающие здоровье, эмоциональное состояние и привычный уклад жизни человека. Так, в телепространстве ядерными темами социально-психологического ток-шоу становятся навязчивые состояния, зависимости, нарушение личных границ, которые репрезентируются через личные истории людей. Жанр *документальный сериал* формирует пространство для предметно-тематического ряда: «любовь», «измены», «одиночество», «проблемы родителей и детей», «приемные дети», «несправедливо разделенное наследство» и т.д.

[6] Сапрыкин Ю. Новая чувствительность. Как выжить в мире обиженных и оскорбленных? URL: https://republic.ru/posts/94181 (дата обращения: 11.06.2022).

Познавательные информационные жанры *документальный фильм*, *арт-истории*, *телепортрет* все чаще репрезентируют культурные травмы социума – война, геноцид – через историю, события отдельного человека. Структурно-содержательная схема этих жанров не просто фокусирует хронологию и спектр событий прошлого, фиксируя их в архивных документах, нарративах институциональных акторов (историков, культурологов и т.д.), как это было характерно для теледискурса конца XX – начала XXI вв. Эмоционально нарративы свидетелей карательных, военных операций и их потомков репрезентируют травмирующие события социума [5, с. 99–100], что используется как особый прием, когда с готовностью и откровенностью рассказывается о том, о чем ранее принято было умалчивать. Повествование о травмирующем событии конструируется на основе комбинации проверенных объективных (архивных) данных и тематических блоков, освещающих травмирующий опыт и эмоциональные переживания свидетелей и участников:

По воспоминаниям сына суббота 21 июня была достаточно веселой. Показывали кино, везде играла музыка. Но отец пришел домой поздно. Был каким-то задумчивым, тревожным что ли. Как будто предчувствовал что-то. (изображение плана крепости, фотографии довоенной крепости) Крепость оказалась блокированной. Чтобы выйти из центрального нужно перейти через реку. Мост соединял мост и Кобринское укрепление. Затем была дорога, а это уже выход из крепости («Брест. Герои форпоста». Часть 4)[7].

Чувствительность становится коммуникативной стратегией, которая нацелена на вчувствование, создание эмоционального образа исторической реальности для проживания ее адресатом, чтобы устранить определенный разрыв, дистанцию смыслов между поколениями, реальностью и прошлым.

Таким образом, на глазах у зрителя в различных дискурсах (личностно-ориентированном и институциональном) соединяется рациональное знание (трансляторы – профессиональные психологи, медики и т.д., комментирующие личную историю или сюжет) и житейское (истории гостей, невидимого гостя, разыгрываемые житейские драмы). Репрезентация субъективно-личностной, эмоциональной картины мира в комбинации с научной обеспечивает пересечение разных типов дискурсов с целью привлечения внимания, а также «канализирует» посткоммуникативные действия адресата. Как отмечает психолог В. Леонова, «диагноз стал нашим способом понимать себя и мир вокруг»[8]. Зритель смотрит передачи о токсичности, синдроме дефицита внимания, «и думает: О, так это ж про меня». Получив «объяснение» своим переживаниям в виде диагностической категории, человек удовлетворяется и в дальнейшем использует диагноз для легитимизации своего состояния и поведения» [там же].

В радиопространстве тренды психологизма и чувствительности облекаются в жанр *совет психолога*, в модификацию жанров *радиобеседа*, *интервью*. Рамка вокруг идей и смыслов чувствительности, психологизма направлена на реализацию не только информативной, познавательной и аттрактивной функций, но и регулирующей функции. Развертывание содержательно-тематических блоков чувствительности нацелено на то, чтобы предоставить адресату алгоритм действий в сложной ситуации или кризисный период.

Макроструктурные блоки, содержащие откровенные признания, рефлексию (самоанализ, самооценка, «взгляд внутрь себя») говорящего, в том числе эмоциональную рефлексию, описание травмирующих ситуаций, преимущественно локализуются в обрамляющих макроструктурных частях текстов интервью, беседы, портретный очерк (введение, рассказ, подведение итогов) или (зафиксировано в 15%) используются в качестве аффективного и аттрактивного компонента:

Ведущая: *Аляксей, скажы калі ласка, з якім настроем ішоу да нас? Не паспелі сапсаваць? … Будзем выведваць усе таямніцы твайго жыцця. Раскажы пра сябе. …* Гость: *Кто тебе сказал, что па-*

[7] Источник https://www.youtube.com/watch?v=Y9gX6qBOGW4 (дата обращения: 18.10.2022)

[8] Леонова К. Что такое «новая искренность» в интернете и как она изменила нашу жизнь // Стиль. URL: https://style.rbc.ru/life/5b5997489a7947356f7d36f6 (дата обращения: 10.12.2022).

лочки (барабанные) я стянул? Ну это так и было, просто кто меня спалил? Ведущая: *Я проста так ляпнула*.... Гость: *Это темная страница из моей истории. Я сейчас в прямом эфире буду перед папой извиняться* («Ближе к звездам», Радио Столица, 29.06.2020)[9].

Заметим, что ответы респондентов на личностно ориентированные вопросы выделяются просодически. Просодической характеристикой становится ускорение темпа, демонстрирующее энтузиазм, интерес говорящего относительно предмета сообщения, преобладание нисходящего тона, призванного обеспечить уверенность и большую выделенность высказывания. Контрастным выглядит просодическое оформление иных высказываний, не нацеленных на описание личной сферы: медленный или умеренно средний темп речи, позволяющий говорящему продумать сказанное, восходящий тон.

«Новая искренность» в диалогических жанрах теле-, радиодискурса

Тенденции «новой искренности» и чувствительности модифицируют тематический диапазон жанров *интервью* и *беседа*. Так, их типичная тематическая модель в XX – начале XXI вв. была ограничена темами: «профессиональная деятельность», «(авто)биографические сведения», «отношение к деятельности/творчеству, людям», «свободное время, хобби», «общефилософские вопросы», «характер интервьюируемого». В последние годы важная роль эмоционально маркированных и личностно ориентированных компонентов текста отражается в расширении набора востребованных тем: «личная жизнь», «личные и профессиональные неурядицы, проблемы», «образ жизни», «отношение к общественным событиям». Такая тематическая палитра демонстрирует внимание и уважение к чужим эмоциям, переживаниям, эмпатии, значимость открыто выраженного мнения и оценки, например:

Ведущая: *В разгар карьеры ты исчезаешь*. Гость: *Да, проблема-то тянулась давно, и как человек больной, как зависимый человек, я пытался контролировать, скрывать все..., потом, когда это все вскрылось, знаете, обещать. ... Ты думаешь, что ты маленький гаврош такой, думал, у меня все будет по-другому. ... Я потерял любимое дело вначале, все мои мечты, это все воплощалось. Я мечтал об этом, я радовался этому всему. Но получается зависимость все забрала это* («Пакаленне.BY», А. Хацяновіч, Радио Столица, 06.06.2018)[10];

Предательство – вот есть понятие проституции. Куда позвали, где повкуснее, туда и побежали. Когда у человека сформированы четкие принципы, а сам ни на что не способен. Куда ты годен? («Герои нашего времени», Альфа радио, Никифорова)[11].

Благодаря медиа возможность видеть переживания и травмирующие события другого стала весьма доступной. При этом интерес к негативным событиям направлен как на формирование эмпатии, толерантности, так и на удовлетворение интереса аудитории к страданиям других с целью эскапизма (ухода от реальности), отождествления себя с другим («я такой же, как и герой»).

Жанры *интервью*, *портретный очерк* становятся важным коммуникативным инструментом, который не столько позволяет раскрыть образ героя, сколько предлагает аудитории готовые шаблоны восприятия и переживания сложных, травмирующих профессиональных, жизненных событий. Прагматической установкой демонстрации таких событий является не столько стремление поделиться болью, излить свои чувства, сколько формирование драматургичности текста зачастую на базе конфликта нормы и антинормы и моделирование мировоззрения и поведения адресата:

Гость: *Я начал принимать разные наркотики. Социально, духовно ты начинаешь падать. ... Мне было постоянно плохо, потерял друзей. Вот это дно стало каким-то стартом, когда вот ты находишься в мучении, тебе постоянно плохо, только тогда я задумался о выходе. ... Я попал в наркологическое отделение ... я начал просить помощи. ... Вышел я продержался где-то неделю... я*

[9] Источник Радио Столица https://radiostalica.by/archive/liniya-sudby/ (дата обращения: 15.10.2022)
[10] Источник Радио Столица https://radiostalica.by/archive/liniya-sudby/ (дата обращения: 15.10.2022)
[11] Источник Альфа Радио https://alfaradio.by/program/1423209/ (дата обращения: 10.02.2022)

опять лег. Теперь я помогаю таким же, как и я («Пакаленне.BY», А. Хацяновіч, Радио Столица, 06.06.2018)[12].

На первый план выносятся не столько событие, сколько такие составляющие дискурса, как: непосредственно виктимная (герой предстает как жертва), эмоциональная (детальное описание страданий, последствий травмирующего события) и морально-этическая (помощь другим). В таком случае явно прослеживается связь чувственной составляющей жизни героя с социальным контекстом. Такие распространенные нарративы, транслирующие конкретные видения, схемы и модели поведения «не сдаваться, бороться», «борьба с жизненными трудностями – победа», в которых предстают явления жизни актора, призваны создавать ментальную основу для формирования модели мира и поведения адресата.

Посредством соединения концептов «я-профессионал» и «я-человек» раскрываются не только характеристики героя передачи, но и реализуется ее целевая установка – формирование конкретного отношения и мнения слушателя в кризисной ситуации:

Автор: *Алексей, ты представляешь нашу сборную на Параолимпийских Играх. С каким настроением ты туда едешь, особенно если учесть, что неожиданный подарок вы с супругой получили дома, вернее перед дверями ... когда обнаружили свадебное платье и лежащую на ней красную сумку. Что это была за попытка? Запугать, либо это угроза?* Герой: *Мы распереживались немножечко, но, взяв себя в руки, поняли, что мы семья. Мы понимали, на что мы шли, и что такие события ожидают нас в будущем* («Герои нашего времени», Альфа радио, А. Талай)[13].

Так, через мнение, оценку, эмоции и травмирующие ситуации из личной и профессиональной жизни героя оказывается прагматическое и перлокутивное воздействие на аудиторию и, в целом, на реализацию конкретных идеологических целей. Отметим при этом незначительную представленность эмотивной, эмоционально-оценочной лексики, которая считается ведущей эмоциональной движущей силой текста. Эмоционализация, чувствительность (эмпатия) формируются за счет нагнетания палитры эмоций посредством таких референтов речевого сообщения, как: события, действия, не соответствующие моральным, этическим нормам.

Направление «новой искренности» демонстрирует не только внимание, но и терпимость к чужим взглядам, позициям, что воплощается в заботу о других, в потребность «поступать так, чтобы твои наибольшие способности служили наибольшим потребностям других»[14]. В медиакоммуникации этический компонент выдвигается в фокус внимания в рамках жанра интервью с известными людьми, государственными чиновниками. Устойчивый характер в рамках информационного дискурса приобретает тема «помощь другим», которая соединяется с тематикой достижений и успехов интервьюируемого. В одних случаях она становится стержневой тематической доминантой жанра – в этом случае гость рассказывает не только о себе, сколько о своей помощи другим людям в различных сферах:

Мая госця – маці 5 дзяцей. Здавалася б, усе жыцце прысвечана сям'і. Тым не менш яна заснавала дабрачынную ўстанову («Лінія лесу», Радио Столица, В. Фелистович).

Вітаю! Самы час пазнаеміцца з сеняшняй госцяй. Яна з дзяцінства захаплялася творчасцю. Праўда адразу здзейсніць мары не ўдалося («Лінія лесу», Радио Столица, Н. Ляванава)[15].

В других случаях этическая тематика является рекуррентной, появляется как тематическая вставка, призванная сообщить дополнительную информацию о герое, реализуя тем самым дополнительную содержательную линию. Так, герой интервью начальник главного управления идеологической работы раскрывается не только с профессиональной стороны, но и как чуткий, морально ответственный человек:

[12] Источник Радио Столица https://radiostalica.by/archive/liniya-sudby/ (дата обращения: 15.10.2022)
[13] Источник Альфа Радио https://alfaradio.by/program/1423209/ (дата обращения: 10.02.2022)
[14] Эпштейн М. О новой сентиментальности. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_new_sentimentality.html (дата обращения: 16.12.2022).
[15] Источник Радио Столица https://radiostalica.by/archive/liniya-sudby/(дата обращения: 15.09.2022)

Стою возле светофора и вижу по дороге идёт женщина. Обычная сельская женщина с сумкой, просто одета, и она плачет, очень сильно плачет. Никто не подходит. ... к одному из проходящих мимо граждан она обратилась или попросила у него деньги. Я слышала, что она говорит мне нужно там два рубля. Человек отмахнулся, прошел дальше ... Она подошла ко мне. Я вижу, что она искренняя. ... Я ей дала деньги. Помочь всегда можно, особенно когда человек подходит к тебе. Ты никакого подвига не совершил («Герои нашего времени», Альфа радио, О. Чемоданова)[16].

В обоих случаях подтемы подчинены главной целеустановке текста – трансляции и ненавязчивого внедрения ценностной системы, участвуют в детализации и насыщении образа героя не только как представителя власти, но как обычного человека.

«Новая искренность» и чувствительность в информационном медиадискурсе

В последние годы заметно возросла роль чувствительности в информационном (новостном) медиадискурсе. Конститутивной особенностью новостных жанров является «стремление к простой фиксации реальности» [9], непосредственная соотнесенность с «референциальной составляющей означаемого, минимально искаженное коннотационными «помехами» отображение предмета» [12, с. 199]. Вместе с тем влияние социокультурных практик, в частности, направления «новой искренности», определяет трансформацию тематического ландшафта и семиотических ресурсов освещения событий в информационном телерадиопространстве.

Как известно, в XXI веке инфотейнмент как способ подачи информации в развлекательной форме существенно модифицировал структуру, жанровую, тематическую и языковую конфигурации медиатекста. Развлекательный, эмоциональный факторы особенно явно прослеживаются в новостных «human interest stories», которые сообщают о событиях, призванных вызывать самый широкий спектр эмоций, например, сюжеты о забавном поведении попугая, медвежонка в зоопарке и т.д. Так, каждый новостной теле- и радиовыпуск завершался такой историей.

Реализация дискурсивных возможностей новой чувствительности, которая демократизирует информационную функцию, побуждает адресата относиться к любому переживанию, чувству и личной истории с уважением и сверхвниманием. Это получает отражение в расширении тематического диапазона рекреативных новостных сообщений за счет историй, освещающих страдания, травмы и помощь другому в сложных ситуациях, например:

(новость 1) *Шчанук з'явіўся ў пітомніке. ... Яму патрэбна прайсці рэабілітацыю каб супакоіцца пасля ўсіх перанесеных выпрабаванняў і зноў навучыцца давяраць людзям. Але нашчасце есть у нашым свеце добрыя людзі. Як толькі пра пакуты кінутага сабаку з'явілася паведамленне ў сацыяльных сетках, намала неабыякавых людзей выказалі жаданне ўзяць небараку ў свой дом*. (новость 2) *Нашэсце белых медзведзяў цяпер перажываюць у Чукотцы* («Ну і дзянек», Радио Столица, 12.10.2022)[17].

Смысловое содержание тематической доминанты 'преступления, происшествия' в теледискурсе реализуется не только с фокусом на ироническую, развлекательную составляющую (наиболее типично для передач до 2020 г.), но и на компонент чувствительности. Текстовую ткань составляют детали страданий, переживаний, которые схватывают жизненный момент героя:

(ведущий) *Забьют тревогу соседи. На весь подъезд разрывается ребенок. Когда откроют дверь, ... на пороге мужчина, руки в крови и остриженная наголову 10 летняя девочка*. (запись звонка в милицию) *Там ребенок плачет, разрывается на весь подъезд. Папа, пожалуйста, не надо*. (девочка) *Он вначале меня ножом обрезал, а потом побрил. ... Кровь с руки попала мне на ноги*. (психолог) *Всегда тяжело смотреть такие материалы* («Тревожная кнопка», 15.07.22)[18].

Содержательную ось сообщения организуют четко выделенные вербальные и невербальные акценты: повторение ключевых, эмоционально насыщенных лексем: *разрывается*, *плачет*, *плачущая*, *кровь*, повторяющиеся видеокадры плачущей девочки, спокойного, невозмутимого отца.

[16] Источник Альфа Радио https://alfaradio.by/program/1423209/ (дата обращения: 10.02.2022)
[17] Источник Радио Столица https://radiostalica.by/archive/liniya-sudby/ (дата обращения: 10.10.2022)
[18] Источник https://ont.by/programs/tk (дата обращения: 23.11.2022)

Эмоционально ориентированные блоки, передающие эмоциональное состояние героя, за счет постоянно повторения замыкают текстовое пространство на идее страдания, травмы.

Особенностью «новой искренности» является ее максимальное тиражирование как стратегии убеждающего воздействия в кризисный период, когда существует необходимость мобилизации и сплочения общества, формирования позитивной эмоциональной атмосферы.

В кризисный период в коммуникативном пространстве телевидения активизируются концепты искренности: «откровенность», «честность», «правда». Они манифестируются лексемами-маяками в гетеронимах (названиях передач): «В режиме правды», «Нечестные люди», а также в подводке и описании передач, зачастую используя оппозиционные концепты «нечестность», «ложь», «лицемерие»:

Говорим сегодня о ***лицемерии*** *и двойных стандартах во всей красе* («В режиме правды», 23.03.2022)[19].

Эти ясно выраженные сигналы заставляют аудиторию воспринимать ключевые идеи медиатекста в едином русле, отсекая возможную множественность интерпретаций.

Необходимость новых инструментов, которые позволяют ацентировать откровенность, искренность в медиапространстве, порождает трансформацию информационно-аналитических жанров. Жанры *обзор*, *комментарий* модифицируются в жанр *разоблачение*, доминантой которого становится публичное раскрытие скрытых мотивов, фейков, заговоров и т.д. Трансформации подвергается одна из важнейших категорий медиатекста – автор. Автор исследуемого жанра – коллективный, представлен не журналистами, а, как их описывают создатели передачи, «людьми из народа»: музыкант, предприниматель, блогер и т.д., желающими откровенно высказать свое мнение, поделиться фактами, раскрыть правду о нечестных действиях. Соответственно, в условиях медиареальности инструментом, призванным оказывать коммуникативно-прагматическое воздействие, оказывается не только язык, который предстает средством выражения преобразованных образов, но также и категория автора. Она является своего рода усилителем речевого и визуального воздействия, апеллируя к подсознанию. Представители народа получают слово в телепространстве с целью повышения доверия сообщению, аргументированного представления точек зрения различных представителей общества. При этом основная функция категории автора остается неизменной – выражение социальной позиции.

В текстовом пространстве создается особая содержательно-смысловая и формальная связность структуры, при которой разные события, факты, мнения выстраиваются в единую тематическую цепочку. Макроструктура представлена повторяющимся однотипным кластером блоков (помимо вводного и завершающего), построенного на оппозиции «свои – чужие»: *действие чужих (осуждаемого объекта) – действие своих – комментарий-пояснение или установление мотивов действия чужих, контекста события – оценка*. Например:

(действие чужих) *Альянс создан в 49 году. Маска – коллективная оборона. На деле, и теперь это видят все, – защита Европы от влияния России и стран постсоветского пространства. И вот здесь уже диссонанс*. (действие своих) *Это Советский Союз освободил мир от фашизма, дал Европе свободу от нацистского рабства*. (пояснение или установление мотивов действия чужих) *Но недобитые приверженцы идей рейха разбежавшиеся по всей планете, пытаются писать совершенно иную историю. ... Изначально в НАТО вошли 12 стран, сегодня в ее членстве уже состоят 30. И еще десятки участвуют в разных партнерских программах. Озвученные ими заверения о не расширении на Восток, заменили свежими, мол, НАТО, расширяясь, сдерживает Россию* («В режиме правды», 23.03.2022)[20].

Объяснение того, что выходит за рамки нормального, обычного за счет контраста и интерпретации нацелено на формирование смысловых отношений между хаосом и порядком в жизни общества, которое получает наименование.

[19] Источник Белтелерадиокомпания https://www.tvr.by/televidenie/belarus-1/proekti-belarus-1/v-rezhime-pravdy/ (дата обращения: 23.11.2022)

[20] Источник Белтелерадиокомпания https://www.tvr.by/televidenie/belarus-1/proekti-belarus-1/v-rezhime-pravdy/ (дата обращения: 23.11.2022)

Повествовательная модель, по которой строится текст, составлена монтажом высказываний различного характера, объединенных в смысловом отношении: отдельных высказываний политических лидеров, высказываний, содержащих статистические данные, сведения из архивных документов, прецедентных высказываний (*Наше главное богатство – это люди; Кадры решают все*), оценочных суждений. В совокупности они призваны акцентировать и реализовать декларируемую интенцию субъекта коммуникативной деятельности – правдивость. Объединение в единое целое различных по своей природе событий и сведений, транслируемых различными нарраторами, призвано способствовать формированию ощущения достоверности, демонстрации собственного мнения авторов, основанного на фактуальной информации. Это призвано отсечь от анализа иные возможные точки зрения. Естественность и открытость ситуации общения активизируется также за счет видеоряда – не приукрашенный интерьер, темный фон, ведущий в окружении камер и аппаратуры.

«Новая искренность» используется целях идеологического воздействия. Важное значение в кризисной ситуации получает персонализация ее субъектов. Презентация действительности в новостном тексте смещается с апелляции к неизвестным правительственным источникам к обращению к конкретным лицам. В этом случае стратегия формирования позитивной эмоциональной атмосферы реализуется посредством тактики *личной истории*. Она выражается жизненной историей человека (социального актора), которая подтверждает высказанную автором мысль. Интервью участников события, пострадавших, очевидцев репрезентируется крупным планом, фоном которого становятся предметы, связанные с темой сообщения (больничная палата, медицинское оборудование в период пандемии, пустые магазины во время продовольственного кризиса и т.д.). Основное назначение вербальных и визуальных репрезентаций социальных акторов в таком случае заключается не столько в их изображении, сколько в ассоциировании зрителя с актором.

Так, история одного заболевшего, но успешно излечившегося пациента представлена на фоне обыденных для каждого зрителя локаций (подъезд, двор жилого дома, детская площадка). Это помогает автору передать идею ‘с каждым такое может случиться, но, как и в этом случае, все хорошо закончится’. При этом через личную историю, опыт и мнение героя транслируется призыв к определенным действиям, например:

Выходя из палаты, наш герой признался, что переживает только за неправильную реакцию на выздоровевших. (герой эпизода) ***А бояться нас не стоит, потому что врачи сказали, что вырабатываются антитела, которые способствуют разрушению вируса, плюс ко всему прочему, она говорила, что в эпителии могут сохраняться мертвые клетки вируса, которые не могут, ну не могут развиться у другого человека*** («Панорама», 13.04.2020)[21].

Эффект искренности создается, когда с желанием повествуется о том, о то, что скрыто от адресата в следствие пространственной отдаленности. В первом случае адресантом, открыто выражающим личную историю и мнение становится житель другой страны, рассказывающий о сложных условиях жизни «там» (для адресата), сопоставляющий их с благоприятными условиями «здесь» (для адресата). Личный опыт и переживания направлены на то, чтобы задать конкретный способ оценки и эмоционального восприятия событий и пространства.

Стратегия «новой искренности» в белорусских радиоинтервью выступает как важный коммуникативный инструмент привлечения внимания и вовлечения слушателя:

Сегодня в нашей программе психолог из Риги, этническая белоруска. Она приехала в Беларусь для того, чтобы ***рассказать правду*** *о том, как живут этнические белорусы в странах Прибалтики. И почему она решила бросить все, для того, чтобы отстаивать позицию белорусов в современном сообществе. Она стала соавтором книги Орден иуды... Она пишет колонки для Минской правды. Она пришла к нам на радио для того, чтобы* ***поделиться своей историей*** («Герои нашего времени», Альфа Радио, К. Дзиодзина)[22].

[21] Источник https://www.youtube.com/watch?v=aBOlfykkFaE (дата обращения: 16.09.2022)
[22] Источник Альфа Радио https://alfaradio.by/program/1423209/ (дата обращения: 10.02.2022)

Коммуникативный фокус смещается на искренность, получая языковую репрезентацию в ее базовых концептах: ‘публичная откровенность’ или открытость, ‘правда’.

Заключение

Насыщенность медиатекстов эмоционально- и личностно ориентированными темами и концептами приводит к изменению статуса искренности и чувствительности с периферийных феноменов на дискурсообразующие, используемые с целью синтетического осмысления действительности. Чувствительность и публичная откровенность становятся значимыми коммуникативными стратегиями медиадискурса, что, на наш взгляд, обусловлено поисками медиа новых ненавязчивых, латентных инструментов воздействия. При этом ядром дискурса чувствительности становится не эмоциональность как категория, имеющая конкретные языковые маркеры, а намеренное, осознанное включение автором микро-нарративов, демонстрирующих человеческие ценности, индивидуальность, чувствительность, обыденную жизнь, которые легитимизируют чувствительность и публичную откровенность в информационном дискурсе, для которого обращение к ним считается нехарактерным. Чувствительность и искренность модифицируют жанры медиадискурса, расширяют тематический репертуар, когда темы общего характера (творчество, профессиональная деятельность) дополняются личностно ориентированными, фокусирующими внимание к внутреннему миру человека, чувствительность к личным и чужим переживаниям; трансформируют категорию автора медиатекста – общественные и социальные акторы медиадискурса уступают место обычному человеку с его переживаниями, эмоциями и тревогами.

Исследование прагматики искренности, чувствительности создает значимую исследовательскую перспективу в анализе новых коммуникативных инструментов воздействия в медиакоммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Айерман Р.** Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 5 (16). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (дата обращения: 10.12.2022).

2. **Демшина А.Ю.** Чувствительность как категория современной цифровой культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 3 (48). С. 18–24.

3. **Иссерс О.С.** Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227

4. **Кошкарова Н.Н.** Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности / Н.Н. Кошкарова, Е.М. Яковлева // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152. DOI: 10.26170/l19-05-15

5. **Оводова С.Н., Жигунов А.Ю.** Метамодернистский медиадискурс в современной культуре: от глобального молчания к глубокой искренности // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 4. С. 94–101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4)

6. **Орехов К.А., Пятилетова Л.В.** Человек в «обществе переживаний»: из «старого» общества в «новое» // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2. URL: http://web.snauka.ru/issues/2017/02/78716 (дата обращения: 11.04.2021).

7. Словарь терминов московской концептуальной школы / Сост. А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999.

8. Сенситивность, чувствительность в психологии // Психологос. URL: https://psychologos.ru/articles/view/sensitivnostzpt-chuvstvitelnost-v-psihologii (дата обращения: 15.08.2022).

9. **Тертычный А.А.** Жанры периодической печати. URL: http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm (дата обращения: 15.08.2022).

10. Философский энциклопедический словарь. URL: http://www.rubricon.com/qe.asp?qtype=3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1 (дата обращения: 16.12.2022).

11. **Фортунатов А.Н., Воскресенская Н.Г.** Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285(дата обращения: 16.12.2022).

12. **Ширяева О.В.** Информационно-аналитический медиадискурс как предмет коммуникативно-дискурсивного исследования // Медиаскоп. Вып. № 4. 2012. URL: http://www.mediascope.ru/node/1218 (дата обращения: 16.12.2022).

13. **Ahmed S.** The Cultural Politics of Emotion, Routledge, 2014.

14. **Han B.Ch.** Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power, London: Verso, 2017.

15. **Lerner L., Rivkin-Fish M.** On emotionalisation of public domains // Emotions and Society. 3 (1) 2021, 1–11. DOI: 10.1332/263169021X16149420145743

16. **McCombs M.E., Shaw D.L.** The agenda setting function of the mass media // Public Opinion Quarterly, 36 (1972), 176–187.

17. **Malinowska A., Miller T.** Sensitive Media // Open Cultural Studies, vol. 1, no. 1, 2017, 660–665. DOI: 10.1515/culture-2017-0060

18. **Rutten E.** Sincerity after communism: a cultural history. New Haven: Yale University Press, 2017, 9–10.

19. **Schulze G.** Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. Campus Verlag, Frankfurt/New York, 2005.

20. **Schulte P.** How the new sincerity can make caring cool again. URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:xQp4VJ4Jx2sJ:https://kindling.xyz/futures/new-sincerity/&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=by (дата обращения: 16.06.2022).

21. **Sieben B., Wettergren A.** Emotionalizing Organizations and Organizing Emotions. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

22. **Timmer N.** Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. (Postmodern Studies). Amsterdam, New York, Rodopi, 2010.

23. **Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V.** Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. Russian Journal of Linguistics, 2021, Vol. 25, № 3, 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

24. **Wahl-Jorgensen K.** An emotional turn in journalism studies? // Digital Journalism, 2020, 8 (2), 175–194.

25. **McWilliam K., Bickle Sh.** Digital storytelling and the 'problem' of sentimentality // Media International Australia, 2017, 165 (1) 77–89. DOI: 10.1177/1329878X17726626

REFERENCES

[1] **R. Eyerman,** Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat', [Cultural Trauma and Collective Memory, Cultural Trauma], Slavery and the Formation of African American Identity, Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 1–22. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (accessed 10.12.2022).

[2] **A.Yu. Demshina,** Chuvstvitel'nost' kak kategoriya sovremennoy tsifrovoy kul'tury [Sensitivity as a category of modern digital culture], Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 3 (48) (2021) 18–24.

[3] **O.S. Issers,** Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a "New Sincerity" in Modern Political Communication], Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 216–227. (in Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227

[4] **N.N. Koshkarova,** Diskurs novoy emotsional'nosti: kommunikativnyye praktiki tsifrovoy real'nosti [Discourse of new emotionality: communicative practices of digital reality], Political Linguistics. 5 (77) (2019) 147–152. DOI: 10.26170/l19-05-15

[5] **S.N. Ovodova, A.Yu. Zhigunov,** Metamodernistskiy mediadiskurs v sovremennoy kul'ture: ot global'nogo molchaniya k glubokoy iskrennosti [Metamodernist media discourse in modern culture:

from global silence to deep sincerity], Vestnik Omskogo universiteta. Issue 25, 4 (2020) 94–101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4)

[6] **K.A. Orekhov, L.V. Pyatiletova,** Chelovek v «obshchestve perezhivaniy»: iz «starogo» obshchestva v «novoye» [Man in the "society of experiences": from the "old" society to the "new"], Modern scientific research and innovation. 2 (2017). Available at: http://web.snauka.ru/issues/2017/02/78716 (accessed: 04.11.2021).

[7] Slovar' terminov moskovskoy kontseptual'noy shkoly [Dictionary of terms of Moscow conceptual school]. Comp. by A. Monastyrsky, Moscow: Ad Marginem, 1999.

[8] Sensitivnost', chuvstvitel'nost' v psikhologii [Sensitivity, sensitivity in psychology], Psychologos. Available at: https://psychologos.ru/articles/view/sensitivnostzpt-chuvstvitelnost-v-psihologii (accessed: 15.08.2022).

[9] **A.A. Tertychny,** Zhanry periodicheskoy pechati [Genres of periodicals]. Available at: http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm (accessed: 15.08.2022).

[10] Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Available at: http://www.rubricon.com/qe.asp?qtype= 3&ii=390&id=390&rq=0&sletter=%u0427&onlyname=-checked&newwind=&psize=10&pn=3&slid=1 (accessed: 16.12.2022).

[11] **A.N. Fortunatov, N.G. Voskresenskaya,** Tsifrovyye kompetentsii i tekhnologii novoy iskrennosti v epokhu Web 4.0 [Digital competencies and technologies of new sincerity in the Web 4.0 era], RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 26 (2) (2021) 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285

[12] **O.V. Shiryaeva,** Informatsionno-analiticheskiy mediadiskurs kak predmet kommunikativno-diskursivnogo issledovaniya [Information-analytical media discourse as a subject of communicative-discursive research], Media Stylistics, 4 (2012). Available at: http://www.mediascope.ru/node/1218 (accessed: 16.12.2022).

[13] **S. Ahmed,** The Cultural Politics of Emotion, Routledge, 2014.

[14] **B.Ch. Han,** Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power, London: Verso, 2017.

[15] **L. Lerner, M. Rivkin-Fish,** On emotionalisation of public domains, Emotions and Society, 3 (1) 2021 1–11. DOI:10.1332/263169021X16149420145743.

[16] **M.E. McCombs, D.L. Shaw,** The agenda setting function of the mass media, Public Opinion Quarterly, 36 (1972) 176–187.

[17] **A. Malinowska, T. Miller,** Sensitive Media, Open Cultural Studies, vol. 1 1 (2017) 660–665. DOI: 10.1515/culture-2017-0060

[18] **E. Rutten,** Sincerity after communism: a cultural history. New Haven: Yale University Press, 2017, 9–10.

[19] **G. Schulze,** Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. Campus Verlag, Frankfurt/New York, 2005.

[20] **P. Schulte,** How the new sincerity can make caring cool again. Available at: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:xQp4VJ4Jx2sJ:https://kindling.xyz/futures/new-sincerity/&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=by (accessed: 16.06.2022).

[21] **B. Sieben, A. Wettergren,** Emotionalizing, Organizations and Organizing Emotions. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

[22] **N. Timmer,** Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. (Postmodern Studies). Amsterdam, New York, Rodopi, 2010.

[23] **F. Zappettini, D.M. Ponton, T.V. Larina,** Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda, Russian Journal of Linguistics, . 25 3 (2021) 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

[24] **K. Wahl-Jorgensen**, An emotional turn in journalism studies?, Digital Journalism, 8 (2) (2020) 175–194.

[25] **K. McWilliam, Sh. Bickle,** Digital storytelling and the ‘problem’ of sentimentality, Media International Australia, 165 (1) (2017) 77–89. DOI: 10.1177/1329878X17726626

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Гладко Марина Александровна
Maryna A. Gladko
E-mail: glad_26@tut.by
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5268-960X

Поступила: 24.11.2022; Одобрена: 28.12.2022; Принята: 30.12.2022.
Submitted: 24.11.2022; Approved: 28.12.2022; Accepted: 30.12.2022.

Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 22–40.
Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 22–40.

Научная статья
УДК 81'32, 81'33
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13402

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО АВТОМАТИЧЕСКОМУ ВЫДЕЛЕНИЮ КЛЮЧЕВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СТИЛИСТИЧЕСКИ РАЗНОРОДНЫХ КОРПУСАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

О.А. Митрофанова[1] ✉, Д.А. Гаврилик[2]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

[2] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ o.mitrofanova@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена экспериментальному исследованию методов автоматического выделения ключевых выражений с использованием экспертных оценок. Целью работы является проверка гипотез о распределении ключевых выражений в документе, о дифференциации ключевых выражений с точки зрения используемых алгоритмов их выделения и стилистической принадлежности текстов. Эксперименты по автоматическому выделению ключевых выражений проводятся с помощью девяти алгоритмов различных типов: статистические (Log-Likelihood, TF-IDF, Хи-квадрат), гибридные, или лингвостатистические (RAKE, YAKE, PullEnti, Topia), структурные, или графовые (TextRank), с использованием машинного обучения (KeyBERT). В ходе исследования был подготовлен смешанный корпус объемом около 1 млн с/у, включающий в себя 50 публицистических текстов (новостные сообщения с заголовками), 50 научных текстов (статьи по компьютерной лингвистике с заголовками, аннотациями и задаваемыми вручную наборами ключевых выражений), 50 художественных текстов (главы из прозаических произведений, снабженные авторским описанием содержания). Для проверки гипотезы о пространственно-позиционных и стилистически детерминированных характеристиках ключевых выражений были проведены три серии экспериментов, в результате которых были сопоставлены эталонные ключевые выражения, выделенные экспертами из первого сегмента текстов, и ключевые выражения, извлеченные из второго сегмента автоматическими методами. Количественная оценка совпадений экспертной и автоматической разметки позволила подтвердить гипотезу о различной концентрации ключевых выражений в сравниваемых сегментах текста. Исследование лексико-грамматических и семантических особенностей выделенных ключевых выражений выявило те их признаки, которые определяются стилистическими особенностями текстов. Результаты исследования позволяют усовершенствовать процедуры семантической компрессии, производимые с применением различных методов автоматического выделения ключевых выражений.

Ключевые слова: семантическая компрессия, автоматическое извлечение ключевых выражений, экспертная разметка, корпус текстов, функциональные стили.

Финансирование: НИП СПбГУ № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта», грант РНФ № 21-78-10148 «Моделирование значения слова в индивидуальном языковом сознании на основе дистрибутивной семантики».

Для цитирования: Митрофанова О.А., Гаврилик Д.А. Эксперименты по автоматическому выделению ключевых выражений в стилистически разнородных корпусах русскоязычных текстов // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 22–40. DOI: 10.18721/JHSS.13402

© Митрофанова О.А., Гаврилик Д.А., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13402

EXPERIMENTS ON AUTOMATIC KEYPHRASE EXTRACTION IN STYLISTICALLY HETEROGENEOUS CORPUS OF RUSSIAN TEXTS

O.A. Mitrofanova[1] ✉, D.A. Gavrilic[2]

[1] St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation;

[2] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ o.mitrofanova@spbu.ru

Abstract. The paper describes the experimental study of automatic keyphrase extraction techniques using expert assessments. The purpose of the study is to confirm the hypotheses on the location of keyphrases within a document and on the differentiation of keyphrases as regards applied algorithms and text styles. Experiments on automatic selection of keyphrases are carried out using nine algorithms of various types, including statistical (Log-Likelihood, TF-IDF, Chi-square), hybrid, also called linguostatistical (RAKE, YAKE, PullEnti, Topia), structural, also called graph-based (TextRank), and machine learning (KeyBERT). In the course of the study a mixed corpus was prepared of about 1 million tokens in size, including 50 social media texts (news reports with headlines), 50 scientific texts (articles on computational linguistics with titles, abstracts and manually specified sets of key expressions), 50 literary texts (chapters from prose works, provided with the author's description of the content). Evaluation procedure implies comparison of keyphrases selected by experts from the first segment of texts and key expressions automatically extracted from the second segment. A quantitative assessment of the matches between expert and automatic markup made it possible to confirm the hypothesis on a different concentration of keyphrases in text segments involved in comparison. The study of lexico-grammatical and semantic features of keyphrases allowed us to reveal features that are determined by text style. The results of the study may improve semantic compression procedures performed using the methods of automatic keyphrase extraction.

Keywords: semantic compression, automatic keyphrase extraction, expert annotation, text corpus, functional styles.

Acknowledgements: Scientific Project of St. Petersburg State University No. 75254082 "Modeling the communicative behavior of residents of a Russian metropolis in the socio-speech and pragmatic aspects with the use of artificial intelligence methods", RSF grant No. 21-78-10148 "Modeling the meaning of a word in individual linguistic consciousness based on distributive semantics."

Citation: O.A. Mitrofanova, D.A. Gavrilic, Experiments on automatic keyphrase extraction in stylistically heterogeneous corpus of Russian texts, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 22–40. DOI: 10.18721/JHSS.13402

Введение

Автоматическое выделение ключевых выражений является базовой процедурой семантической компрессии, способствующей структурированию информации в естественноязыковых текстах. Ключевые выражения также помогают составить быструю оценку содержания документов, которая может быть уточнена и расширена в ходе комплексных процедур индексирования и рубрикации документов, их реферирования, упрощения, перифразирования [1–5].

Ключевые выражения рассматриваются как объект психолингвистического исследования и результат работы алгоритмов обработки текстовых данных.

С точки зрения психолингвистики, ключевые выражения представляют собой особый тип текста, тексты-примитивы [6–8], которые, представляя нестандартный по сравнению с языковой

© O.A. Mitrofanova, D.A. Gavrilic, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

нормой материал, характеризуются целостным содержанием, но при этом возможным нарушением связности формы. Благодаря цельности ключевые выражения можно считать «смысловыми опорами» в понимании текста [9]. Наборы ключевых слов принято относить ко вторичным текстам-примитивам, по которым можно восстановить содержание исходного текста в результате процессов перифразирования. Эксперименты подтвердили, что ключевые выражения имеют статус самостоятельных языковых единиц, которые подчиняются основным законам построения текста, выступают как компоненты парадигматических синтагматических рядов, организуют ассоциативные поля в исходном тексте, демонстрируют процесс развертывания информации в процессе ее вербализации и проявляют определенную контекстную предсказуемость [10–11]. Учитывая различные регистры функционирования текста (устный и письменный (в том числе и клавиатурно-опосредованный)), следует различать ключевые и опорные выражения [12], под последними понимаются лучше всего воспринимаемые фрагменты текста при его динамическом развертывании. Дискуссионными являются вопросы о процессах порождения ключевых выражений при восприятии информации в текстовом виде или в виде инфографики, при этом эксперименты подтверждают, что при единстве процедур обработки информации носители языка опираются преимущественно на текстовые данные [13].

При работе с текстами ограниченных объемов допустимы ручные методы определения ключевых выражений, однако анализ обширных корпусных данных требует автоматизации. В связи с этим со второй половины 20 века продолжается развитие методов автоматического выделения ключевых выражений, стимулируемое появлением новых информационных ресурсов, а также форм взаимодействия носителей языка и интеллектуальных систем. Типология процедур автоматического выделения ключевых выражений определяется следующими факторами: использование статистических признаков ключевых выражений, их лексико-грамматической организации, ограничения на тип выражений (униграммы, биграммы, триграммы и т.д.), способы их ранжирования в выдаче (учет местоположения в тексте, длина, встречаемость в составе других n-грамм), наличие одного корпуса текстов или пары корпусов – основного и фонового, возможность использования размеченных данных для организации процедур машинного обучения и т.д. [14–18]. Автоматизация выделения ключевых выражений, равно как и ручная их разметка, является предметом дискуссий. Возникающие вопросы связаны с возможным несоответствием лексических единиц в реферативной и основной частях документа: зачастую назначаемые авторами ключевые выражения редко встречаются в тексте или вовсе в нем отсутствуют. В таких случаях неизбежно применение автоматических методов обработки данных. Базовыми количественными характеристиками, по которым можно оценить потенциальную значимость ключевых выражений для читателя, являются их плотность (отношение частоты употребления в тексте по отношению к его общему объему) и пространственно-позиционные признаки (расположение в документе). Принято считать, что наиболее информативны выражения, встречающиеся в заголовке, аннотации, в начальной части текста (первый абзац, первые несколько предложений), а также в конце текста (в заключении) [19–21].

Наше исследование направлено на определение соотношения между ключевыми выражениями, выделяемыми в русскоязычных текстах разных стилей вручную и автоматически. Цель эксперимента заключается в проверке гипотезы о возможности автоматического выявления в основной части текста тех ключевых выражений, которые размечены экспертами вручную в начальной части текста. Объективность результатов эксперимента обеспечивается разнообразием источников, которые включают публицистические, научные и художественные тексты, отличающиеся содержательной структурой, а также выбором группы методов автоматического выделения ключевых выражений. В случае подтверждения рассматриваемой гипотезы можно считать обоснованным использование автоматических методов выделения ключевых выражений в исследованиях семантики текстов и ее восприятия носителями языка. Кроме того, сравнительный анализ методов

автоматического выделения ключевых выражений, проведенный на материале русскоязычных корпусов текстов, позволит дать оценку их эффективности и определить их сферы применения.

Методы автоматического извлечения ключевых выражений

Для автоматического извлечения ключевых выражений в нашем исследовании применены статистические, гибридные (лингвостатистические), структурные (графовые) методы, методы с использованием машинного обучения. В рамках данного исследования рассматривались девять методов, представляющих разные типы, а именно, статистические: Log-Likelihood, TF-IDF, Хи-квадрат; гибридные (лингвостатистические): RAKE, YAKE, PullEnti, Topia; структурные (графовые): TextRank; с использованием машинного обучения (KeyBERT). Лингвистические методы, основанные на лексико-грамматических шаблонах ключевых выражений, использовались как компонент гибридных методов. Рассматриваемый набор методов не является исчерпывающим [22–25].

При отборе методов выделения ключевых выражений мы учитывали возможность их применения в работе с русскоязычными текстами, в также возможность извлечения n-грамм разной структуры (униграмм, биграмм, триграмм и т.д.). Основные методы выделения ключевых выражений учитывают не только их типичность для определенного документа или классов документов, но и их коллокационную природу. В традиционном понимании коллокацией считается устойчивое сочетание двух или более токенов или лемм, проявляющих тенденцию к совместной встречаемости [26–29]. Поэтому ожидается, что ключевые выражения проявляют значимую степень устойчивости [30–31].

Статистические методы

Мера TF-IDF [32–33] (Term Frequency – Inverse Document Frequency) определяет, в какой мере данное выражение характерно для документа внутри корпуса. Большой вес TF-IDF получают слова с высокой частотой в конкретном документе и при этом с низкой частотой в других документах.

Мера ассоциации Log-likelihood (логарифмическая функция правдоподобия) считается классическим показателем силы синтагматической связи между элементами коллокаций. Оперируя наблюдаемыми значениями параметров данных и их вероятностной моделью, можно получить ожидаемые значения параметров, максимально приближенные к реальным.

Критерий Хи-квадрат [34–35] как метод выделения ключевых выражений не требует использования фоновых корпусов текстов или набора сравниваемых документов. Метод основан на построении матрицы совместной встречаемости по тексту и позволяет сократить долю низкочастотных слов, которые получали бы неоправданно высокое значение в силу разреженности матрицы.

В настоящем исследовании были использованы алгоритмические реализации статистических методов в библиотеке NLTK[1]. Существуют и другие статистические методы (T-score, C-value и т.д.), не рассматриваемые в наших экспериментах.

Гибридные (лингвостатистические) методы

Гибридный алгоритм RAKE (Rapid Automatic Keyword Extraction)[2] [36–38], основан на предположении о том, что ключевые элементы могут быть неоднословными, не содержат знаков пунктуации, служебных и десемантизированных слов. Ключевые выражения, выделенные в тексте с учетом словаря разделителей, ранжируются по весу, определяемого как сумма трех метрик (частота, степень (мера совместной встречаемости), отношение частоты к степени).

Алгоритм YAKE (Yet Another Keyword Extractor)[3] [39] во многом сходен с алгоритмом RAKE. Особенностью YAKE является то, что в нем веса ключевых выражений определяются по комбинации из пяти метрик (нормированные частота, местоположение в тексте, число предложений с выражением, число капитализированных употреблений, сходство со стоп-словами).

[1] https://pypi.org/project/nltk/
[2] https://pypi.org/project/rake-nltk/
[3] https://pypi.org/project/yake/

Лингвистический процессор PullEnti[4] разработан для извлечения фактов из корпусов текстов. Процессор является одним из лучших в своем классе [40] благодаря тому, что в нем реализован надежный алгоритм выделения конструкций с учетом морфологического и семантико-синтаксического анализа и с детализацией типов фактической информации. Распознаваемые в PullEnti конструкции являются кандидатами в ключевые выражения.

Алгоритм Topia[5] обеспечивает автоматическое выделение ключевых выражений в тексте на основе процедур токенизации и морфологического анализа корпуса текстов. Важные для текста выражения выделяются в результате применения системы правил и количественного анализа текстов для определения силы связей внутри выражений-кандидатов.

Известны иные гибридные подходы (подход к выделению ключевых выражений в системе SketchEngine и ряд других, в том числе, использующий словарные ресурсы типа WordNet), которые выходят за рамки нашего исследования.

Структурные (графовые) методы

Алгоритм TextRank[6] [41–42] относится к классу неконтролируемых методов ранжирования на графах и является модификацией алгоритма PageRank для ранжирования страниц в поисковой выдаче. Суть подхода TextRank состоит в построении взвешенного графа, в вершинах которого размещаются токены, леммы или фразы, ребра соответствуют связям внутри текста и имеют веса – оценки силы связей и/или метки типов семантических связей. Вершины ранжируются по значению PageRank, полученные кандидаты в ключевые выражения будут иметь высокий ранг. Наряду с TextRank могут применяться и другие графовые подходы, например, DegExt.

Методы с использованием машинного обучения

Контекстуализированная предсказывающая модель распределенных векторов BERT [43] является двунаправленным трансформером, который позволяет преобразовывать предложения и документы в векторы, отражающие их значение. В основе метода KeyBERT [44] лежит процедура определения косинусной близости векторов потенциальных ключевых выражений по отношению к тексту в целом. Кроме KeyBERT существуют иные методы выделения ключевых выражений с машинным обучением, в частности, алгоритм KEA, основанный на вероятностной модели классификации.

Корпусные данные

Исследовательский корпус, задействованный в нашем исследовании, состоит из текстовых документов, отвечающих следующим требованиям:

(1) тексты принадлежат разным функциональным стилям (публицистический, научный, художественный);

(2) тексты снабжены сжатым представлением их содержания (для публицистического подкорпуса – развернутые заголовки статей и лид, для научного подкорпуса – заголовок, аннотация, список ключевых выражений, для художественного подкорпуса – выделенные автором сюжетные составляющие каждой главы).

В каждом подкорпусе содержится 150 текстов (50 новостей, 50 научных статей и 50 глав художественных произведений) общим объемом ~ 1 млн словоупотреблений до предобработки.

Планирование эксперимента

В ходе эксперимента в каждом из 150 текстов был выделен начальный фрагмент (для публицистического подкорпуса – заголовок и первые два-три предложения новости, для научного – название, аннотация, ключевые выражения и первый абзац статьи, для художественного – размеченные автором опорные слова и первый абзац главы). Экспертам была предложена инструкция

[4] https://pypi.org/project/pullenti/
[5] https://pypi.org/project/topia.termextract/
[6] https://pypi.org/project/pytextrank/

по традиционной методике А.С. Штерн [45] с некоторыми правками: "*Прочитайте текст. Подумайте над его содержанием. Выделите 3-7 ключевых выражений, ранжируя их от самого важного к менее важному*". Экспертам были даны инструкции по распознаванию ключевых выражений в текстах разных функциональных стилей:

1) **публицистический стиль:** ключевым выражением для новостных текстов является именная группа, наиболее ярко и полно отражающая суть обозначенной в заголовке текста;

2) **научный стиль:** ключевым выражением для новостных текстов являются термины, именные группы использованных методов и т.д. авторами статьи, а также предмет и объект, обозначенные в статье;

3) **художественный стиль:** ключевым выражением для новостных текстов являются обобщения описываемых автором событий.

В эксперименте по ручной разметке ключевых выражений приняли участие пять экспертов-информантов (далее обозначаются как ЭКС1, ЭКС2, ЭКС3, ЭКС4, ЭКС5). Результаты экспертизы приняты за эталонную разметку. Из оставшихся частей текстовых документов ключевые выражения извлекались автоматическими методами. Такое деление текстов для ручного и автоматического извлечения ключевых выражений было сделано намеренно по причине того, что автоматическое извлечение ключевых выражений из первой части текста – это процедура с ожидаемо положительным результатом, в то время как распознавание их в оставшихся частях текста – это нетривиальная задача, решение которой подтверждает роль тех ключевых выражений, которые выявляются в начале текста. Особенностью проведения эксперимента является то, что тексты перед автоматической обработкой не подвергались лемматизации и фильтрации по стоп-словам, это позволяет сохранить их в том виде, в каком они передавались для оценки испытуемым. В табл. 1 приведены параметры экспериментов.

Таблица 1. Параметры экспериментов
Table 1. Experimental parameters

Параметр	**Работа экспертов**		**Работа алгоритмов**	
Объем текста	*Публицистический*	Развернутый заголовок и лид	*Публицистический*	Максимум 10 предложений
	Научный	Название, аннотация, список ключевых выражений, первый абзац	*Научный*	Основные содержательные разделы и заключение
	Художественный	Авторская аннотация к главе и первый абзац текста	*Художественный*	Основной текст главы
Длина ключевого выражения	Ограничений нет		Ограничения зависят от метода	
Объем списка ключевых выражений	3...7		5...1000	
Способ ранжирования ключевых выражений	По убыванию важности		По убыванию важности	

Результаты экспериментов

Обработка публицистического подкорпуса

Тексты из публицистического подкорпуса характеризуются краткостью, точностью изложения фактов, наличием лида – начального предложения или абзаца, призванного привлечь внимание читателя к содержанию новости. В качестве источников для создания подкорпуса исполь-

зовались новостные порталы «Бумага»[7] и «Медуза»[8], откуда были случайным образом отобраны 50 новостных сообщений. Ниже приведен пример текста публицистического подкорпуса.

“*В Петербурге возобновили плановую вакцинацию детей. Ее приостанавливали из-за коронавируса*”: *В Петербурге сняли запрет на плановую вакцинацию детей, введенный в начале апреля. Постановление главного санитарного врача опубликовано на сайте Роспотребнадзора*.

Вакцинация взрослых пока остановлена. Как пояснили в комитете по здравоохранению, она проводится лишь по эпидемическим показаниям. Например, в поликлинике можно сделать прививку против клещевого энцефалита. Ранее Минздрав приостановил плановую вакцинацию детей и взрослых из-за коронавируса. Пояснялось, что решение не касается прививок новорожденным. Актуальные новости о распространении COVID-19 в городе читайте в рубрике «Бумаги» «Коронавирус в Петербурге».[9]

Экспертам было предложено выделить ключевые выражения из первого абзаца текста (выделен подчеркиванием), автоматическая процедура извлечения ключевых выражений проводилась в отношении второго абзаца текста. В табл. 2 представлены ключевые выражения, полученные в результате оценки экспертов (ЭКС1, ЭКС2, ЭКС3, ЭКС4, ЭКС5), а в табл. 3 – с помощью автоматических методов выделения ключевых выражений.

Таблица 2. Ключевые выражения для текста публицистического подкорпуса, извлеченные экспертами
Table 2. Key expressions for the text of the news subcorpus extracted by experts

ЭКС1	ЭКС2	ЭКС3	ЭКС4	ЭКС5
вакцинация, Роспотребнадзор, коронавирус	*Петербург, коронавирус, вакцинация, детская медицина*	*вакцинация детей, сняли запрет, Петербург, Роспотребнадзор*	*возобновили вакцинацию детей*	*сняли запрет на вакцинацию*

В табл. 3 полужирным шрифтом отмечены точные совпадения автоматически выделенных ключевых выражений (без учета морфологических форм) по сравнению с выражениями, определенными экспертами, а подчеркиванием отмечены их смысловые корреляты или целостные конструкции: экспертная разметка: *вакцинация*, *вакцинация детей* – автоматическая разметка: *плановая вакцинация*, *плановая вакцинация детей*; экспертная разметка: *вакцинация*, *вакцинация детей* – автоматическая разметка: *прививка*, *сделать прививку*, *прививку новороженным*; экспертная разметка: *Петербург*, *коронавирус* – автоматическая разметка: *коронавирус в Петербурге*, и т.д. Ключевые выражения, отмеченные экспертами, воспроизводятся напрямую или косвенно в выдаче алгоритмов Log-Likelihood, TextRank (4 совпадения), PullEnti, YAKE, TF-IDF, KeyBERT (2 совпадения), Topia, RAKE, Хи-Квадрат (по 1 совпадению). Малозначимыми с точки зрения оценки выражений как ключевых являются отдельные прилагательные (*эпидемический*), глагольные формы (*приостановлена*), конструкции с обобщенным содержанием (*актуальные новости, пояснялось решение*) и т.д. Особенностью новостного текста является его соотнесенность с конкретной ситуацией, в которой описываются реальные события и их участники, поэтому приоритет в выборе алгоритмов выделения ключевых выражений будет за теми алгоритмами, которые позволяют распознавать в тексте его фактическое содержание.

Обработка научного подкорпуса

В научный подкорпус вошли тексты 50 статей по корпусной лингвистике, представляющие научный стиль изложения и описывающие экспериментальные исследования. Данным текстам свойственны высокая терминологичность, однозначность, преобладание именных конструкций.

[7] https://paperpaper.ru/
[8] https://meduza.io/
[9] https://vk.com/@paperpaper_ru-preview-1581515435-1847493496?ysclid=la3x9pfzyd839380455

Таблица 3. Ключевые выражения
для текста публицистического подкорпуса, извлеченные автоматически
Table 3. Key expressions for the text of the news subcorpus, extracted automatically

Алгоритм	Ключевые слова и выражения (первые пять результатов)
TF-IDF	***коронавирус** 0.35, **вакцинацию** 0.34, взрослых 0.22, энцефалита 0.18, COVID 0.18 ...*
Log-likelihood	***вакцинацию детей** 32.99, плановую вакцинацию 32.99, пояснили [в] комитете19.32, сделать прививку 19.31, прививок новорожденным 19.31 ...*
Хи-квадрат	*актуальные новости 93.0, решение касается 93.0, пояснялось решение 93.0, прививку клещевого 93.0, прививок новорожденным 93.0 ...*
RAKE	*эпидемическим показаниям 4.0, клещевого энцефалита 4.0, плановую вакцинацию 4.0, актуальные новости 4.0, вакцинация взрослых 3.5 ...*
YAKE	*вакцинация взрослых 0.05, взрослых пока остановлена 0.10, коронавирус в Петербурге 0.12, **вакцинация** 0.12, остановлена 0.12 ...*
PullEnti	*прививок против клещевого энцефалита, плановая вакцинация детей, министерство здравоохранения, вакцинация взрослых, **вакцинация** ...*
Topia	***коронавирус** 2, вакцинация взрослых 1, комитет 1, здравоохранение 1, эпидемические показания 1 ...*
TextRank	***коронавируса**, **коронавирус**, вакцинация взрослых, **вакцинацию**, новорожденным ...*
KeyBERT	*здравоохранению 0.84, **коронавируса** 0.81, эпидемическим 0.81, **коронавирус** 0.80, распространении 0.79...*

При анализе статей были сохранены заголовки, аннотации, ключевые выражения и все текстовые разделы. Ниже приведен пример анализа одного из текстов научного подкорпуса.

И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева

ОТ КРИТИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ К СТРУКТУРИРОВАННОМУ КОРПУСУ СЛАВЯНСКИХ ВАРИАНТОВ ЕВАНГЕЛИЯ

Аннотация. В статье рассматривается создание корпуса текстов на базе издания славянского Евангелия, включающего 28 рукописей, представляющих 8 групп славянских списков. Для обеспечения возможности поиска по разным типам текстовых фрагментов предлагается преобразование данных в корпус размеченных типизированных текстов.

Ключевые слова: Корпус, славянское Евангелие, Паратекст.

1. Проект издания славянского евангелия

Работа по проекту началась в 1993 г. при финансовой поддержке Немецкого библейского общества, выделившего средства для критического издания Евангелия от Иоанна, которое вышло в свет в 1998 г. Затем за счет Синодальной библиотеки Московского Патриархата было подготовлено издание Евангелия от Матфея, опубликованное в 2005 г. при поддержке РГНФ]. В настоящее время СПбГУ финансирует работу над Евангелиями от Марка и Луки и подготовку итогового издания в двух томах, содержащего критический текст всех четырех евангелий и результаты научного исследования материала.

План исследования славянского Евангелия был обоснован теоретически А.А. Алексеевым и описан в виде практической процедуры в [].

Была проведена коллация двух фрагментов из Евангелия от Иоанна и Евангелия от Марка по 1500 рукописям с базовым текстом издания – Мариинским Евангелием. Данные коллаций были сведены в структуру узлов разночтений, по которым был проведен автоматический кластерный анализ, позволивший выделить 8 неравных по объему групп. В издании представлены 28 рукописей как представители групп списков, что существенно упрощает нахождение чтений, которыми они противопостав-

лены друг другу, позволяет устанавливать генетические отношения между группами, реконструировать архетип, выдвигать текстологические гипотезы...[10]

Эксперты выделили ключевые выражения из заголовка, аннотации, списка ключевых слов и первого абзаца (выделены подчеркиванием), в оставшемся фрагменте статьи, включающем содержательные разделы и заключение, ключевые выражения были выделены автоматически. В табл. 4 представлены ключевые выражения, полученные в результате оценки экспертов (ЭКС1, ЭКС2, ЭКС3, ЭКС4, ЭКС5), в табл. 5 – с помощью автоматических методов.

Таблица 4. Ключевые выражения для текста научного подкорпуса, извлеченные экспертами
Table 4. Key expressions for the text of the scientific subcorpus extracted by experts

ЭКС1	ЭКС2	ЭКС3	ЭКС4	ЭКС5
Евангелие, корпус, поиск, разметка	*корпус текстов, поиск текстовых фрагментов, Евангелие*	*Евангелия от Матфея, Проект издания славянского Евангелия, СПбГУ финансирует работу*	*Славянское Евангелие, создание корпуса, финансирование, поддержка*	*текст четырех Евангелий издается в двух томах*

Таблица 5. Ключевые выражения для текста научного подкорпуса, извлеченные автоматически
Table 5. Key expressions for the text of the scientific subcorpus, extracted automatically

Алгоритм	Ключевые слова и выражения (первые пять результатов)
TF-IDF	***Евангелия*** *0.31, текста 0.22, рукописей 0.18, фрагментов 0.13, славянских 0.10 ...*
Log-likelihood	*структурированный корпус 23.33, узлов разночтений 19.51, фрагментов текста 16.64, каждой [из] рукописей 16.60,* ***славянского Евангелия*** *13.794 ...*
Хи-квадрат	*автоматический кластерный 302.0, проведена коллация 302.0, сведены [в] структуру 302.0, рукописям базовым 302.0, реконструировать архетип 302.0 ...*
RAKE	*подстрочное представление базового Мариинского Евангелия 20.83, проверку итоговых данных издания 13.67, стихам соответствующих глав Евангелия 12.83, структурированный корпус славянских текстов 11.33, автоматический кластерный анализ 9.0 ...*
YAKE	***Евангелия*** *0.03, обоснован теоретически 0.04, план исследования славянского 0.05,* ***славянского Евангелия*** *0.05, текста 0.061 ...*
PullEnti	*текст, издание, рукопись, фрагмент, структурированный корпус ...*
Topia	*структурированный корпус 3, замена 3,* ***славянское Евангелие*** *2, вид 2,* ***Евангелие*** *2 ...*
TextRank	*текста,* ***Евангелием****, славянских текстов, издании, рукописей*
KeyBERT	*Четвероевангелия 0.39, Евангелиями 0.38 подтверждения 0.38 сопоставления;0.36 исследования 0.34...*

В табл. 5 полужирным шрифтом отмечены точные совпадения автоматически выделенных ключевых выражений (без учета морфологических форм) по сравнению с выражениями, определенными экспертами, а подчеркиванием отмечены их смысловые корреляты или целостные конструкции: экспертная разметка: текстовых фрагментов – автоматическая разметка: фрагментов текста; экспертная разметка: корпус, корпус текстов – автоматическая разметка: структурированный корпус, структурированный корпус славянских текстов, текст; экспертная разметка: текст

[10] Азарова И.В., Алексеева Е.Л. От критического издания к структурированному корпусу славянских вариантов Евангелия // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015». СПб., 2015.

четырех Евангелий – автоматическая разметка: Четвероевангелие, и т.д. Ключевые выражения, отмеченные экспертами, в том или ином виде воспроизводятся в выдаче алгоритмов PullEnti, TF-IDF, TextRank (5 совпадений), Log-Likelihood, YAKE, Topia (3 совпадения), KeyBERT (2 совпадения), RAKE (1 совпадение). Для выдачи алгоритма Хи-Квадрат совпадений не обнаружено: все ключевые выражения, выделенные этим способом, описывают внутренние процедуры обработки корпуса, не упомянутые в аннотации. Поскольку научный текст имеет строгую композицию и регламентированный словарь, включающий терминологию предметной области, при выборе алгоритма автоматического выделения ключевых выражений следует отдавать тем методам, которые высокочувствительны к терминам и терминосочетаниям.

Обработка художественного подкорпуса

В художественный подкорпус вошли 50 текстов глав юмористических повестей Джерома К. Джерома «Трое на четырех колесах» (перевод М. Жаринцовой)[11], «Трое в одной лодке, не считая собаки» (перевод М. Салье)[12]; романа-робинзонады Жюля Верна «Таинственный остров» (перевод Н. Немчиновой, А. Худадовой)[13]. Выбор данных источников определен тем, что отдельные главы в них снабжены авторским кратким описанием содержания.

Ниже приводится пример анализа одного из текстов художественного подкорпуса. В табл. 6 представлены ключевые выражения, полученные в результате оценки экспертов (ЭКС1, ЭКС2, ЭКС3, ЭКС4, ЭКС5), а в табл. 7 – с помощью автоматических методов выделения ключевых выражений.

Таблица 6. Ключевые выражения для текста художественного подкорпуса, извлеченные экспертами
Table 6. Key expressions for the text of the fiction subcorpus extracted by experts

ЭКС1	ЭКС2	ЭКС3	ЭКС4	ЭКС5
Рэдинг Этельред набег	*Рэдинг, Эльтеред, Альфред, история городка*	*остановка по дороге, город, история*	*старинный, знаменитый городок*	*Рэдинг – старинный городок, основанный в дни короля Этельреда*

В табл. 7 полужирным шрифтом отмечены точные совпадения автоматически выделенных ключевых выражений (без учета морфологических форм) по сравнению с выражениями, определенными экспертами. В отличие от текстов в публицистическом и научном корпусах смысловые корреляты целостные конструкции, аналогичные экспертной разметке, не были выявлены. Между результатами ручной и автоматической разметки ключевых выражений зарегистрированы единичные совпадения: PullEnti, TF-IDF, TextRank, Topia, YAKE, KeyBERT (1 совпадение). Для выдачи алгоритмов Log-Likelihood, Хи-Квадрат, RAKE совпадения не найдены. Это объясняется композицией художественного текста и выразительными средствами, используемыми при его создании: сюжет произведения оказывается существенно богаче, чем его лаконичное описание, предваряющее повествование.

Обработка результатов экспериментов

Процедура обработки результатов экспериментов заключается в проверке совпадения ключевых выражений, выделенных автоматически из второй части текста, с выражениями, выделенными экспертами из первой части текста.

С одной стороны, несовпадение экспертной и автоматической разметки ключевых выражений подтверждает гипотезу об их пространственно-позиционных свойствах. С другой стороны, частичное пересечение списков ключевых выражений, назначенных экспертами и сформиро-

[11] http://lib.ru/JEROM/chetwero.txt
[12] http://lib.ru/JEROM/troe_w_lodke.txt
[13] http://lib.ru/INOFANT/VERN/ostrow.txt

Таблица 7. Ключевые выражения для текста художественного подкорпуса, извлеченные автоматически
Table 7. Key expressions for the text of the fiction subcorpus, extracted automatically

Алгоритм	Ключевые слова и выражения (первые пять результатов)
TF-IDF	***Рэдинга** 0.10, река 0.08, Стритли 0.07, Горинг 0.07, баркаса 0.04 ...*
Log-likelihood	*шесть шиллингов 23.03, шиллингов неделю 23.03, приблизились нему 14.81, приняла объятия 14.81, принц Оранский 14.81 ...*
Хи-квадрат	*баркасами них 606.0, прибрежных городов 606.0, принялся доказывать 606.0, приняла объятия 606.0, принц Оранский 606.0 ...*
RAKE	*руку коробку грошовых конфет 16.0, какую-нибудь пустяковую чуму 9.0, завсегдатаям картинных выставок 9.0, отпечаток безмятежного спокойствия 9.0, охваченные справедливым негодованием 9.0...*
YAKE	*[в] Лондоне становилось скверно 0.001, [в] Вестминстере объявлялась чума 0.01, [в] Лондоне становилось 0.01, **Рэдинг** всякий 0.02, поздние годы 0.019...*
PullEnti	*Лондон, **город**, парламент, Генрих, Карл*
Topia	***Рэдинга** 5, Горинг 5, время 4, река 4, лодка 3 ...*
TextRank	*реке, **Рэдингом**, Стритли, баркасом, лодки...*
KeyBERT	*Вестминстере, 0.88, **городов** 0.88, равнодушием, 0.87, местечки 0.87, принадлежащим 0.87 ...*

ванных автоматическими методами, позволит определить ожидаемую концентрацию ключевых выражений в основной части текста. Поскольку в исследовании используется девять методов автоматического выделения ключевых выражений, сравнение результатов их работы позволит определить их чувствительность к определению ключевых выражений в нетипичных фрагментах текстов.

В трех сериях экспериментов с публицистическим, научным и художественным корпусами текстов были получены данные о количественном соотношении ключевых выражений, выделенных экспертами в первой части текстов и автоматически определенных во второй части текстов. Данные оценки были обобщены для каждого из 150 текстов в трех подкорпусах и для каждого из девяти методов автоматического выделения ключевых выражений. В итоге были рассчитаны средние значения доли пересечений между ключевыми выражениями, отобранными в ходе эксперимента с испытуемыми и в ходе применения автоматических методов.

Наилучшие показатели у лингвистического процессора PullEnti (усредненная доля совпадений в публицистических текстах 1,8 слова на текст, в научных текстах – 2,32 слова на текст, в художественных текстах – 1,82 слова на текст). Самые низкие оценки продемонстрировал алгоритм KeyBERT (усредненная доля совпадений в публицистических текстах 0,26 слова на текст, в научных текстах – 0,06 слова на текст, в художественных текстах – 0,08 слова на текст). Остальные методы занимают промежуточное положение.

Интерпретация полученных результатов состоит в том, что метод выделения ключевых выражений, реализованный в процессоре PullEnti, совмещает большое число лингвистических параметров текстов и их статистические характеристики, тогда как алгоритм KeyBERT, основанный на модели распределенных векторов типа Трансформер и использующий многоэтапную процедуру сокращения размерности, обладает сверхобобщающей способностью, вследствие чего может уступать по качеству методам, использующим более простые вычислительные приемы и системы правил. Лингвистические факторы, подтверждающие данные наблюдения, это тенденция метода PullEnti к выделению именных униграмм или коллокаций, выражающих фактическую инфор-

Рис. 1. Диаграмма количественных оценок совпадений ключевых выражений в публицистическом подкорпусе

Fig. 1. Diagram of quantitative estimates of the coincidence of key expressions in the news subcorpus

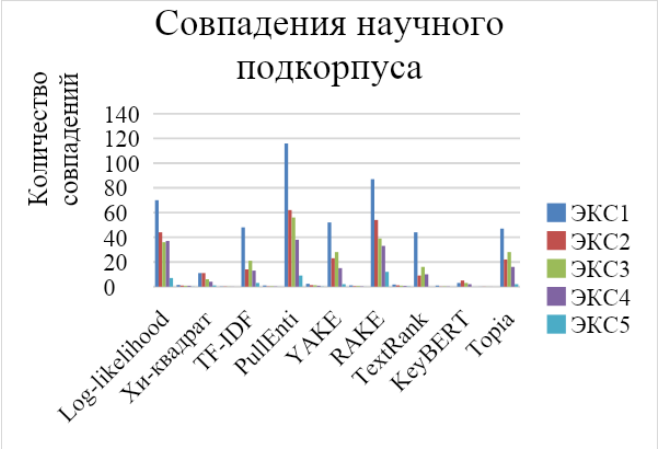

Рис. 2. Диаграмма количественных оценок совпадений ключевых выражений в научном подкорпусе

Fig. 2. Diagram of quantitative estimates of the coincidence of key expressions in the scientific subcorpus

Рис. 3. Диаграмма количественных оценок совпадений ключевых выражений в художественном подкорпусе

Fig. 3. Diagram of quantitative estimates of the coincidence of key expressions in the fiction subcorpus

мацию (одна из задач процессора – выделение именованных сущностей), и смешанная выдача алгоритма KeyBERT, включающая абстрактную лексику, глагольные формы, и кроме этого, автоматически устанавливающая ограничения на число предсказываемых ключевых выражений.

На рис. 1–3 представлены диаграммы с количественными оценками совпадений экспертной и автоматической разметки ключевых выражений.

Заключение

В ходе экспериментов по сравнению ручной и автоматической разметки ключевых выражений в русскоязычных корпусах текстов была подтверждена гипотеза о возможности автоматического распознавания в основной части текста тех ключевых выражений, которые были выделены экспертами вручную в начальной части текста. Это обосновывает возможность автоматизации выделения ключевых выражений в исследованиях, направленных на моделирование семантической организации корпусов текстов, где ручная разметка неприменима. В то же время, наличие расхождений между экспертными и автоматически сгенерированными наборами ключевых выражений объясняется стилистическими особенностями текстов (публицистическом, научным и худоджественных), а также различиями в работе алгоритмов, использованных в экспериментах (Log-Likelihood, TF-IDF, Хи-квадрат, RAKE, YAKE, PullEnti, Topia, структурныеTextRank, KeyBERT). В рамках экспериментов были впервые получены сопоставительные данные о результатах применения данного набора алгоритмов на материале русскоязычных текстов.

Полученные результаты исследования представляют высокую ценность для исследований, проводимых в области семантической компрессии текстов, в особенности, в сфере автоматического моделирования тематики корпусов текстов с использованием мультимодальных тематических моделей [45–48].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Барахнин В.Б., Ткачев Д.А.** Кластеризация текстовых документов на основе составных ключевых термов // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2010. Т. 8 (2). С. 5–14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klasterizatsiya-tekstovyh-dokumentov-na-osnove-sostavnyh-klyuchevyh-termov?ysclid=laftym3w15838783872

2. **Гуляев О.В., Лукашевич Н.В.** Автоматическая классификация текстов на основе заголовка рубрики // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2013. Т. 16. С. 238–244. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtomaticheskaya-klassifikatsiya-tekstov-na-osnove-zagolovka-rubriki?ysclid=lafu0o2df9558148953

3. **Москвитина Т.Н.** Методы выделения ключевых слов при реферировании научного текста // Вестник Томского государственного университета. 2018. Т. 8 (197). С. 45–50. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/moskvitina_t._n._45_50_8_197_2018.pdf?ysclid=lafuynavpj156594902

4. **Попова С.В., Данилова В.В.** Представление документов в задаче кластеризации аннотаций научных текстов // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2014. Т. 1. № 89. С. 99–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-dokumentov-v-zadache-klasterizatsii-annotatsiy-nauchnyh-tekstov?ysclid=lafuznumz3740161495

5. **Шмулевич М.М., Пивоваров В.С., Киселев М.В.** Метод кластеризации текстов, учитывающий совместную встречаемость ключевых терминов, и его применение к анализу тематической структуры новостного потока, а также ее динамики. 2005. URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/1421

6. **Мурзин Л.Н., Штерн А.С.** Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

7. **Сахарный Л.В.** Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27284933&pff=1&ysclid=lafv4co0ns297089297

8. **Сахарный Л.В., Сибирский С.А., Штерн А.С.** Набор ключевых слов как текст // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста. Пермь, 1984. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30045397&ysclid=lafv5bewh8847279895

9. **Филиппов К.А.** Лингвистика текста. СПб., 2003.

10. **Петрова Т.Е.** Контекстная предсказуемость ключевых слов текста. СПб., 2006.

11. **Ягунова Е.В.** Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей). Пермь, 2008.

12. **Ягунова Е.В.** Набор опорных слов как вид свертки текста (в сопоставлении с набором ключевых слов // Язык и речевая деятельность. 2008. Т. 8. С. 225–235. URL: https://www.dialog-21.ru/media/1811/91.pdf

13. **Петрова Т.Е., Риехакайнен Е.И., Кузнецова А.С., Мараев А.В., Шаталов М.А.** Выделение ключевых слов в вербальных и невербальных паттернах // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 5, 2017. С. 149–156. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vydelenie-klyuchevyh-slov-v-verbalnyh-i-neverbalnyh-patternah?ysclid=lafv8ev06b194106481

14. **Абрамов Е.Г.** Подбор ключевых слов для научной статьи // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 2. С. 35–40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podbor-klyuchevyh-slov-dlya-nauchnoy-stati?ysclid=lafv9byvdz763665197

15. **Ванюшкин А.С., Гращенко Л.А.** Методы и алгоритмы извлечения ключевых слов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. Т. 19. С. 85–93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-algoritmy-izvlecheniya-klyuchevyh-slov?ysclid=lafva1k1bi186577723

16. **Дубинина Е.Ю.** 2020 Выделение ключевых слов текста научной статьи в процессе создания автоматического реферата // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 1. С. 26–28. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2020/01/2020-01-06.pdf

17. **Тихонова Е.В., Косычева М.А.** Эффективные ключевые слова: стратегии формулирования // Health, Food & Biotechnology, 2022. Vol. 3 (4). Pp. 7–15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnye-klyuchevye-slova-strategii-formulirovaniya?ysclid=lafvbrf2bd330329275

18. **Шереметьева С.О., Осминин П.Г.** Методы и модели автоматического извлечения ключевых слов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 12 (1). 2015. С. 76–81. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-modeli-avtomaticheskogo-izvlecheniya-klyuchevyh-slov?ysclid=lafvcmbxhe291903213

19. **Камшилова О.Н.** Анализ выбора и состава списков ключевых слов (по материалам научных публикаций) // Прикладная лингвистика в науке и образовании. СПб., 2012. С. 136–142. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21530271&ysclid=lafvdyd3ia359073087

20. **Камшилова О.Н.** Малые формы научного текста: ключевые слова и аннотация (информационный аспект) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 156. 2013. С. 106–117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/malye-formy-nauchnogo-teksta-klyuchevye-slova-i-annotatsiya-informatsionnyy-aspekt

21. **Kamshilova O., Beliaeva L., Geikhman L.** Author's Choice for Keyword List: Research Aspect // PRLEAL-2019. R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics. Proceedings of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL–2019). CEUR Workshop Proceedings. Saint Petersburg, Russia, November 27, 2019. 2020. Pp. 47–59. URL: http://ceur-ws.org/Vol-2552/Paper5.pdf

22. **Браславский П., Соколов Е.** Сравнение пяти методов извлечения терминов произвольной длины // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог–2008». М., 2008. URL: https://www.dialog-21.ru/media/1732/11.pdf

23. **Виноградова Н.В., Иванов В.К.** Современные методы автоматизированного извлечения ключевых слов из текста // Информационные ресурсы России. 2016(4). С. 13–18. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27036419&ysclid=lafvhiu0wr488919615

24. **Лукашевич Н.В., Логачев Ю.М.** Комбинирование признаков для автоматического извлечения терминов // Вычислительные методы и программирование. 2010. Т. 11 (4). С. 108–116. URL: https://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=vmp&paperid=345&option_lang=rus&ysclid=lafvih6e1i417544486

25. **Papagiannopoulou E., Tsoumakas G.** A Review of Keyphrase Extraction // https://arxiv.org/pdf/19-05.05044.pdf

26. **Захаров В.П., Хохлова М.В.** Выделение терминологических словосочетаний из специальных текстов на основе различных мер ассоциации // XVII Всероссийская объединенная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2014). СПб., 2014. URL: https://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/268

27. **Залесская В.В.** Программа выявления в тексте двучленных статистически значимых осмысленных коллокаций (на материале русского языка) // XVII Всероссийская объединенная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2014). СПб., 2014. URL: https://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/download/267/263

28. **Brezina V., McEnery T., Wattam S.** Collocations in context: A new perspective on collocation networks // International Journal of Corpus Linguistics. Vol. 20 (2). August 2015. DOI: 10.1075/ijcl.20.2.01bre

29. **Evert S.** Corpora and collocations // Corpus Linguistics. An International Handbook. Article 58. Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 1212–1248. URL: https://stephanie-evert.de/PUB/Evert2007HSK_extended_manuscript.pdf

30. **Андреева Д., Митрофанова О.А.** Эксперименты по кластеризации русскоязычных новостных текстов на основе списков лексических конструкций // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 13. СПб., 2019. С. 141–157. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44751350&ysclid=lafvm63kog77269386

31. **Букия Г.Т.** Автоматическая кластеризация новостных сообщений с опорой на ключевые слова и биграммные конструкции // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 12. СПб., 2018. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41085947&ysclid=lafvnf50p0798429448

32. **Luhn H.P.** A Statistical Approach to Mechanized Encoding and Searching of Literary Information // IBM Journal of Research and Development. Vol. 4. Issue 1. 1957. Pp. 309–317. URL: http://openlib.org/home/krichel/courses/lis618/readings/luhn57.pdf

33. **Luhn H.P.** The Automatic Creation of Literature Abstracts // IBM Journal of Research and Development.Vol. 2. Issue 2. 1958. Pp. 159–165. URL: https://courses.ischool.berkeley.edu/i256/f06/papers/luhn58.pdf

34. **Красавина В.Д., Мирзагитова А.Р.** Оптимизация поиска в системе LeadScanner с помощью автоматического выделения ключевых слов и словосочетаний // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2015». СПб., 2015. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/files/corpling/corpora2015/Krasavina,%20Mirzagitova.pdf?ysclid=lafvqg594z137492449

35. **Tomokiyo T., Hurst M.** A language model approach to keyphrase extraction // ACL 2003 Workshop on Multiword expressions. 2003. Vol. 18. P. 33–40. URL: https://aclanthology.org/W03-1805.pdf

36. **Москвина А.Д., Ерофеева А.Р., Митрофанова О.А., Харабет Я.К.** Автоматическое выделение ключевых слов и словосочетаний из русскоязычного корпуса текстов с помощью алгоритма RAKE // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика–2017» (Санкт-Петербург, 27–30 июня 2017 г.). Изд-во СПбГУ, 2017. С. 268–275. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32425675&ysclid=lafvs71ipx62334401

37. **Moskvina A., Sokolova E., Mitrofanova O.** KeyPhrase extraction from the Russian corpus on Linguistics by means of KEA and RAKE algorithm // Data Analytics and Management in Data Intensive Domains: XX International Conference DAMDID/RCDL'2018 (October 9–12, 2018, Moscow, Russia): Conference Proceedings / ed. by L. Kalinichenko, Y. Manolopoulos, S. Stupnikov, N. Skvortsov, V. Sukhomlin. FRC CSC RAS. С. 369–372. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41112843&ysclid=lafvsyrid2180400661

38. **Rose S.J., Cowley W.E., Crow V.L., Cramer N.O.** Rapid Automatic Keyword Extraction for Information Retrieval and Analysis. 2009. URL: http://www.google.co.ve/patents/US8131735

39. **Campos R., Mangaravite V., Pasquali A., Jatowt A., Jorge A., Nunes C., Jatowt A.** YAKE! Keyword Extraction from Single Documents using Multiple Local Features // Information Sciences Journal. Vol. 509. 2020. Pp. 257–289. DOI: 10.1016/j.ins.2019.09.013

40. **Abrosimov K.I., Mosyagina A.G.** Sodner for Russian nested named entity recognition // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference «Dialogue». Issue 21. Moscow, 2022. URL: https://www.dialog-21.ru/media/5744/abrosimovkiplusmosyaginaag037.pdf

41. **Усталов Д.А.** Извлечение терминов из русскоязычных текстов при помощи графовых моделей // CSEDays: Теория графов и приложения. Екатеринбург. 2012. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=wPD4g7AAAAAJ&citation_for_view=wPD4g7AAAAAJ:3fE2CSJIrl8C

42. **Mihalcea R., Tarau P.** TextRank: Bringing Order into Text // Proceedings of the 2004 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing/ Barselona, 2004. Pp. 404–411. URL: https://web.eecs.umich.edu/~mihalcea/papers/mihalcea.emnlp04.pdf

43. **Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K.** BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // arxiv.org. 2018. URL: http://arXiv:1810.04805v2

44. **Grootendorst M.** KeyBERT: Minimal keyword extraction with BERT. 2020. URL://https://doi.org/10.5281/zenodo.4461265

45. **Митрофанова О.А.** Исследование структурной организации художественного произведения с помощью тематического моделирования: опыт работы с текстом романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2019». СПб., 2019. С. 387–394. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=39449562&ysclid=lafvzcnxb6152046749

46. **Седова А.Г., Митрофанова О.А.** Тематическое моделирование русскоязычных текстов с опорой на леммы и лексические конструкции // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: Труды XX Международной Объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (Санкт-Петербург, 21–24 июня 2017 г.). СПб.: Изд-во ИТМО, 2017. С. 132–143. URL: https://openbooks.itmo.ru/ru/file/6518/6518.pdf?ysclid=lafvzxrclb789988181

47. **Mitrofanova O., Kriukova A., Shulginov V., Shulginov V.** E-hypertext Media Topic Model with Automatic Label Assignment // Recent Trends in Analysis of Images, Social Networks and Texts – 9th International Conference, AIST 2020, Revised Supplementary Proceedings. Springer Nature, 2021. Pp. 102–114. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-71214-3_9

48. **Mitrofanova O., Sampetova V., Mamaev I., Moskvina A., Sukharev K.** Topic Modelling of the Russian Corpus of Pikabu Posts: Author–Topic Distribution and Topic Labelling // Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society», IMS 2020. CEUR Workshop Proceedings. 2021. Pp. 101–116. URL: http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper08.pdf

REFERENCES

[1] **V.B. Barakhnin, D.A. Tkachev,** Clustering of text documents based on compound key terms, Vestnik NSU. Series: Information technologies. 8 (2) (2010) 5–14. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/klasterizatsiya-tekstovyh-dokumentov-na-osnove-sostavnyh-klyuchevyh-termov?ysclid=laftym3w15838783872

[2] **O.V. Gulyaev, N.V. Lukashevich,** Automatic classification of texts based on rubric heading, New information technologies in automated systems. 16 (2013) 238–244. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/avtomaticheskaya-klassifikatsiya-tekstov-na-osnove-zagolovka-rubriki?ysclid=lafu0o2df9558148953

[3] **T.N. Moskvitina,** Methods of highlighting keywords when summarizing a scientific text. Bulletin of the Tomsk State University. 8 (197) (2018) 45–50. Available at: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/moskvitina_t._n._45_50_8_197_2018.pdf?ysclid=lafuynavpj156594902

[4] **S.V. Popova, V.V. Danilova,** Representation of documents in the task of clustering annotations of scientific texts, Scientific and technical bulletin of information technologies, mechanics and optics. 1 (89) (2014) 99–107. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-dokumentov-v-zadache-klasterizatsii-annotatsiy-nauchnyh-tekstov?ysclid=lafuznumz3740161495

[5] **M.M. Shmulevich, V.S. Pivovarov, M.V. Kiselev,** Text clustering method based on the joint occurrence of key terms, and its application to the analysis of the thematic structure of the news flow, as well as its dynamics, 2005. Available at: http://elar.urfu.ru/handle/10995/1421

[6] **L.N. Murzin, A.S. Shtern,** Text and its perception. Sverdlovsk, 1991.

[7] **L.V. Sakharny,** Primitive texts and patterns of their generation, Human factor in language: language and speech generation. M., 1991. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=27284933&pff=1&ysclid=lafv4co0ns297089297

[8] **L.V. Sakharny, S.A. Sibirsky, A.S. Shtern,** A set of keywords as a text, Psychological-pedagogical and linguistic problems of text research. Perm, 1984. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=30045397&ysclid=lafv5bewh8847279895

[9] **K.A. Filippov,** Linguistics of the text. SPb., 2003.

[10] **T.E. Petrova,** Contextual predictability of text keywords. SPb., 2006.

[11] **E.V. Yagunova,** Variability of Strategies for Perceiving Oral Text (Experimental Study on the Material of Russian Texts of Different Functional Styles). Perm, 2008.

[12] **E.V. Yagunova,** A set of key words as a type of text convolution (in comparison with a set of keywords, Language and speech activity. 8 (2008) 225–235. Available at: https://www.dialog-21.ru/media/1811/91.pdf

[13] **T.E. Petrova, E.I. Riyekhakaĭnen, A.S. Kuznetsova, A.V. Marayev, M.A. Shatalov,** Identification of keywords in vebral and non-verbal patterns, Socio- and psycholinguistic studies. 5 (2017) 149–156. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/vydelenie-klyuchevyh-slov-v-verbalnyh-i-neverbalnyh-paternah?ysclid=lafv8ev06b194106481

[14] **Ye.G. Abramov,** Selection of keywords for a scientific article, Scientific periodicals: problems and solutions. 2 (2011) 35–40. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/podbor-klyuchevyh-slov-dlya-nauchnoy-stati?ysclid=lafv9byvdz763665197

[15] **A.S. Vanyushkin, L.A. Grashchenko,** Methods and algorithms for extracting keywords, New information technologies in automated systems. 19 (2016) 85–93. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-algoritmy-izvlecheniya-klyuchevyh-slov?ysclid=lafva1k1bi186577723

[16] **E.Yu. Dubinina,** Highlighting keywords in the text of a scientific article in the process of creating an automatic abstract, Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism. 1 (2021) 26–28. Available at: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2020/01/2020-01-06.pdf

[17] **E.V. Tikhonova, M.A. Kosycheva,** Effective keywords: formulation strategies, Health, Food & Biotechnology, 3 (4) (2022) 7–15. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnye-klyuchevye-slova-strategii-formulirovaniya?ysclid=lafvbrf2bd330329275

[18] **S.O. Sheremetyeva, P.G. Osminin,** Methods and models of automatic extraction of keywords, Bulletin of the South Ural State University. 12 (1) (2015) 76–81. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-modeli-avtomaticheskogo-izvlecheniya-klyuchevyh-slov?ysclid=lafvcmbxhe291903213

[19] **O.N. Kamshilova,** Analysis of the choice and composition of keyword lists (based on scientific publications), Applied Linguistics in Science and Education. SPb., 2012. Pp. 136–142. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=21530271&ysclid=lafvdyd3ia359073087

[20] **O.N. Kamshilova,** Small forms of scientific text: keywords and abstract (informational aspect), Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after AI Herzen. 156 (2013) 106–117. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/malye-formy-nauchnogo-teksta-klyuchevye-slova-i-annotatsiya-informatsionnyy-aspekt

[21] **O. Kamshilova, L. Beliaeva, L. Geikhman,** Author's Choice for Keyword List: Research Aspect, PRLEAL-2019. R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics. Proceedings of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL–2019). CEUR Workshop Proceedings. Saint Petersburg, Russia, November 27, 2019. 2020. Pp. 47–59. Available at: http://ceur-ws.org/Vol-2552/Paper5.pdf

[22] **P. Braslavskiy, E. Sokolov,** Comparison of five methods for extracting terms of arbitrary length, Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue-2008". M., 2008. Available at: https://www.dialog-21.ru/media/1732/11.pdf

[23] **N.V. Vinogradova, V.K. Ivanov,** Modern methods of automated extraction of keywords from the text, Information resources of Russia. (4) (2016) 13–18. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=27036419&ysclid=lafvhiu0wr488919615

[24] **N.V. Lukashevich, Yu.M. Logachev,** Combining features for automatic term extraction // Computational methods and programming. 11 (4) (2010) 108–116. Available at: https://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=vmp&paperid=345&option_lang=rus&ysclid=lafvih6e1i417544486

[25] **E. Papagiannopoulou, G. Tsoumakas,** A Review of Keyphrase Extraction, Available at: https://arxiv.org/pdf/1905.05044.pdf

[26] **V.P. Zakharov, M.V. Khokhlova,** Selection of terminological phrases from special texts based on various association measures, XVII All-Russian United Conference "Internet and Modern Society" (IMS-2014). St. Petersburg, 2014. Available at: https://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/268

[27] **V.V. Zalesskaya,** The program for identifying two-term statistically significant meaningful collocations in the text (based on the Russian language), XVII All-Russian United Conference "Internet and Modern Society" (IMS-2014). St. Petersburg, 2014. Available at: https://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/download/267/263

[28] **V. Brezina, T. McEnery, S. Wattam,** Collocations in context: A new perspective on collocation networks // International Journal of Corpus Linguistics. 20 (2) 2015. DOI: 10.1075/ijcl.20.2.01bre

[29] **S. Evert,** Corpora and collocations, Corpus Linguistics. An International Handbook. Article 58. Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 1212–1248. Available at: https://stephanie-evert.de/PUB/Evert2007HSK_extended_manuscript.pdf

[30] **D. Andreyeva, O.A. Mitrofanova,** Experiments on clustering Russian-language news texts based on lists of lexical constructions, Structural and Applied Linguistics. 13 (2019) 141–157. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=44751350&ysclid=lafvm63kog77269386

[31] **G.T. Bukia,** Automatic clustering of news messages based on keywords and bigram constructions, Structural and Applied Linguistics. 12 (2018). Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=41085947&ysclid=lafvnf50p0798429448

[32] **H.P. Luhn,** A Statistical Approach to Mechanized Encoding and Searching of Literary Information, IBM Journal of Research and Development. 4 (1) (1957) 309–317. Available at: http://openlib.org/home/krichel/courses/lis618/readings/luhn57.pdf

[33] **H.P. Luhn,** The Automatic Creation of Literature Abstracts, IBM Journal of Research and Development. 2 (2) (1958) 159–165. Available at: https://courses.ischool.berkeley.edu/i256/f06/papers/luhn58.pdf

[34] **V.D. Krasavina, A.R. Mirzagitova,** Search optimization in the LeadScanner system using automatic selection of keywords and phrases, Proceedings of the international conference "Corpus Linguistics-2015". SPb., 2015. Available at: https://events.spbu.ru/eventsContent/files/corpling/corpora2015/Krasavina,%20Mirzagitova.pdf?ysclid=lafvqg594z137492449

[35] **T. Tomokiyo, M. Hurst,** A language model approach to keyphrase extraction, ACL 2003 Workshop on Multiword expressions. 18 (2003) 33–40. Available at: https://aclanthology.org/W03-1805.pdf

[36] **A.D. Moskvina, A.R. Yerofeyeva, O.A. Mitrofanova, Ya.K. Kharabet,** Automatic selection of keywords and phrases from the Russian-language corpus of texts using the RAKE algorithm, Proceedings of the International Conference "Corpus Linguistics-2017" (St. Petersburg, June 27–30, 2017). Publishing house of St. Petersburg State University, 2017. Pp. 268–275. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=32425675&ysclid=lafvs71ipx62334401

[37] **A. Moskvina, E. Sokolova, O. Mitrofanova,** KeyPhrase extraction from the Russian corpus on Linguistics by means of KEA and RAKE algorithm, Data Analytics and Management in Data Intensive Domains: XX International Conference DAMDID/RCDL'2018 (October 9–12, 2018, Moscow, Russia): Conference Proceedings / ed. by L. Kalinichenko, Y. Manolopoulos, S. Stupnikov, N. Skvortsov, V. Sukhomlin. FRC CSC RAS. Pp. 369–372. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=41112843&ysclid=lafvsyrid2180400661

[38] **S.J. Rose, W.E. Cowley, V.L. Crow, N.O. Cramer,** Rapid Automatic Keyword Extraction for Information Retrieval and Analysis. 2009. Available at: http://www.google.co.ve/patents/US8131735

[39] **R. Campos, V. Mangaravite, A. Pasquali, A. Jatowt, A. Jorge, C. Nunes, A. Jatowt,** YAKE! Keyword Extraction from Single Documents using Multiple Local Features, Information Sciences Journal. 509 (2020) 257–289. DOI: 10.1016/j.ins.2019.09.013

[40] **K.I. Abrosimov, A.G. Mosyagina,** Sodner for Russian nested named entity recognition, Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue". Issue 21. Moscow, 2022. Available at: https://www.dialog-21.ru/media/5744/abrosimovkiplusmosyaginaag037.pdf

[41] **D.A. Ustalov,** Extracting terms from Russian texts using graph models, CSEDays: Graph Theory and Applications. Yekaterinburg. 2012. Available at: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=wPD4g7AAAAAJ&citation_for_view=wPD4g7AAAAAJ:3fE2CSJIrl8C

[42] **R. Mihalcea, P. Tarau,** TextRank: Bringing Order into Text, Proceedings of the 2004 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing/ Barselona, 2004. Pp. 404–411. Available at: https://web.eecs.umich.edu/~mihalcea/papers/mihalcea.emnlp04.pdf

[43] **J. Devlin, M.-W. Chang, K. Lee, K. Toutanova,** BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding, arxiv.org. 2018. Available at: http://arXiv:1810.04805v2

[44] **M. Grootendorst,** KeyBERT: Minimal keyword extraction with BERT. 2020. Available at: // https://doi.org/10.5281/zenodo.4461265

[45] **O.A. Mitrofanova,** Study of the structural organization of a work of art using thematic modeling: experience with the text of the novel "The Master and Margarita" by M.A. Bulgakov, Proceedings of the international conference "Corpus Linguistics-2019". SPb., 2019. Pp. 387–394. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=39449562&ysclid=lafvzcnxb6152046749

[46] **A.G. Sedova, O.A. Mitrofanova,** Topic modeling of Russian-language texts based on lemmas and lexical constructions, Computational Linguistics and Computational Ontologies: Proceedings of the XX

International Joint Scientific Conference “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, June 21–24, 2017). StP: ITMO, 2017. Pp. 132–143. Available at: https://openbooks.itmo.ru/ru/file/6518/6518.pdf?ysclid=lafvzxrclb789988181

[47] **O. Mitrofanova, A. Kriukova, V. Shulginov, V. Shulginov,** E-hypertext Media Topic Model with Automatic Label Assignment, Recent Trends in Analysis of Images, Social Networks and Texts – 9th International Conference, AIST 2020, Revised Supplementary Proceedings. Springer Nature, 2021. Pp. 102–114. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-71214-3_9

[48] **O. Mitrofanova, V. Sampetova, I. Mamaev, A. Moskvina, K. Sukharev,** Topic Modelling of the Russian Corpus of Pikabu Posts: Author–Topic Distribution and Topic Labelling, Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society”, IMS 2020. CEUR Workshop Proceedings. 2021. Pp. 101–116. Available at: http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper08.pdf

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Митрофанова Ольга Александровна
Olga A. Mitrofanova
E-mail: o.mitrofanova@spbu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3008-5514

Гаврилик Дарья Александровна
Daria A. Gavrilic
E-mail: 2702gavrilic@mail.ru

Поступила: 15.11.2022; Одобрена: 19.12.2022; Принята: 26.12.2022.
Submitted: 15.11.2022; Approved: 19.12.2022; Accepted: 26.12.2022.

Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 41–54.
Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 41–54.

Научная статья
УДК 811.111
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13403

КОНЦЕПТ «БЕЛАЯ ВЕЖА» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ

Т.В. Поплавская , И.Л. Ильичева

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

ilitcheva@list.ru

Аннотация. Лингвокультурологический подход к пониманию концепта состоит в том, что он признается базовой единицей культуры, ее концентратом. Совокупность концептов образует концептосферу этноса и, соответственно, языка. В статье раскрывается содержание важного для региональной лингвокультуры, но малоизученного концепта «Белая Вежа». Рассматривается репрезентация концепта в поэтическом, медийном, маркетинговом дискурсах Брестчины. Фактическим материалом послужили произведения региональных поэтов, эргонимы и товарные знаки, медийные материалы, составившие картотеку контекстов. Выявлены языковые и неязыковые средства объективации компонентов концепта «Белая Вежа» в региональном коммуникативном пространстве. В структуре понятийного компонента исследуемого концепта выделяется общий смысл «дозорная крепостная башня оборонного типа». Образная составляющая концепта в региональной поэзии репрезентируется доминантными образами: «хранительница истории», «часовой», «сила», «мужество», «краса древнего зодчества», «каменная береза» и «Родина». Установлено, что невербальная репрезентация лингвокультурного концепта вносит в его экспликацию определенные коррективы, значительно увеличивая номинативную плотность. Языковое выражение лингвокультурного концепта «Белая Вежа» тесным образом связано с мировосприятием скульпторов и художников, обращавшихся к данной теме, и привлекает возможные знаки иных семиотических систем. Анализ доминантных характеристик лингвокультурного концепта «Белая Вежа», представленных посредством знаков разных семиотических систем, позволил выявить специфические характеристики региональной картины мира, национального менталитета и характера.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концепт, семиотически осложненный текст, знаки разной модальности, языковое сознание.

Для цитирования: Поплавская Т.В., Ильичева И.Л. Концепт «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестского региона Беларуси // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 41–54. DOI: 10.18721/JHSS.13403

© Поплавская Т.В., Ильичева И.Л., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13403

THE CONCEPT OF "BELAYA VEZHA" IN THE COMMUNICATION SPACE OF THE BREST REGION OF BELARUS

T.V. Poplavskaia, I.L. Ilyicheva ✉

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus

✉ ilitcheva@list.ru

Abstract. The linguoculturological approach to understanding the concept is that it is recognized as the basic unit of culture, its concentrate. The totality of concepts forms the concept sphere of an ethnos and, accordingly, a language. The article reveals the content of the important for the regional linguistic culture, but little studied concept of "Belaya Vezha". The representation of the concept in the poetic, media, marketing discourses of the Brest region is considered. The factual material was the works of regional poets, ergonyms and trademarks, media materials that made up a card file of contexts. Linguistic and non-linguistic means of objectifying the components of the "Belaya Vezha" concept in the regional communicative space are revealed. In the structure of the conceptual component of the concept under study, the general meaning of "watch tower of a defensive type" is distinguished. The figurative component of the concept in regional poetry is represented by dominant images: "keeper of history", "sentry", "strength", "courage", "beauty of ancient architecture", "stone birch" and "Motherland". It has been established that the non-verbal representation of a linguocultural concept introduces certain corrections into its explication, significantly increasing the nominative density. The linguistic expression of the linguocultural concept "Belaya Vezha" is closely related to the worldview of sculptors and artists who addressed this topic, and attracts possible signs of other semiotic systems. The analysis of the dominant characteristics of the linguocultural concept "Belaya Vezha", represented by signs of different semiotic systems, made it possible to identify the specific characteristics of the regional picture of the world, national mentality and character.

Keywords: cultural linguistics, concept, semiotically complicated text, signs of different modality, linguistic consciousness.

Citation: T.V. Poplavskaia, I.L. Ilyicheva, The concept of "Belaya Vezha" in the communication space of the Brest region of Belarus, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 41–54. DOI: 10.18721/JHSS.13403

Введение

В начале XX века культура, как справедливо отмечают Т.В. Евсюкова и Е.Ю. Бутенко, «смещается в эпицентр человеческого бытия, это происходит во всех сферах жизни, что объясняется многими обстоятельствами развития социокультурных процессов» [9, с. 11]. В современном мире успешно расширяются международные контакты в различных сферах экономической, общественно-политической, социальной и культурной жизни. В связи с этим особую значимость приобретает проблема «язык и культура». Культура любого этноса представляет собой семиотическую систему, «совокупность естественных реалий, артефактов и этических фактов, таких категорий как добро, зло, истина, совесть и т.п.» [9, с. 268]. Ценности культуры – историческое явление [6], а причиной, «вызывающей к жизни появление тех или иных культурных ценностей в разные исторические эпохи, выступает деятельность человека» [9, с. 269].

Одним из основных видов деятельности человека в разные эпохи было строительство башен – первых форм жилища, которые появились вслед за первобытной хижиной. Первым сооружением данного типа считается Иерихонская башня, созданная в эпоху неолита. Башни имели самые различные назначения: в крепостях и замках служили для обороны и наблюдения за неприятелем, в церквях – для размещения колоколов, в ратушах и подобных общественных сооружениях – для часов, в морском деле – для вестовых огней и свистков (для предупреждения кораблей во

© T.V. Poplavskaia, I.L. Ilyicheva, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

время тумана). Часто башни строились из чисто эстетических соображений или в качестве смотровой площадки.

В древнерусском крепостном зодчестве башня имела разные наименования: «*столп*» (известно с 986 г. до середины XIII в. для иноземных построек, а с середины XIII в. и для Руси), «*вежа*» (впервые известно с 1190 г.), «*стрельница*» (с XIV в. в Москве и Твери), «*костёр*» (с XIV в. в Новгородских и Псковских землях). Слово «*башня*» (башта) впервые известно с 1552 г. в связи с осадой Казани.

О башнях сложено много легенд и мифов, песен и стихов. Примером может служить легенда о появлении города Вильнюса. Литовский князь Гедимин увидел во сне волка, воющего на горе, и, проснувшись, обратился за толкованием сна к жрецу Лиздейке, который поведал, что этот сон предвещает появление сильной и непобедимой столицы. Так на горе в конце XIII – начале XIV в. вырос деревянный замок для защиты города от врагов. В начале XV в. при пожаре замок сгорел и на вершине горы была отстроена высокая каменная оборонительная стена с тремя башнями и замком в готическом стиле.

Образ башни получил свое осмысление и в художественной литературе. Так, образ Вавилонской башни широко представлен в европейской литературе (Ф. Кафка «Герб города», Т. Манн «Иосиф и его братья», Ф. Достоевский «Братья Карамазовы», А. Рудазов «Серая чума», Ф.С. Фицджеральд «Снова в Вавилоне»). Одной из самых страшных загадок французской истории является легенда о Нельской башне, согласно которой во времена правления сына Железного короля Филиппа IV неподалеку от стен башни парижане вылавливали в Сене не только рыбу. Знаменитый французский писатель Мишель Зевако в романе «Тайны Нельской башни» описывает одну из версий драматических событий, произошедших в начале XIV века при дворе Капетингов. В детской литературе, в сказках Братьев Гримм, мы встречаем описание башни, в которой ведьма Готель держала взаперти девушку с очень длинными волосами по имени Рапунцель.

Культура, по словам Ю.М. Лотмана, состоит из закодированных элементов сохраненного прошлого опыта, которые существуют в разнообразных формах, начиная от письменных текстов, символов, памятников, произведений искусства и кончая народными обычаями, обрядами, традициями [14]. «Культура, – подчеркивает Ю.М. Лотман, – всегда, с одной стороны, определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов» [14, с. 8]. Символы пронизывают срезы культуры по вертикали, но никогда не принадлежат одному ограниченному пласту. Каждый человек, по словам В.А. Масловой, благодаря своим человеческим свойствам способен говорить на языке символов и понимать его [17]. Символ имеет архетипическую природу и передается нам на бессознательном уровне.

Образ башни в разных лингвокультурах обладает неисчерпаемыми смысловыми гранями, он многомерен, сложен и служит объектом исследования в разных сферах научного познания: в богословии, философии, в искусствоведении, семиотике, литературоведении, лингвокультурологии, лингвоконцептологии и др., наполняясь в каждой из названных областей иным содержанием, смысловыми оттенками и нюансами.

Познавая мир, каждый этнос категоризует его по-своему, «сквозь призму своей культуры, своего мироощущения, поэтому картина мира каждого этноса – это его особое мировидение, целостная модель мира» [3, с. 208]. В процессе категоризации «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека», по мнению Ю.С. Степанова [20, с. 41], предстает концепт, важнейшим средством объективизации концепта является язык.

В последнее время все более актуальным становится изучение ключевых концептов культуры, представляющих собой ядерные единицы картины мира определенной лингвокультурной общности, хранимые в человеческом сознании и опредмеченные в языке [7]. Каждый представитель лингвокультурного социума, как справедливо отмечает В.А. Маслова, – это «носитель определенных концептуальных систем. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировос-

приятие), в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый "концептуальный рисунок, на основе которого человек мыслит мир"» [15, с. 41].

С момента своего становления термин концепт допускает многозначность интерпретаций в парадигмах знаний различных научных направлений [4]. Различия в трактовках термина обусловлены, прежде всего, тем обстоятельством, что концепт является по своей сути междисциплинарным образованием, он используется в целом комплексе наук, в том числе в разных направлениях лингвистики, и, во-вторых, сложностью, многомерностью самого феномена [8, с. 70].

Интерпретация термина *концепт* к настоящему моменту принадлежит нескольким научным направлениям: *логико-лингвистическому* (Павиленис, 1983; Арутюнова, 1988, 1999; Никитина, 1991; Булыгина, Шмелев, 2000 и др.); *лингвокогнитивному* (Бабушкин, 1996; Кубрякова, 1997; Болдырев, 2001; Красных 2001 и др.); *психолингвистическому* (Пищальникова, 1993; Залевская, 2001, 2005; Уфимцева, 2004; Фрумкина, 2008 и др.); *лингвокультурологическому* (Степанов, 1997; Вежбицкая, 1999; Маслова, 2007; Попова, Стернин, 2001; Карасик, 2001; Воркачев, 2001; Слышкин, 2004; Пименова, 2004 и др.); *когнитивно-дискурсивному* (Баранов, 2019; Демьянков, 2001; Караулов, 2001; Кобозева, 2001; Чудинов, 2011; Шейгал, 2002). Для всех научных направлений характерно понимание концепта как многомерного образования, причем в каждом из этих направлений акцент делается на одном из его основных измерений.

При лингвокультурологическом подходе концепт рассматривается в рамках диады «язык – культура» [2, 5, 18]. Культура, по словам В.Н. Телия, – «это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумумлятивной функции, хранит ее, обеспечивает диалог поколений» [22, с. 226]. В этой традиции концепт определяется как «сложный ментальный комплекс, который состоит из основного смыслового содержания, выстраивает вокруг себя ассоциативные ряды, обобщая как универсальный опыт человечества, так и включая национально-культурную» [24, с. 88], как «базовая единица культуры, ее концентрат» [19, с. 24].

А.П. Бабушкин и И.А. Стернин указывают, что «концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу [1, с. 7]. В научных исследованиях структура концепта представлена через описание: 1) этимологического слоя, актуального слоя и внутренней формы (Ю.С. Степанов и др.); 2) ядра, периферии и интерпретационного слоя (З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.); 3) понятийной, образной, ценностной и/или символической составляющих (Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др. ученые) [4, 11, 18].

Описывая структурные характеристики концепта, В.И. Карасик, кроме образной, выделяет понятийную и ценностную составляющие [10]. Образную составляющую, по справедливому замечанию автора, следует рассматривать как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [10, с. 27]; понятийную составляющую – как «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [10, с. 28]. По справедливому утверждению В.И. Карасика, ценностная составляющая с лингвокультурологической точки зрения является доминирующей, поскольку она более всего культурно значима.

Материалы и методы

Настоящая статья посвящена изучению концепта «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестчины. Цель статьи – выявление специфики вербализации лингвокультурного концепта «Белая Вежа» в различных видах дискурсивных практик (поэтической, медийной, маркетинговой). В качестве материала исследования были выбраны 115 поэтических произведений региональных авторов (Н. Прокоповича, Р. Боровиковой, М. Рудковского, Т. Чернулич, Н. Поповой, В. Лукши, К. Камейши и др.), 50 медиатектов из региональных изданий «Вечерний Брест» и «Брестский курьер» за период с 2011 по 2022 г., 95 прагматонимов и эргонимов, выделенных методом сплошной выборки из официальных сайтов предприятий Брестского региона.

В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором было зафиксировано языковое обозначение концепта «Белая Вежа». Из выявленных в ходе исследования случаев вербализации концепта «Белая Вежа» в поэтических произведениях и медиатекстах были отобраны для анализа 250 текстовых фрагментов.

Методы исследования – когнитивно-дискурсивное моделирование смыслов концепта в различных контекстах; описательный метод; систематизация и обобщение функционирующих в маркетинговом дискурсе прагматонимов; метод лингвокультурологического (лингвострановедческого) комментирования.

Результаты исследования

Для анализа концепта «Белая Вежа» необходимо прежде всего обратиться к понятийной составляющей, зафиксированной лексикографическими источниками, поскольку ядром лингвокультурного концепта «Белая Вежа» является словарное значение лексемы «вежа». В новом словаре русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой дано следующее определение слова *вежа*: ж. 1. Башня, дозорная вышка (на Руси IX – XIII вв.); 2. Шатер, кибитка (обычно о жилищах древних кочевых племен или инородцев в Российском государстве до 1917 г.)[1]. В словаре В.И. Даля читаем: ВЕЖА – стар. намет, шатер, палатка; кочевой шалаш, юрта, кибитка; башня, батура, каланча[2]. В словаре военно-исторических терминов «вежа» описывается как старый русский термин, применявшийся до XVI в. и означавший крепостную башню. Вежей назывался также укрепленный полевой лагерь, а иногда и крепость.

Согласно Ипатьевской летописи, Белая Вежа была построена в 1276 году по распоряжению князя Владимира Васильковича, который в ходе очередного похода на Литву выбрал место у реки Лесной для строительства: «*... и послал князь Владимир мужа именем Алекса вежу построить вместе с местными жителями у реки Лосны (Лесной), а позже город там построить... Вежа должна быть высотою в 17 сажен на удивление всем видящим ее*». Каменецкая башня представляла собой особый тип оборонительных сооружений, характерный для волынских башен в XIII–XIV вв.. на западных землях. Таким образом, в содержании концепта «вежа» лексикографы выделяют общий смысл: дозорная крепостная башня оборонного типа.

В коммуникативном пространстве Брестчины предмет архитектуры – Каменецкая башня – преобразуется в культурный объект и осмысляется как лингвокультурный концепт. Ярким доказательством этому служит ряд фактов. О Белой Веже сложено много поэтических произведений, концепт «Белая Вежа» воплощен в ряде пейзажных зарисовок. В 2009 году в самом центре Бреста было представлено удивительное произведение – монумент Тысячелетия Бреста. Одна из скульптур монумента – владимиро-волынский князь Владимир Василькович, который держит в левой руке Каменецкую башню, что, безусловно, подчеркивает историческую ценность этого сооружения для жителей региона. Словосочетание «Белая Вежа» можно встретить не только в песнях, произведениях искусства, в названиях фестивалей, мероприятий, конкурсов, детских кружков, исторических клубов, творческих коллективов, но и в названиях кафе, ресторанов, туристических фирм, санаториев, продуктов питания и так далее.

Традиционно материалом для исследований в русле лингвокультурологии становятся произведения художественной литературы, имеющей статус общенационального культурного достояния. К таким текстам можно отнести поэтическое наследие региональных авторов, обладающих мастерством владения языком.

Анализ позволяет выделить шесть доминантных образов, актуализирующих концепт «Белая Вежа» в лирике региональных авторов: хранительница истории, часовой, сила, мужество, краса древнего зодчества, каменная береза и Родина.

[1] Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 Т. М.: Русский язык, 2000.
[2] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.

В значительной части региональных поэтических материалов Белая Вежа рассматривается как героическая башня. Известно, что начиная с XIV в. башня много раз выдерживала набеги крестоносцев, штурмы войск польских и литовских князей. В XVII в. около стен Каменецкого замка разворачивались кровопролитные бои между армиями Речи Посполитой, Швеции и Русского государства. Так, для многих региональных авторов Белая Вежа – **хранительница истории**, свидетель событий, происходящих на протяжении веков: *Дней минувших безмолвный свидетель, / Верный сторож родных рубежей. / Целый ряд пережитых столетий / Пролетел незаметно над ней / И не раз любопытный прохожий / Вероятно подумал о том: / «Ты могла бы и все же не можешь / Рассказать о себе, о былом...*[3].

Общим для лирики образом, вербализирующим лингвокультурный концепт, является образ **часового**, обороняющего свою родную землю: *Білі золатам і жалезам, / Чорны дым засцілаў зару, – Ты стаяла, Белая вежа, / Прыкрываючы Белую Русь*[4].

Созвучное образное описание находим и стихах В. Лукши и Ю. Дорохова: *Князь пільна дбаў пра непахіснасць межаў, / Каб менш было пакутных страт і згуб, – / На ўскрайку векавечнай Белавежы / Пры беразе ўзвёў каменны слуп. / Слуп гораду бяспеку гарантуе – / Як верная зарука ад зарук – / За вёрсты бачыць і за вёрсты чуе: / Чужак ідзе, або надзейны друг*[5]; *В веках над городом на страже / Взметнулась башня, глядя ввысь. / Как исполин, стоит громадой, / Сурово смотрит сверху вниз*[6].

В. Шнип в своем стихотворении «Балада Белай Вежы» тоже «рисует» Белую Вежу как защитника родной земли и хранительницу истории: *«вежа стаіць на зямлі, як стражнік, як помнік людзям, што жылі», «як Белая Вежа, як сэрцаў цяплынь у завейнасць зімы», «Белая Вежа, як Ноеў каўчэг, плыве праз дажджы, праз стагоддзі, праз снег»*[7].

У Н. Поповой основа образа Белой Вежи – **мужество** (*Белая вежа стоит / на высоком холме / Силою мужества древних / и мудрых славян. / Там, где закаты горели, / пылали в огне, / Стрел отражала в жестоком / бою ураган*) и **красота древнего зодчества** (*Белая вежа шагнула в пору / наших дней – / Древнего зодчества сила, / краса, простота. / Непобедима стоит / над рекою Лесной*)[8].

У Я. Лайкова доминантный образ – образ мужества, силы и достоинства: ***ладдзя*** *не роспачы, / а* ***годнасці*** *і* ***сілы****, / спрадвеку бараніла ты сыноў / Айчыны, ажыўляла зноў і зноў / ваярскі дух. Ні ў кога не прасіла / ты літасці. Таму мы праз вякі / у велічы тваёй свой сімвал бачым. / Мы ёсць, бо ёсць гісторыя, / іначай / не нацыяй былі б мы, / а нікім*[9].

Символичный образ **каменной березы**, своего рода «белой крепости людской чистоты» принимает Белая Вежа в лирике Казимира Камейши: *над вечнай страхою / пушчанскіх бароў / Стаіш ты, / гайдаеш аблокаў вясну. / І белае стволле тутэйшых бяроз / Табе аддае сваю ўсю белізну. / Бяроза каменная / краю майго, / Ці раз цябе вораг ішоў ачарніць. / Аблокамі белымі коцяцца дні / За векам, / за думкай маёй наўздагон. / Ты – белая крэпасць маёй чысціні. / Бяроза каменная краю майго*[10].

В стихах Раисы Боровиковой Белая Вежа – Родина, дом. В этом образе Белая Вежа тесно связана в региональном языковом сознании с понятием малой родины: *Прыводзяць шляхі-дарогі / Да Белай Вежы на ўзлессі! / Як да бацькавага парога / Іду да цябе, Палессе! / Сумую – мой лёс-гарэза /*

[3] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 69.

[4] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 68.

[5] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 63.

[6] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 5.

[7] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 60.

[8] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 67.

[9] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 66.

[10] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 59.

Выносіць на хвалях хуткіх / У чысты да слёз бярэзнік, / У царства алешын гнуткіх. / Бывала ў далонях люляла, / Тулілася целам гарачым, / Рамонкам заўсёды ўяўляла / Цябе ў летуценнях дзіцячых! / І бегла, дзе жыта радзіла, / Збожжа насіла ў вядзерцы, / Іду да цябе, радзіма. / З матчынай песняю ў сэрцы.[11]

Концепт «Белая Вежа» является регулятивным ментальным образованием, и поэтому его образно-перцептивные признаки неразрывно слиты с оценочными. Описывая Белую Вежу, ряд авторов тесно связывает ее с находящимися вблизи городом Каменцем и национальным парком «Беловежская пуща», маркируя территорию общими словосочетаниями «Камянецкі напрамак», «Камянецкая старана», «Беловежский край»: 1) *Белавежская пушча і Белая вежа, / Камянецкі напрамак – сюды вядзе след, / Тут чакаюць гасцей нават з-за межаў, / Нашы мясціны ўвайшлі ў новы век*[12]; 2) *Ой, ты радасць мая адвечная – Камянецкая старана! / Бачу слынную Белую вежу я, / Так далёка відна яна!*[13], 3) *О, край Белавежскі – жамчужына наша, / Цябе палюбіў я з маленства душой*[14].

Просторы Беловежского края в стихах региональных авторов репрезентируются перцептивными ассоциатами в рамках основных модусов перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус). У ряда поэтов Брестчины на первый план выходит зрение, они по преимуществу хранят мир в картинках, поэтому при описании Беловежского края в их поэтическом языке доминирует «зрительная» лексика, репрезентирующая 85 цветообозначений.

Часто обозначение цвета имеет символическое решение: «*рабіна гронкай распаліла світанак там, дзе лес радзее*»[15], «*вечар у чорны бархат неба / Зорак жоўтых б'е цвікі*»[16], «*бяруцца скупа жоўтым кроны, сумуе восеньская медзь*»[17], «*над табой карона з промняў*»[18], «*там, где закаты горели*»[19], «*перезвон зеленых крон*»[20], «*час запаліцца малінавай зорцы*»[21], «*гарэла пушча залатым пажарам*»[22], «*верасень на плечы ўскінуў плашч барвовы*»[23], «*кроны ў пазалоце, расцвітае верас*»[22]. В ряде случаев у региональных поэтов мотивированность цветообозначения в колоративных образах варьируется в широких пределах. Авторы замечают и описывают тонкие детали, цветовые переходы. Восхищаясь красотой Беловежского края, они выхватывают яркую характерную деталь, представив ее метафорическим словосочетанием. Так, в стихотворении И. Верас «Беловежская весна» лексические единицы получают новое контекстуальное значение: «*и откроют медуницы скоро синие глаза*», «*день шагает с вешней песней / в дымке тонкой, золотой…*», «*на ольхе висят подвески фиолетовым дымком*»[24].

Наполнение поэтической канвы изобилием колоративной и одоративной лексики позволяет авторам сформировать ценный, обогащенный аромаобразами, облик родного Беловежского

[11] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 66.
[12] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 4.
[13] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 18.
[14] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 30.
[15] Баравікова Р.А., Дрэва для райскай птушкі : лірыка. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. С. 203.
[16] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 28.
[17] Баравікова Р.А, Дрэва для райскай птушкі : лірыка. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. С. 28.
[18] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 68.
[19] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 67.
[20] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 61.
[21] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 57.
[22] Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў .Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 133.
[23] Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў .Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 155.
[24] Радасць мая адвечная – Камянецкая старана! : зборнік вершаў / Камянецкая цэнтральная раённая бібліятэка імя У. Ігнатоўскага ; склад Л.М. Табольчык. Камянец, 2015. С. 35.

края: *Мой край запаветны, пад сонцам ці ветрам. / Любою парою ты ў думках са мною. / Паўсюль па вясне ў першацветах узлескі / Блакітным паглядам чаруюць пралескі. / Чаромха выходзіць, як тая нявеста, / У садзе вясновым аж водару цесна. / Усюды, дзе глянеш, загадкавасць ёсць / І ў кожнай трысцінцы свая прыгажосць*[25].

Наряду с цветом и запахом поэты используют звуковые характеристики образа. Именно звучание реализует замысел поэтов, помогает им точнее и ярче выразить свою мысль. Образ звучания усиливает возникающее впечатление. Одним из излюбленных приемов региональных авторов является аллитерация, т. е. способ звуковой организации речи, выражающийся в симметричном повторении однородных согласных звуков. С помощью аллитерации авторы не только маркируют семантически значимые единицы, но и создают перцептивные образы: «*глыбокі лістапад ў Белавежы, шуміць лістота пушчы векавой*»[26], «*у чароўнай пушчы, ў нашай Белавежы, / не сціхае пошум подух ветру свежы*»[27], «*пошум шматгалосы як на моры ўплёсы. Расплятае восень залатыя косы*»[26], «*гэта ж проста восень адшумела. / Лістаўеем сэрца апякла*»[28]. Фрагменты стихотворений своим фонетическим строем подкрепляют семантику текстов. Обилие согласных, в особенности [с], [х], [ш] и [ж], «озвучивает» шелест листвы, образ ветра и шума сосен.

Рассматривая способы репрезентации концепта «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестчины, следует остановиться на вопросе номинативной плотности концепта. Под номинативной плотностью понимается степень детальности языковой репрезентации определенного концептуального пространства, детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого [11]. Количество когнитивных номинаций свидетельствует о высокой или низкой номинативной плотности концепта.

Высокая номинативная плотность лингвокультурного концепта «Белая Вежа» свидетельствует о коммуникативной релевантности концепта, об актуальности его осмысления и чрезвычайной важности для практической деятельности жителей региона. Вместе с тем, нельзя не признать тот факт, что невербальная репрезентация лингвокультурного концепта вносит определенные коррективы, значительно увеличивая его номинативную плотность.

Известно, что содержание культуры в целом представлено различными составляющими: это нравы и обычаи, язык и письменность, одежда, поселения, работа, воспитание, экономика, общественно-политическое устройство, закон, наука, техника, искусство, религия, проявления духовного развития народа [16]. Эти области реализуются в языке в виде системы кодов культуры. Код культуры – это «макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; некая понятийная «сетка», используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир» [13, с. 5]. Язык позволяет обнаружить смену культурных ориентиров, культурных кодов, которые формируют человека и его мировидение [21]. Другие семиотические системы вносят в общую языковую палитру дополнительные смысловые оттенки.

Значительную роль в актуализации культурных смыслов играют вербальные и визуальные прецедентные феномены, поскольку они представляют собой «путь и ключ к раскрытию фрагмента национального культурного пространства, а также к описанию и выявлению культурно-ценностной информации в содержании исследуемого имени того или иного языка» [25, с. 36]. К невербальными прецедентным феноменам В.В. Красных относит «произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.» [12, с. 171]. Описываемый концепт отражен в ряде видов искусства, таких, например, как живопись. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, «выделяя тот или иной фрагмент мира для описания, художник концептуализирует мир, наполняя личностными смыслами сущностные реалии бытия. Он как бы конструирует собственную

[25] Свой родны край у вершах славім: зборнік вершаў і песень; склад. С. Д. Курачук. Кобрын, 2019. С. 76.
[26] Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў .Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 242.
[27] Белавежская пушча ў духоўнай і культурнай спадчыне беларусаў .Брэст: ААТ Брэсцкая друкарня, 2003. С. 155.
[28] Баравікова Р.А, Дрэва для райскай птушкі : лірыка. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. С. 192.

реальность, и часто его ментальный мир почти так же значителен и глубок, как и реальный» [15, с. 159].

Концепт «Белая Вежа» выносится в название ряда пейзажных зарисовок известного белорусского деятеля Наполеона Орды, вошедшего в историю как мастер архитектурного пейзажа, гениальный художник, который смог остановить время. В зарисовках Н. Орды прослеживается конкретность видения мира, своего рода документальная подробность пейзажа. Острым глазом художника точно схвачены и перенесены на полотна детальные черты облика Каменецкой башни, отображено эмоциональное отношение к своей земле и истории. На гравюре по акварели «Каменецкая башня» (1876) Н. Орды Каменецкая башня, вздымаясь ввысь на левом берегу реки Лесная, занимает доминантную позицию. Башня круглая, немного сужающаяся кверху, разделена на 5 ярусов (этажей). Над верхним ярусом расположен купольный свод. В стенах нижних 4 ярусов расположены узкие щелевидные бойницы. Тема величия башни, ее таинственности, задается художником не столько размерами домов и деревьев на первом плане, сколько, живописным пейзажем местности и уходящей вдаль рекой. Распространенная в то время техника литографии оказалась лучшим способом для быстрого тиражирования изображений памятников древности, сделав их известными широкому кругу зрителей.

Концепт «Белая Вежа» Н.И. Гурщенков выносит в название триптиха, представляющего этапы строительства Каменецкой башни. Картина А.В. Пашкевича «Осада Каменца» рождает динамические образы. Художник наглядно передает фрагмент осады Каменца в XIV в. крестоносцами, для которых первой тактической задачей был захват Каменецкой башни.

Одним из способов закрепления содержания культурного кода являются несловесные памятники творчества и арт-объекты. Памятники маркируют пространство региона, создавая и меняя его символический ландшафт.

Смысловой посыл, который несут арт-объекты, преломляется сквозь призму восприятия их жителями региона, при этом важным условием их принятия/отвержения является контекстуальный базис, регион как коммуникативное пространство функционирования и развития общностей в трудовой, общественной и досуговой деятельности.

Возведенный в 2019 г. Памятник Тысячелетия Бреста олицетворяет своеобразную модель города, выраженную в исторических образах и обобщённых образах жителей города. Под покровительством ангела-хранителя расположены фигуры исторических деятелей – князя волынского Владимира Васильковича с Брестской Каменецкой вежей в руках, великого князя литовского Витовта с мечом и в короне и Николая Радзивилла Черного. Архитектурный облик Каменецкой башни в виде симбиоза пограничного знака и логотипа агрозаведения «ОАО Агро-Пелище» расположен на въезде в Каменецкий район, на северо-восточном въезде в Брест находится стела, напоминающая своей формой башню. Памятники истории и культуры выступают не только объектами культурного наследия, но и манифестируют видение общего будущего, без которого невозможна интеграция таких социальных общностей, как народ, этнос, нация.

В геральдике Брестчины присутствует изображение красной башни. В гербе города Каменца в верхней части щита корона размещена в красном стенчатом поле, геральдически представляющем каменную кладку архитектурного сооружения с зубцами, венчающими Каменецкую башню. По поводу этого выпуклого зубчатого деления красного колера белорусские историки В.И. Адамушко и М.М. Елинская в своём труде «Гербы и флаги Беларуси» написали следующее: «*Зубчатое деление в стилизованной форме передаёт контуры Каменецкой башни, уникального памятника военного зодчества XIII в...*»[29]. В аналогичном с гербом стиле и с теми же геральдическими знаками выполнен и флаг Брестчины. Зубчатое деление в стилизованной форме передает контуры Каменецкой башни, уникального памятника военного зодчества XIII в., и символизирует героическое прошлое народа, связь времен.

[29] Адамушко В.И., Елинская М.М. Гербы и флаги Беларуси. Минск: Беларусь, 2006. 256 с.

Силуэт Каменецкой башни с характерными зубцами наверху присутствует на эмблеме чемпионата по спортивному ориентированию «Беловежье», коврах производства «Ковры Бреста», гербе республиканского санатория «Белая вежа», памятной монете из серии «Памятники архитектуры Беларуси», шевроне униформы сотрудников Беловежской пущи.

Концепт как сложный ментальный комплекс включает, помимо смыслового содержания оценку, отношение человека к тому или иному отображаемому объекту. В региональном медийном пространстве исследуемый концепт является предметом особого внимания. Достаточно назвать международный театральный фестиваль «Белая Вежа» – один из престижных фестивалей, проходящих в Западном Полесье Беларуси. На протяжении первых лет существования (с октября 1996 года) открытие фестиваля проходило в Каменце.

Концепт «Белая Вежа», как показывает анализ медиатекстов, опубликованных в региональных еженедельных изданиях «Вечерний Брест» (далее «ВБ») и «Брестский курьер» (далее «БК»), позиционируется как «*международный бренд <...>... без него наша жизнь немыслима*» (БК, 10.09.17), «*наша гордость*» (БК, 10.09.17), «*свежее, живое явление на фоне культурной жизни Бреста*» (БК, 10.09.17), «*проект уникальный: единственный в Беларуси именно многожанровый фестиваль*» (ВБ, 10.09.22), «*пользуется популярностью зрителя*» (ВБ, 10.09.22), «*знаковое событие в культурной жизни Бреста*» (ВБ, 09.09.21).

Смысловое наполнение концепта «Белая Вежа» в мультимодальных региональных СМИ реализуется прежде всего посредством лексем-репрезентантов положительной коннотации: *уникальный, престижный, чарующий, особенный, неповторимый, захватывающий, неподражаемый, единственный, красочный*. Органичным дополнением к вербальному тексту служат визуальные компоненты (рисунки, фотографии, инфографика, видеосюжеты). Знаки разных модальностей, взаимодействуя на разных уровнях (содержания, языка, композиции), создают целостный облик фестиваля. Поликодовость придает медиатекстам особый динамизм, экспрессивность и фактологическую насыщенность.

В маркетинговом дискурсе Брестчины визуальный силуэт Каменецкой башни стал одним из самых узнаваемых архитектурных символов, а словосочетание «Белая вежа» «стала одним из самых узнаваемых брендов Беларуси» (ВБ, 23.11.11). Использование лексемы «беловежский» в составе эргонима является отсылкой к территориальному признаку (Беловежскому краю). В ряде названий компаний использование лексемы «беловежский» служит для обозначения территориальной принадлежности организации Брестскому региону – ОАО мясокомбинат «Беловежский», ОАО «Беловежские сыры», ОАО «Беловежский гостинец», усадьбы «Беловежское поместье» и «Беловежская сказка», агроусадьба «Беловежская гостевая».

Главной особенностью прагматонимов является «принцип двупланной семантики», при которой товарный знак служит для обозначения определенного вида товара и одновременно является координатной лексической единицей, содержащей информацию о местонахождении предприятия. Такие номинации, связанные с географическими реалиями, можно рассматривать как результат «топонимической метонимии». На основе тополексемы *беловежский* номинирован целый ряд товаров – бренд сыра «*Беловежский трюфель*», «*Беловежский пармезан молодой*», «*Беловежский экстра*»; бренд мясных изделий «*Беловежская запечённая*», «*вырезка по-беловежски*», «*кавалочек по-беловежски*», «*запеченная по-беловежски люкс*»; винно-водочные изделия «*Беловежский волат*»; пиво «*Беловежское*»; мороженое «*Беловежское*»; шоколадная продукция «*Беловежские зубры*»; хлебобулочные и кондитерские изделия: «*Белая вежа заказной*», «*Белая вежа*», «*Беловежский*». Используемые в коммуникативном пространстве Брестчины прагматонимы выявляют тесную связь с культурными традициями в области номинации, с современной социальной и экономической ситуацией в Брестском регионе.

В ономатиконе Брестчины собственное имя Белая Вежа выступает в качестве носителя культурно значимой информации, приобретая символические свойства. В данном случае правомерно

говорить о том, что данный оним как один из ключевых имен региональной культуры так или иначе входит в структуру культурного кода, характеризуя региональную ментальность: годонимы (*улица Беловежская*), комонимы (*поселок Беловежский*), дримонимы (*Беловежская пуща*), эргонимы (*санаторий* «*Белая Вежа*», *клуб по спортивному ориентированию* «*Беловежье*», *клуб-казино* «*Белая Вежа*»), фитонимы (*сорт озимой тетраплоидной ржи* «*Белая Вежа*»), хрематонимы (*памятная монета из серии* «*Памятники архитектуры Беларуси*»).

Актуализация онимов в мультимодальном маркетинговом пространстве оказывается семиотически осложненной. Посредством взаимодействия вербального прагматонима и других семиотических модусов (изображение Каменецкой башни, зубра, аиста, пущанского леса, элементов геральдики) адресант обращает внимание целевой аудитории на регионально значимый мультимодальный комплекс. Иллюстрацией сказанному могут служить логотипы ряда предприятий и организаций Брестской области (ОАО «Беловежский гостинец», «Беловежские сыры», ОАО «Агро-Заречье»). Подобные логотипы, обладающие лингвокультурологической ценностью, представляют собой явление *интериконичности* – отсылки к прототексту не вербального, а визуального характера. Появление на региональном рынке брендовых номинаций данного типа обусловлено стремлением к разграничению «свое» и «чужое» и культивированием региональной идентичности; апелляцией к культурным ценностям Брестчины.

Еще одно новое наполнение концепта в коммуникативном пространстве Брестчины можно наблюдать на фестивале средневековой культуры «Каменецкая вежа». Реконструкция средневековых событий (турниры рыцарей и лучников, захватывающий штурм замка, город мастеров, конкурсы на лучший рисунок средневековой тематики на стене, выставка-продажа сувенирных изделий, средневековые музыка и танцы) выступает частью акционального кода культуры региона, которую правомерно называть механизмом коммеморативных практик, транслятором культурного наследия. Как писали Н.И. и С.М. Толстые, «культура есть иерархически организованная система различных кодов, т. е. вторичных знаковых систем, использующих различные формы и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, которое сводится к «картине мира», к мировоззрению данного социума. [23, с. 7].

Заключение

Анализ языковой репрезентации лингвокультурного концепта «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестчины позволяет сделать следующие выводы.

Лингвокультурный концепт является базовой единицей культуры, обладающей этнокультурной спецификой и транслирующей функционально значимую информацию о действительности. Широкое распространение концепта «Белая Вежа» в различных типах дискурса (поэтическом, медийном, маркетинговом) дает основание считать его одним из ключевых элементов региональной лингвокультуры.

Концепт «Белая вежа» имеет полевую структуру. Понятийная составляющая концепта может быть представлена базовыми признаками, вычленяемыми на основе данных лексикографических источников, и периферийными признаками, выделяемыми в художественных и поэтических текстах. Образная составляющая концепта образована сетью взаимодействующих концептуальных метафор: антропоморфных, цветовых, световых, а также метафорой «Белая Вежа – ценная вещь».

Лингвокультурный концепт «Белая Вежа», являясь прецедентным культурно-определенным и национально-обусловленным концептом, находит широкое отражение в поэтических и художественных текстах региона. Образы, созданные региональными поэтами, – концептуальная характеристика, отражающая многогранную сущность Белой Вежы. Поэты пытаются постигнуть многовековую историю Брестчины и передать глубинный смысл метафорических образов Белой Вежи своим читателям. Языковое выражение лингвокультурного концепта «Белая Вежа» тесным

образом связано с мироощущением, мировосприятием скульпторов и художников, обращавшихся к данной теме и эксплицирует возможные знаки иных семиотических систем. Изучение языковых и неязыковых проекций концепта «Белая Вежа» в разных дискурсивных практиках позволило смоделировать лингвокультурный концепт, установить способы языкового осмысления действительности жителями региона и выявить приоритетные ценности в коллективной и индивидуальной картинах мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабушкин А.П., Стернин И.А.** Когнитивная лингвистика и семасиология: Монография. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.

2. **Габдуллина С.Р.** Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.

3. **Гаспарян Н.К.** Репрезентация концептов «родина» и «հայրենիք» (на материале русских и армянских паремий) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М.: РУДН, 2018. Т. 16. № 2. С. 207–223.

4. **Горянова Л.Н.** Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM и способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 26 с.

5. **Демешкина Т.А.** Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. Томск: ТГУ, 2019. № 62. С. 85–103. DOI: 10.17223/19986645/62/6

6. **Дмитриева А.В.** Прецедентные имена в российской политической рекламе: репрезентация ценностных эталонов и культурных символов // Вопросы ономастики. Екатеринбург: УФУ, 2021. Т. 18. № 2. С. 177–195. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.025

7. **Дмитриева Н.М., Чулкина Н.Л.** Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель» // Русистика. М.: РУДН, 2022. Т. 20. № 1. С. 52–67. http://doi.org/10.22363/2618-8163- 2022-20-1-52-67

8. **Дудова Н.А.** Когнитивная лингвистика в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3. С. 69–71.

9. **Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю.** Лингвокультурология. М.: Флинта, 2014. 480 с.

10. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

11. **Карасик В.И., Попова З.Д., Стернин И.А.** Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.

12. **Красных В.В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. 375 с.

13. **Красных В.В.** Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–21.

14. **Лотман Ю.М.** Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 191–199.

15. **Маслова В.А.** Введение в когнитивную лингвистику. М., 2011. 296 с.

16. **Маслова В.А., Данич О.В.** Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. М.: РУДН, 2021. Т. 19. № 2. С. 125–137. http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137

17. **Маслова В.А.** Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

18. **Мошина Е.А.** Сопоставительный анализ способов объективации концептов надежда и hope в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 28 с.

19. **Прохоров Ю.Е.** В поисках концепта. М.: Флинта : Наука, 2009. 176 с.

20. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

21. **Телия В.Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с.

22. **Телия В.Н.** Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

23. **Толстой Н.И., Толстая С.М.** Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.

24. **Уразаева Н.Р., Морозов Е.А.** Моделирование структуры концепта Licht в немецкой картине мира // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. Томск: ТГУ, 2019. № 59. С. 87–109. DOI: 10.17223/19986645/59/6

25. **Янь К.** Прецедентное имя В.И. Ленин в русском культурном пространстве // Русистика. М.: РУДН, 2022. Т. 20, № 1. С. 35–51. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51

REFERENCES

[1] **A.P. Babushkin, I.A. Sternin,** Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya: Monografiya. – Voronezh: Ritm, 2018. 229 p.

[2] **S.R. Gabdullina,** Kontsept DOM/RODINA i yego slovesnoye voploshcheniye v individualnom stile M. Tsvetayevoy i poezii russkogo zarubezhya pervoy volny: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 24 p.

[3] **N.K. Gasparyan,** Reprezentatsiya kontseptov «rodina» i «հայրենիք» (na materiale russkikh i armyanskikh paremiy), Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. M.: RUDN, 16 (2) (2018) 207–223.

[4] **L.N. Goryanova,** Struktury kontseptov MUDROST i WISDOM i sposoby obyektivatsii ikh priznakov v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2012. 26 p.

[5] **T.A. Demeshkina,** Mir prirody v zerkale dialekta (na materiale kontsepta «boloto») // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. Tomsk: TGU, 62 (2019) 85–103. DOI: 10.17223/19986645/62/6

[6] **A.V. Dmitriyeva,** Pretsedentnyye imena v rossiyskoy politicheskoy reklame: reprezentatsiya tsennostnykh etalonov i kulturnykh simvolov, Voprosy onomastiki. Yekaterin-burg: UFU, 18 (2) (2021) 177–195. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.025

[7] **N.M. Dmitriyeva, N.L. Chulkina,** Transformatsii v semantike verbalizatorov eticheskikh kontseptov «Lyubov» – «Miloserdiye» – «Tselomudriye» – «Dobrodetel», Rusistika. M.: RUDN, 20 (1) (2022) 52–67. http://doi.org/10.22363/2618-8163- 2022-20-1-52-67

[8] **N.A. Dudova,** Kognitivnaya lingvistika v Rossii, Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 3 (2014) 69–71.

[9] **T.V. Yevsyukova, Ye.Yu. Butenko,** Lingvokulturologiya. M.: Flinta, 2014. 480 p.

[10] **V.I. Karasik,** Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 p.

[11] **V.I. Karasik, Z.D. Popova, I.A. Sternin,** Antologiya kontseptov. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 p.

[12] **V.V. Krasnykh,** «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? M., 2003. 375 p.

[13] **V.V. Krasnykh,** Kody i etalony kultury (priglasheniye k razgovoru) // Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. statey. M.: MAKS Press, 19 (2001) 5–21.

[14] **Yu.M. Lotman,** Simvol v sisteme kultury, Izbrannyye stati. T. 1. Tallinn, 1992. Pp. 191–199.

[15] **V.A. Maslova,** Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku. M., 2011. 296 p.

[16] **V.A. Maslova, O.V. Danich,** Dukhovnaya energiya russkogo slova kak problema gumanitar-noy mysli, Rusistika. M.: RUDN, 19 (2) (2021) 125–137. http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137

[17] **V.A. Maslova,** Lingvokulturologiya. M.: Akademiya, 2001. 208 p.

[18] **Ye.A. Moshina,** Sopostavitelnyy analiz sposobov obyektivatsii kontseptov nadezhda i hope v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005. 28 p.

[19] **Yu.Ye. Prokhorov,** V poiskakh kontsepta. M.: Flinta: Nauka, 2009. 176 p.

[20] **Yu.S. Stepanov,** Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya. M.: Yazyki russkoy kultury, 1997. 824 p.

[21] **V.N. Teliya,** Metaforizatsiya i yeye rol v sozdanii yazykovoy kartiny mira, Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. M.: Nauka, 1988. 212 p.

[22] **V.N. Teliya,** Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty. M.: Yazyki russkoy kultury, 1996. 288 p.

[23] **N.I. Tolstoy, S.M. Tolstaya,** Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2013. 240 p.

[24] **N.R. Urazayeva, Ye.A. Morozov,** Modelirovaniye struktury kontsepta Licht v nemetskoy kar-tine mira // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. Tomsk: TGU, 59 (2019) 87–109. DOI: 10.17223/19986645/59/6
[25] **K. Yan,** Pretsedentnoye imya V.I. Lenin v russkom kulturnom prostranstve, Rusistika. M.: RUDN, 20 (1) (2022) 35–51. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Поплавская Татьяна Викторовна
Tatiana V. Poplavskaia
E-mail: taniapoplavskaia@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3228-7750

Ильичева Инна Леонидовна
Inna L. Ilyicheva
E-mail: ilitcheva@list.ru
ORCID: https://orcid.org/000-0003-3610-8147

Поступила: 31.10.2022; Одобрена: 22.12.2022; Принята: 26.12.2022.
Submitted: 31.10.2022; Approved: 22.12.2022; Accepted: 26.12.2022.

Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 55–61.
Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 55–61.

Научная статья
УДК 81
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13404

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Е.Л. Сафроненкова ✉

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, Российская Федерация

✉ lendar84@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу англоязычных новостных текстов арктической тематики для выявления системы лингвистических средств, используемых для выражения стратегий освоения циркумполярного региона. В результате исследования были выделены три основных аспекта, на которых фокусируются авторы статей: целесообразность освоения Арктического региона; вызовы, с которыми сталкиваются страны, заинтересованные в освоении циркумполярного региона; перспективы, открывающиеся перед государствами в Арктике. Анализ текстов позволил выявить типичные языковые средства реализации данных аспектов: лексемы с семантикой исследование, освоение (exploration, exploitation, to explore, to develop, to exploit); лексемы с семантикой необходимость, целесообразность (priority, significance, importance, vital, crucial, should, have to) и лексемы с семантикой интерес, внимание (interest, attention, moves, willingness, to be keen on, to heed, to want); лексемы с семантикой конфликт, конкуренция (rivalry, contest, fight, conflict, tension, to trigger a row, to fuel concerns, to increase tension, to spark row); лексемы с семантикой проблема, вызов (obstacles, challenges, limitation); лексемы с семантикой перспектива, возможность (opportunities, indications, desire, project); языковые единицы с семантикой экономической выгоды (investment, wealth, gains, trade, profitable, viable, lucrative).

Ключевые слова: Арктика, арктический дискурс, стратегия, англоязычный новостной текст, медиадискурс.

Для цитирования: Сафроненкова Е.Л. Лингвистическое выражение стратегий освоения Арктики // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 55–61. DOI: 10.18721/JHSS.13404

© Сафроненкова Е.Л., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13404

LINGUISTIC EXPRESSION OF ARCTIC EXPLORATION STRATEGIES

E.L. Safronenkova ✉

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation

✉ lendar84@rambler.ru

Abstract. The paper analyzes Arctic-oriented English news texts in order to reveal the system of linguistic means employed for expressing exploration strategies in the circumpolar region. The results indicate three major aspects that the authors are focused on: the Arctic exploration viability; challenges faced by the states which are interested in the Arctic exploration; prospects opened up for the countries in the Arctic. The following groups of typical linguistic means were found to express these aspects: lexemes meaning exploration and development (exploration, exploitation, to explore, to develop, to exploit); lexemes having the semantics of importance, viability (priority, significance, importance, vital, crucial, should, have to) and lexemes meaning interest, attention (interest, attention, moves, willingness, to be keen on, to heed, to want); lexemes meaning conflict, competition (rivalry, contest, fight, conflict, tension, to trigger a row, to fuel concerns, to increase tension, to spark row); lexemes bearing the meaning of problem, challenge (obstacles, challenges, limitation); lexemes meaning prospects, opportunity (opportunities, indications, desire, project); linguistic units having the semantics of economic benefit (investment, wealth, gains, trade, profitable, viable, lucrative).

Keywords: the Arctic, Arctic discourse, strategy, English news text, media discourse.

Citation: E.L. Safronenkova, Linguistic expression of Arctic exploration strategies, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 55–61. DOI: 10.18721/JHSS.13404

Введение

В современном контексте в рамках дискурсивной лингвистики, социолингвистики и лингвистической культурологии отмечается отчетливая тенденция к изучению роли семиотических ресурсов в конструировании идентичности отдельной личности, группы лиц и шире – коллективной идентичности, в том числе применительно к изучению идентичности отдельных регионов, например [1, 2]. Это является отражением общей тенденции к изучению языка в социуме, детальный обзор представлен в [3, 4].

Данное исследование посвящено анализу англоязычных новостных текстов тематической группы Арктика в контексте стратегий интернационального освоения Арктики. Предметом анализа является система лингвистических средств, используемых для выражения стратегий освоения циркумполярного региона.

Актуальность исследования определяется глобальным интересом к Арктическому региону со стороны экономически развитых стран как к источнику значительных запасов природных ресурсов и возможности упростить систему коммуникаций между странами Европы и Азии. Арктический регион имеет стратегическое значение, определяющее его важность для обеспечения геополитических и геоэкономических позиций обозначенных стран и России в частности.

Интерес лингвистов к изучению арктического дискурса связан с изучением особенностей указания на источники информации [5], исследованием номинации метеорологических явлений [6], исследованием «арктической метафоры» в политическом дискурсе [7].

Арктический дискурс также был использован в качестве фактического материала исследователями в контексте рассмотрения специфики информационного микродискурса событийного макродискурса [8].

© E.L. Safronenkova, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Репрезентация арктической тематики в медиадискурсе была исследована в работах [9, 10] на примере норвежских, канадских, американских и российских изданий. Проследив тенденции арктического медиадискурса, авторы представили основные аспекты, на которых были сосредоточены исследуемые издания. Так, американские СМИ фокусируют свое внимание на таких темах, как разработка ресурсов и климатические изменения в Арктике; геополитическая картина в Арктике; международное сотрудничество. В канадских изданиях преобладают следующие темы: народы крайнего севера; сотрудничество в области освоения Арктики. Арктический медиадискурс, представленный в норвежских СМИ, ориентирован на сотрудничество и партнерские отношения в Арктике. Арктические проблемы, обсуждаемые в российских СМИ, это геополитика, милитаризация, экология. Арктическому медиадискурсу уделяют особое внимание и зарубежные исследователи [11, 12].

Методы и материал исследования

Материалом для исследования послужили 30 новостных статей арктической тематики, опубликованных на информационных сайтах англоязычных СМИ: The Globe and Mail (Канада) [13], The Guardian (Великобритания) [14], The New York Times (США) [15] в период с 2001 по 2018 (наиболее актуальный и богатый на события и исследования в отношении Арктики. Именно в эти годы проходит апробацию сложившееся ранее законодательство, регулирующее арктическое пространство). Веб-версии проанализированных статей представлены на веб-страницах соответствующих газет и находятся в открытом доступе. Общий объем выборки составил 150 контекстов, извлеченных из указанных источников.

Процедура анализа материала включала два этапа. На первом этапе проводился отбор публикаций арктической направленности методом сплошной выборки. На втором этапе осуществлялся контекстуально-интерпретационный анализ для определения содержания и функций выделенных контекстов, а также выявления типичных языковых средств выражения выделенных функций.

Результаты исследования

Анализ примеров (150) в контекстах стратегий освоения Арктики позволил выделить три основные аспекта, на которых фокусируются авторы статей: целесообразность освоения Арктического региона; вызовы, с которыми сталкиваются страны, заинтересованные в освоении циркумполярного региона; перспективы, открывающиеся перед государствами в Арктике.

В результате проведенного анализа текстов были выявлены следующие языковые средства выражения данных аспектов освоения Арктики. Рассмотрим каждый из аспектов подробнее.

Речевая реализация целесообразности может быть охвачена системой таких языковых средств как: 1) лексемы с семантикой исследование, освоение; 2) лексемы с семантикой необходимость, целесообразность и 3) лексемы с семантикой интерес, внимание. Среди языковых единиц с семантикой исследование наиболее частотны существительные *exploration*, *exploitation*; глаголы *to explore*, *to develop*, *to exploit*. Лексемы с семантикой необходимость, целесообразность представлены в текстах статей существительными *priority*, *significance*, *importance*; прилагательными *vital*, *crucial*; модальными глаголами со значением необходимости, долженствования *should*, *have to*, *must*. Языковые средства с семантикой интерес, внимание включают существительные *interest*, *attention*, *moves*, *willingness*; глаголы *to be keen on*, *to heed*, *to want*.

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих употребление данных языковых единиц для реализации целесообразности освоения Арктики:

1. *The Kremlin has named reaffirming the Russian presence in the Arctic as a top priority amid an intensifying rivalry over the region that is believed to hold up to a quarter of the planet's undiscovered oil and gas*. [14, 18.10.2008]

2. *There are, however, clear moves for states to assert their presence in areas where they previously paid scant attention*. [13, 26.05.2011]

3. *China has a great interest in northern sea routes being opened for trade*. [15, 12.12.2010]

В приведенных примерах исследование Арктического региона рассматривается как ключевой приоритет (*top priority*), четко прослеживаются шаги государств участвовать в освоении Арктики (*clear moves to assert their presence*) и проявляемый интерес к развитию северного морского пути (*great interest*).

Следующий аспект стратегии освоения Арктики (вызовы, сопряженные с освоением Арктического региона) актуализируется такими лингвистическими средствами как: 1) лексемы с семантикой конфликт, конкуренция; 2) лексемы с семантикой проблема, вызов. Среди лексем с семантикой конфликт, конкуренция наиболее частотны: существительные *rivalry*, *contest*, *fight*, *conflict*, *tension*, *race*, *warring*, *tussle*, *dispute*, *row*, *disagreement*, *debate*, *controversy*; глаголы *to compete*, *to rival*, *to go after*; прилагательные *competing*; глагольные словосочетания *to trigger a row*, *to fuel concerns*, *to increase tension*, *to spark row*, *to raise concerns*. Лексемы с семантикой проблема, вызов представлены в текстах статей существительными *obstacles*, *challenges*, *limitation*, *risk*; прилагательными *difficult*, *high-risk*; противительными союзами и наречиями *even though*, *despite*, *but*; модальными операторами с семантикой возможности, вероятности совершения действия *may*, *could*, *would*, *likelihood*, *likely*.

Номинация проблем, связанных с исследованием Арктики, маркирована через такие атрибутивные словосочетания как *technological limitation*, *high costs*, *high-risk sources*, *environmental stewardship*, иллюстрирующие экологические, экономические, технологические проблемы.

Приведем примеры, иллюстрирующие употребление данных языковых единиц для реализации рассматриваемого аспекта:

4. *Technological limitations and high costs are not the only challenges facing companies and governments as they develop the Arctic offshore*. [14, 15.11.2014]

5. *That's where global warming may lead to global warring, between Russia, the United States and Canada. The fight would be a contest for control of shipping lanes emerging out of the melting ice, lanes that could cut the distance between the Atlantic and the Pacific by days. It would also be a battle for the exploitation of the 13 per cent of the world's oil reserves and 30 per cent of its natural gas believed to be beneath the seabed*. [13, 09.10.2016]

6. *If one adds in competing claims from rival states and rising sea levels due to melting ice, things in the Arctic are likely to heat up, just like global temperatures*.[15, 14.08.2017]

В приведенных примерах использована прямая номинация технических technological limitations, экономических проблем *high costs*, а также языковые единицы со значением конфликт, борьба *fight*, *contest*, *battle*, иллюстрирующие возможное противостояние между странами, вызванное стремлением получить контроль над морскими торговыми путями и борьбой за природные ресурсы (*oil reserves*, *natural gas*). Особый интерес в примерах 5 и 6 представляет использование языковых единиц, маркирующих экологические проблемы (*global warming*, *global temperatures*, *to heat up*) в переносном значении (глобальное повышение градуса противостояния, подогревать, накалять обстановку).

Стандартными и высокоупотребительными средствами оформления аспекта перспективы, связанные с освоением Арктического региона, являются: 1) лексемы с семантикой перспектива, возможность; 2) языковые единицы с семантикой экономической выгоды. Лексемы с семантикой перспектива, возможность представлены существительными *avenues*, *opportunities*, *indications*, *desire*, *project*, *prospects*; прилагательными *positive*, *potential*; глаголами *to open up*, *to unlock*, *to access*, *to create*, *to enable*, *to benefit*, *to gain*, *to promote*, *to encourage*; модальными операторами с семантикой возможности, вероятности *can*, *could*, *possible*. Языковые средства с семантикой экономической выгоды реализуются при помощи существительных, *investment*, *wealth*, *gains*, *trade*, *blessing*, *value*;

прилагательных *economic*, *financial*, *profitable*, *viable*, *lucrative*, а также при помощи номинации потенциальных возможностей *sea route*, *transport hub*, *Arctic oil*, *natural gas*, *shipping lanes*, *exploration projects*, *new resources*, *newly accessible wealth*, *strategic value*.

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих данный аспект.

7. *The exploration potential of the Barents Sea is still huge, despite a negative trend for the most recent exploration wells*. [13, 13.10.2011]

8. *But the prospects are huge. The US Geological Society estimates there could be 90bn barrels of oil beneath the Arctic Ocean*. [14, 24.03.2008]

9. *The race for sovereignty in the Arctic is quickening partly because global warming is shrinking the polar ice, which could someday open up new shipping lanes and enable exploration projects to become viable*. [13, 25.08.2010]

В примерах 7 и 8 языковые единицы со значением перспектива, возможность (*potential, prospects*) используются вместе с оценочным прилагательным *huge*, что усиливает эффект перспективности освоения Арктического региона.

В примере 9 отмечается концентрация языковых средств со значением перспектива (*to open up, to enable, project*) и экономическая выгода (*viable*), что способствует передаче значения перспективности исследования Арктики.

Заключение

Результаты анализа материала позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, авторы новостных публикаций англоязычных СМИ фокусируют свое внимание преимущественно на трех основных аспектах содержания в рамках стратегии освоения Арктического региона: целесообразность освоения Арктического региона; вызовы, с которыми сталкиваются страны, заинтересованные в освоении циркумполярного региона; открывающиеся перспективы в связи с освоением Арктики.

Во-вторых, каждый из аспектов содержания актуализируется типичными языковыми средствами: 1) лексемы с семантикой исследование, освоение (exploration, exploitation, to explore, to develop, to exploit); лексемы с семантикой необходимость, целесообразность (priority, significance, importance, vital, crucial, should, have to) и лексемы с семантикой интерес, внимание (interest, attention, moves, willingness, to be keen on, to heed, to want); 2) лексемы с семантикой конфликт, конкуренция (rivalry, contest, fight, conflict, tension, to trigger a row, to fuel concerns, to increase tension, to spark row); лексемы с семантикой проблема, вызов (obstacles, challenges, limitation); 3) лексемы с семантикой перспектива, возможность (opportunities, indications, desire, project); языковые единицы с семантикой экономической выгоды (investment, wealth, gains, trade, profitable, viable, lucrative).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Жилюк С.А., Гаврилюк М.А.** Самоидентификация бывших жителей ГДР в Интернет-пространстве (на материале аккаунтов социальных сетей) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 39–46. DOI: 10.18721/JHSS.13204

2. **Ильичева И.Л.** Семиотические ресурсы выражения идентичности в медийном кластере Брестского региона // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.13205

3. **Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.** Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С. 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84

4. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. 2018.

5. **Астахова Т.Н.** Особенности указания на источник информации в немецкоязычном арктическом медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 166–170. DOI: 10.30853/filnauki.2020.5.32

6. **Ентус Н.Е.** Англоязычные обозначения метеорологических явлений, связанных с перемещением воздушных масс, в арктическом дискурсе // В сборнике: Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения в гуманитарной сфере. материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. 2018. С. 131–136.

7. **Лютянская М.М.** «Арктическая» метафора в политическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018, № 34. С. 523–525.

8. **Клепацкая А.Н.** Специфика информационного микродискурса событийного макродискурса (на материале новостных газетных текстов тематической группы «Арктика») // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2021, № 2 (24). С. 47–57.

9. **Быков А.Ю., Долгобородова С.О.** Проблема освоения Арктики в материалах The New York Times и The Globe and Mail // Медиа в современном мире. 58-е Петрбургские чтения: сб.матер. Междунар. науч.форума: в 2 т. / ред. В.В.Васильева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. Т 1. С. 333–335.

10. **Долгобородова С.О., Авдонина Н.С.** Репрезентация арктической темы в медиадискурсе: интерпретационный анализ // Вестник СВФУ. 2019, № 5 (73). С. 77–92. DOI: 10.25287/SVFU.2019.73.39435

11. **Rowe Ye.** A dangerous space? Unpacking state and media discourses on the Arctic. Norwegian Institute of International Affairs, Polar Geography, 2012, pp. 1–12. URL: https://www.academia.edu/9815614/A_dangerous_space_Unpacking_state_and_media_discourses_on_the_Arctic (дата обращения: 10.12.2022). DOI: 10.1080/1088937X.2012.724461

12. **Pincus R., Ali S.H.** Have you been to 'the Arctic'? Frame theory and the role of media coverage in shaping Arctic discourse, Polar geography, 2016, pp. 83–97. URL: https://www.researchgate.net/publication/303909523_Have_you_been_to_%27The_Arctic%27_Frame_theory_and_the_role_of_media_coverage_in_shaping_Arctic_discourse (дата обращения: 10.12.2022). DOI: 10.1080/1088937X.2016.1184722

13. The Globe and Mail. URL: https://www.theglobeandmail.com/ (дата обращения: 10.12.2022)

14. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/international (дата обращения: 10.12.2022)

15. The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 10.12.2022)

REFERENCES

[1] **S.A. Zhilyuk, M.A. Gavrilyuk,** Internet self-identification of people born in the former GDR (based on materials of social network), Terra Linguistica, 13 (2) (2022) 39–46. DOI: 10.18721/JHSS.13204

[2] **I.L. Ilyicheva,** Semiotic resources for expressing identity in the media cluster of the Brest re-gion, Terra Linguistica, 13 (2) (2022) 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.13205

[3] **L.N. Belyayeva, V.Ye. Chernyavskaya,** Evidence-based linguistics: methods in cognitive paradigm, Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 3 (48) (2016) 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84

[4] **V.Ye. Chernyavskaya,** Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of the text. Linguistics of discourse]. M. 2018.

[5] **T.N. Astakhova,** Osobennosti ukazaniya na istochnik informatsii v nemetskoyazychnom arkticheskom mediadiskurse, Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 13 (5) (2020) 166–170. DOI: 10.30853/filnauki.2020.5.32

[6] **N.Ye. Yentus,** Angloyazychnyye oboznacheniya meteorologicheskikh yavleniy, svyazannykh s peremeshcheniyem vozdushnykh mass, v arkticheskom diskurse, V sbornike: Razvitiye Severo-Arkticheskogo regiona: problemy i resheniya v gumanitarnoy sfere. materialy nauchnoy konferentsii professorsko-prepodavatelskogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov Vysshey shkoly sotsialno-gumanitarnykh nauk i mezhdunarodnoy kommunikatsii Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta imeni M.V. Lomonosova. 2018. Pp. 131–136.

[7] **M.M. Lyutyanskaya,** “Arkticheskaya” metafora v politicheskom diskurse [The “Arctic” metaphor in political discourse], Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 34 (2018) 523–525.

[8] **A.N. Klepatskaya,** Spetsifika informatsionnogo mikrodiskursa sobytiynogo makrodiskursa (na materiale novostnykh gazetnykh tekstov tematicheskoy gruppy “Arktika”), Arktika. XXI vek. Gumanitarnyye nauki. 2 (24) (2021) 47–57.

[9] **A.Yu. Bykov, S.O. Dolgoborodova,** Problema osvoyeniya Arktiki v materialakh The New York Times i The Globe and Mail, Media v sovremennom mire. 58-ye Petrburgskiye chteniya: sb.mater. Mezhdunar. nauch.foruma: v 2 t. / red. V.V. Vasilyeva. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1 (2019) 333–335.

[10] **S.O. Dolgoborodova, N.S. Avdonina,** Reprezentatsiya arkticheskoy temy v mediadiskurse: interpretatsionnyy analiz, Vestnik SVFU. 5 (73) (2019) 77–92. DOI: 10.25287/SVFU.2019.73.39435

[11] **Ye. Rowe,** A dangerous space? Unpacking state and media discourses on the Arctic. Norwegian Institute of International Affairs, Polar Geography, 2012, pp. 1–12. Available at: https://www.academia.edu/9815614/A_dangerous_space_Unpacking_state_and_media_discourses_on_the_Arctic (accessed: 10.12.2022). DOI: 10.1080/1088937X.2012.724461

[12] **R. Pincus, S.H. Ali,** Have you been to ‘the Arctic’? Frame theory and the role of media coverage in shaping Arctic discourse, Polar geography, 2016, pp. 83–97. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303909523_Have_you_been_to_%27The_Arctic%27_Frame_theory_and_the_role_of_media_coverage_in_shaping_Arctic_discourse (accessed: 10.12.2022). DOI: 10.1080/1088937X.2016.1184722

[13] The Globe and Mail. Available at: https://www.theglobeandmail.com/ (accessed: 10.12.2022)

[14] The Guardian. Available at: https://www.theguardian.com/international (accessed: 10.12.2022)

[15] The New York Times. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed: 10.12.2022)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Сафроненкова Елена Леонидовна
Elena L. Safronenkova
E-mail: lendar84@rambler.ru

Поступила: 15.11.2022; Одобрена: 18.12.2022; Принята: 26.12.2022.
Submitted: 15.11.2022; Approved: 18.12.2022; Accepted: 26.12.2022.

Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 62–71.
Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 62–71.

Research article
UDC 81'42
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13405

PRAGMATIC CHARGE OF VISUAL RESOURCES IN CONSTRUCTING POSITIVE UNIVERSITY REPUTATION: BASED ON TEXTS AT UNIVERSITY WEBSITES

V.E. Chernyavskaya[1,2] ✉

[1] Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation;

[2] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Abstract. Drawing on the interpretation of visual images as a social semiotic resource of meaning making, this paper discusses how visual resources contribute to establishing symbolic capital in academic discourse. It is based on approaches in discourse analyses and social semiotics and reflects the social semiotic concept of visual validity. The object of the undertaken analysis is university academic reputation. The study rests on the research of texts published on the websites of 30 Russian national research and federal universities. It presumes that reputation is the informational track of past actions focused today in the digital space. At the university websites, it is reflected in an extended and detailed representation of the past activities and achievements of the national university. We suggest that the information on the university websites is not to be seen as just adding of new details in information exchange, but rather as pragmatically value-based selected information. Evaluative representation of the university past records through images (photography) is revealed as a special tool to distinguish an academic institution and make it visible and superior for different stakeholders. Images are considered as a part of the processes of shaping social values.

Keywords: visuality, visual validity, social semiotics, university reputation, university website.

Funding: The article was financially supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00591 "Pragmacemantics as an interface and an operational system of meaning formation".

Citation: V.E. Chernyavskaya, Pragmatic charge of visual resources in constructing positive university reputation: based on texts at university websites, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 62–71. DOI: 10.18721/JHSS.13405

© V.E. Chernyavskaya, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Научная статья
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13405

ПРАГМАТИКА ВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ РЕПУТАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА САЙТАХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ)

В.Е. Чернявская[1,2] ✉

[1] Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация;

[2] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Аннотация. Визуальные знаки рассматриваются как семиотические ресурсы, участвующие в порождении и восприятии смысла. В рамках статьи анализируется, как визуальные средства включаются в создание символического капитала институции в академическом дискурсе. Анализ базируется на теоретических и методологических подходах в дискурсивном анализе и социальной семиотике, учитывает выработанную в рамках этих исследовательских подходов концепцию визуальной доказательности. В этой перспективе рассматривается академическая репутация современного университета. Материалом для анализа послужили тексты, опубликованные на сайтах 30 российских федеральных и национальных исследовательских университетов. Академическая репутация рассматривается как «информационный след» о событиях и действиях университета в прошлом, влияющий на оценку в настоящем и будущем. Информация на сайте анализируется не только как прибавление новых деталей, что делает возможным современная цифровая среда, но как прагматический, ценностно-ориентированный отбор информации для создания позитивной репутации университетской корпорации. Показывается, что визуальные образы, фотографии действуют как особое семиотическое средство, создающее оценочную прагматику текстов, конструирующее заметность и академическое превосходство университета. Визуальный ресурс включен в оценочную интерпретацию и процесс смыслопорождения.

Ключевые слова: визуальность, визуальная доказательность, социальная семиотика, репутация университета, сайт университета.

Финансирование: Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» № 22-18-00591.

Для цитирования: Чернявская В.Е. Прагматика визуальных средств в создании положительной репутации университета (на материале текстов, опубликованных на сайтах российских университетов) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 62–71. DOI: 10.18721/JHSS.13405

Introduction

Drawing on the understanding of visual images as a social semiotic resource, this paper discusses how visual resources contribute to establishing symbolic capital and reputation in academic discourse. The object of the undertaken analysis is a university academic reputation, i.e. an evaluative opinion about the university. Increased internationalization and mobility raised competition of universities both at the national and international scale. Thus, the pressure over universities to legitimize societal engagements and to establish their credentials is raised. The increased accountability of universities towards society focuses new strategies in image transition and reputation building activities. Major aspects concerning transformations and a new mission of the university have been intensively investigated in [1–3]. The modern studies reveal that competition is the result of university development and also a response to the growing

© Чернявская В.Е., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

promotional culture in higher education. As Bhatia puts it, today universities are challenged to preserve the status of excellence and should come closer to the idea of a market, where everyone should compete with everyone else for clients' attention [4]. Reputation is going online, which means online visibility and, in this regard, a wider access to past activities of an organization for information consumers and experts. The digital environment changed the way of social communications and the way consumers search for information. Thus, a convergence in terms of technology, communication and content for the creation of an information web has occurred. The convergence has caused new and valuable digital media to share the social experiences and knowledge. The trustworthiness and reputation are considered to be part of the knowledge society which contribute to the social capital of an institution.

Driven by the new digital culture, universities at the international scale modified their presence online. The infrastructure of web sites is changed as a reflection of new dimensions in approaching and highlighting information. University web pages are seen as a critical medium in communicative practices. The university homepages reflect their changing practices. The recent studies reveal the shift in the architecture and function of the websites from providing access to information about educational issues to promoting university as a social agent. It is to be stressed, the digital information is not about how to add new details in information exchange, it is about reorganized, value-based selected information. As Lemke puts it, websites are material-semiotic phenomena, the technologies and cultural practices associated with this medium change "who we are linked to" and to "which social forces and agents we must become responsive" [5]. The medium and semiotic resources used within that medium construct values and social meanings to others. The infrastructure of university web pages has been modified. Zhang and O'Halloran comment that the reasons for these "overhauls" rest with the progress of technologies and are highly intertwined with the changing social space of their use. The university websites reflect changing nature of academic discourse, managerialism and promotional culture. Thus, the values and identities they communicate and their evolution over time can be observed and analyzed [6]. The research question under discussion is on how past activities of the university are reflected while presenting the actual strategic goals and mission, how past records contribute to the reputation building of the Russian university. In view of this, the paper addresses the visibility of the national university as an aspect of its social actions and strategy, visuality is discussed as visibility.

Methodology

The analysis of the practices of visual meaning making in the digital space is informed by discursive analysis and social semiotic approach following the studies of Halliday, Kress, van Leeuwen, Rose, which represent the long-standing research interest in meaning making beyond the language [7–10]. The paper takes semiotic (linguistic and visual) resources as constructing social meanings in discourse. It is in line with the social semiotic concept of visual validity as introduced by Kress and van Leeuwen [11] and of photographic validity to use the term as discussed by Boeriis [12]. Boeriis investigates the concept of photographic reality, and discusses that photography provides a "sense of nearness and immediacy that we do not experience with any other types of images" [12]. Visual images are involved in the generation of evidence. According to C. Jewitt, "meanings are shaped by the norms and rules operating at the moment of sign making, influenced by the motivations and interests of the sign maker in a specific social context" [13]. That means that images are signs that might be used not (just) to represent reality, but rather to represent ways in which social actors perceive and interpret reality, for more details see [14–16].

The investigation rests on the results of the empirical research of texts published on the websites of 30 Russian national research and federal universities.

University Identity and Reputation Building

According to Steiner et al, organizational identity reflects the values and value-based activities of organization's actors [17], it sets up a framework to perceive and interpret information about what the

organization is. It is an organizational self-definition of "who we are". The external self-representation works as a vehicle for university identification among stakeholders, students, employers. Based on interpretation of how an institution is perceived by the outer stakeholders, image and reputation are discussed as different dimensions in institutional representation. Image is considered as an immediate, short-term perception founded on impressions about the organization, for more details see e.g. [18]. Reputation is the evaluative reactions of others, of external stakeholders. It is a special kind of social information. Reputation is seen as the informational track of past actions. In Origgi's words, it is the credibility that an individual or a social group wins through social interactions. Thus, reputation might be explained as "seals of approval or disapproval" [19]. Each socio-cultural practice generates a set of standards, which determine the notion of the reputation in a given society. The reputation can be seen as a set of actions or other manifestations, which are relevant within a certain community. Certain characteristic features make them recognizable. The reputation also works as an "information strainer", which reflects evaluative attitude to a personality or an institution. The reputation is not equal to image, which means evaluative attitude of an individual to another object or themselves. When describing the issue of the reputation it is essential to see what is considered as positive, desirable and obligatory by the representative majority. The reputation is an obtained and long-standing public appraisal of an institution, the cause and result of its practical work. In contrast, the notion of image refers to some dynamically changing characteristics. This is a tactical notion which can be easily measured and adjusted for the current situation. When considering the notion of image, sustainability and repetition of evaluative statements about an object are of crucial importance.

As an academic reputation, we shall regard professional appraisal within a scientific academic community, recognition by specialists. Thus, the academic reputation is based on such concepts as recognition, trust and honour [19]. Trust is generally accepted as a key constituent of the reputation. It is trust, that triggers mechanisms for approving of correct and disapproving of unacceptable behaviour in the scientific community.

In a social perspective a reputation can be of two kinds: a personal reputation and an institutional reputation. As an institutional reputation, we shall describe a set of beliefs and expectations about an organization, its mission, functions and history involved in multi-factor relationship system in the social environment. The institutional reputation reflects its history, resources, strategic goals involved in the social context. When addressed to the university, the notion of the reputation is associated with other notions – corporate, institutional culture; branding, reputation management. Knowledge-based and information-based society have put forward new challenges for higher education and its institutional management. Increasing efforts towards self-presenting the university might be an outcome of information-based society: university's characteristics should be prominent to be easily recognizable. In this regard university's public perception is considered to be an instrument for social recognition and acceptance. It is an effective tool to be used to distinguish the university profile in shared information space.

The reputation as a multitude of external stakeholders' views and opinions depends on many factors. Among them are the quality of educational services, professional academic staff expertise, graduates' professional competencies, business-friendly environment and commercialization of the scientific research. Today the reputation is described as an integral indicator of "university excellence" and includes objective characteristics of the university namely quality and content of the education provided, operating and technical facilities and evaluative views about the university reputation in the minds of different stakeholders. This primarily means that building a reputation is about using tools positively evaluated by the society and those which have a positive effect. For the university as a social agent its background is discussed and represented primarily as a university tradition. The latter is controversial and ambiguous. The notion of "a university tradition" is of dynamic character as it actively bends to international political and ideological circumstances. Current ideas on university traditions mainly rely on both written and non-written norms, rules and description of the past. Such a narrative is always produced to meet certain needs – to self-iden-

tify, to advertise, to glorify the university as a desired environment; several aspects of these issues have been discussed in [17, 19].

The present paper undertakes to demonstrate how the university academic reputation is translated in the perspective of the present-day university mission and how academic reputation establishment reflects the relationship between past and present activities of university. Establishing a long historical perspective over the university performance becomes of crucial significance. In this framework, we seek to identify how the connection of the past and the present in the university performance is established through university's self-presentation within its mission. This link encourages us to reflect on what has already been considered as the past along with the actual context of setting new functions of the university.

Material and Interpretation

Presenting of the past becomes a specific means of expressing the university identity. Section about historical past is an important component in navigation content on the websites. The studied university websites contain corresponding sections like "History and Honours"; "Our Past"; "History, traditions and goals", sometimes with different headings. That self-presentation is done through a detailed description of the historical context referring to the date of foundation of the institution as a starting point for its reputation. While representing historical background, the websites show the history of the university establishment, detailed information about the rectors and prominent researchers affiliated with it, memories of those who witnessed its development and the graduates, pictures of the original invention prototypes revealing the university involvement in the major historical events of the state, historic statutes and detailed rules for the students, keeping original spelling of the 19th century texts. A common practice is to list prominent Firsts. The university reputation management with "History" heading is not limited to talking about legacy and traditions, but is linked to current accomplishments and vision of the future.

A characteristic example is the section of History at the website of the ITMO University, one of the top Russian universities. We can see a deep visual perspective on university development and milestones, while visual images and verbal texts provide an extensive view starting from the foundation year of 1900, when a college for experts in Fine Mechanics and Optics, the very first in Russia, was founded by Emperor Nicholai II (Fig. 1). It also shows first research laboratory equipment (Fig. 2), first computer developed by university researchers to make technical breakthroughs (Fig. 3), first laser laboratory to eliminate expensive importing from abroad (Fig. 4) and so on, from one event and achievement in the past to another.

СПИСОКЪ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ

ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНІИ.

28 Февраля 1900 г.

Слушали журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственной Экономіи и Законовъ объ учрежденіи въ ... училищѣ Цесаревича Николая отдѣленія механико-оптическаго и часнаго

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, положилъ: заключеніе Соединенныхъ Департаментовъ Государственной Экономіи и Законовъ по сему дѣлу утвердить.

Fig. 1. The decree of Emperor Nicholai II, 1900
https://en.itmo.ru/en/history/

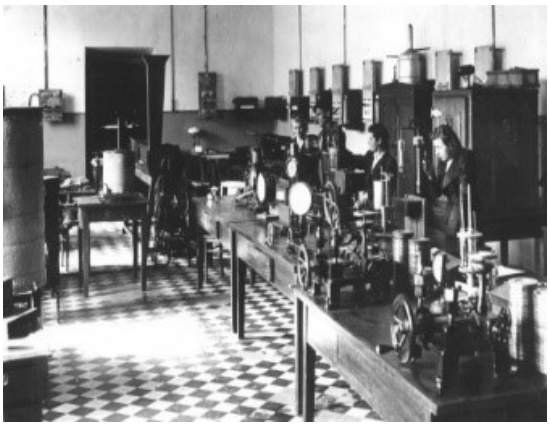

Fig. 2. First Research Lab, 1934
https://en.itmo.ru/en/history/

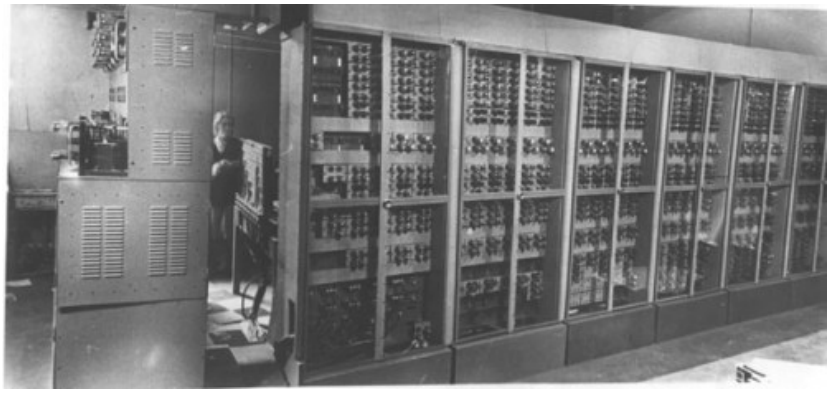

Fig. 3. First Computer for Engineering, Circa 1958
https://en.itmo.ru/en/history/

Fig. 4. Laser Technology Laboratory, 1972
https://en.itmo.ru/en/history/

Fig. 5. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University homepage
https://english.spbstu.ru/university/about-the-university/history/

Figures are retrieved on September 15, 2022, from ITMO University homepage https://en.itmo.ru/en/history/History.

Another example in this regard comes from Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. The website contains section "Our History", which has the following design. The initial page in the section of "Our History" (Fig. 5) shows three photographs, edge-to-edge: the members of the first university board in 1902 headed by the first rector Prince Gagarin; the present-day students who have created an electronic "Memory book" containing the information about the University lectures and students who died during the Second World War; a museum desk of the first engineers. This visual image unites both the merits in the past and in the present.

Fig. 6 and Fig. 7 are retrieved on September 15, 2022, from Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University homepage https://english.spbstu.ru/university/about-the-university/history/laboratories-classrooms/

Visual reference to long-standing traditions is like a marketing gimmick: previous achievements are perceived as part of the present-day activities of the university. Past events set a standard for reliable evaluation of the present performance. They are introduced both as competitive factors and an advantage in rivalry for the current position.

The perspective of this study resonate with findings on evolution of the webpages of the leading national universities in China [20, 21]. Xiong observes that geographical location, scenery and history are foregrounded in university promotion. History is a distinguished selling point for academic institution, providing prestige and excellence [20]. In highlighting the history in their timeline, universities are able to capitalize on distinguishing features that makes them elite to the stakeholders. In this regard, it should be mentioned that sections representing university's history and describing the past are shown in a detailed manner in Russian versions of homepages. Glorified look and scale of the historical past display a trend of the Russian national university towards the internal stakeholders. The corresponding sections in English basically look shorter and contain only main dates and events. There are English sites

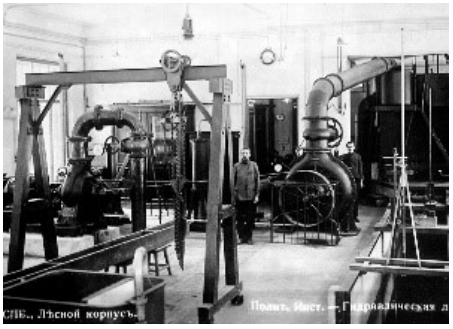

Fig. 6. Laboratory of Electrical machines

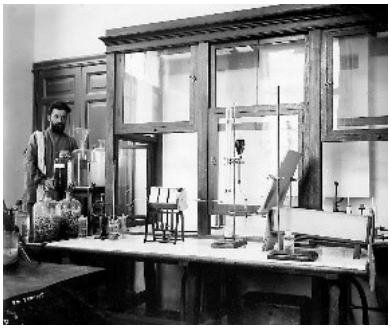

Fig. 7. Physical Laboratory

not providing historical background of the university; in contrast their Russian versions give detailed information about the historical events university was involved in.

Conclusion

Self-presentation in the historical context contributes significantly to identifying a modern national university. Evaluative representation of the past records is demonstrated as the university corporation memory, endorsed partly by facts, reference to historical chronology of the events, people's biographies, achievements and results. Having a history has become constitutive part of identity of the university's members, an indicator of its long-standing reputation. Texts about the past shape an expectation about the future actions. From this perspective, images (photography) are considered as a part of the processes of shaping social values, and thus are made to meaningful objects. Images like verbal devices are involved in the distribution of knowledge and value-based content.

REFERENCES

[1] **D. Frank, J. Gabler,** Reconstructing the University: Worldwide Shifts in Academia in the 20th Century. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006.

[2] **C. Kirk,** Nexus: Mission critical–higher education for the 21st century. Planning for Higher Education. 29 (2000) 14–22.

[3] **A. Kolsaker,** Academic Professionalism in the Managerialist Era: A Study of English Universities. Studies in Higher Education. 33 (5) 2008 513–525.

[4] **V.K. Bhatia,** Worlds of Written Discourse: A Genre-based View. London: Continuum, 2004.

[5] **J.L. Lemke,** Discourse and organizational dynamics: website communication and institutional change. Discourse and Society. 10 (1) (1999) 21–47.

[6] **Y. Zhang, K.L. O'Halloran,** 'Toward a global knowledge enterprise': university websites as portals to the ongoing marketization of higher education. Critical Discourse Studies. 10 (4) (2013) 468–485.

[7] **R.E. Meyer, D. Jancsary, M.A. Höllerer, E. Boxenbaum,** The role of verbal and visual text in the process of institutionalization. Academy of Management Review. 43 (3) (2018) 392–418.

[8] **G. Rose,** Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. London: Sage, 2001.

[9] **L. Pauwels,** Visual Sociology Reframed: An Analytical Synthesis and Discussion of Visual Methods in Social and Cultural Research. Sociological Methods and Research. 38 (4). 2010. 545–581.

[10] **M. Stocchetti, K. Kukkonen (Eds),** Images in Use: Towards the Critical Analysis of Visual Communication. Amsterdam, Philadelphia. PA: John Benjamins, 2011.

[11] **G. Kress, T. van Leeuwen,** Reading Images – The grammar of visual design. Routledge, London and New York. 3d edition, 2020.

[12] **M. Boeriis,** Emotive validity and the eye in the hand – Representing visual reality.

[13] **C. Jewitt,** Technology and reception as multimodal remaking. In: Norris, S, (Ed.) Multimodality in practice: investigating theory-in-practice-through-methodology. Routledge: London. 2011, Pp. 98–112.

[14] **V.E. Chernyavskaya,** Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of the text. Linguistics of discourse]. M., 2018.

[15] **L.N. Belyayeva, V.E. Chernyavskaya,** Evidence-based linguistics: Methods in cognitive paradigm, Issues of Cognitive Linguistics. 3 (48) (2016) 77–84.

[16] **V.E. Chernyavskaya,** Discurs i discursivnyi analiz: traditsii, tseli, napravleniya [Discourse and Discourse Analysis: traditions, purpose, directions]. Stereotipnost' i tvortschestvo v tekste. Perm. 2003, Pp. 123–135.

[17] **L. Steiner, A.C. Sundström, K. Sammalisto,** An analytical model for university identity and reputation strategy work. Higher Education. 65 (2013) 401–415.

[18] **B. Stensaker,** Organizational identity as a concept for understanding university dynamics. Higher Education. 69 (1) (2015) 103–115.

[19] **G.A. Origgi,** Social Epistemology of Reputation, Social Epistemology. A Journal of Knowledge, Culture and Policy. 26 (3-4) (2012) 399–418.

[20] **T. Xiong,** Discourse and Marketization of Higher Education in China: The genres of Advertisements for academic posts. Discourse and Society. 23 (3) (2013) 318–337.

[21] **M. Li, Y. Bai, B. Qin,** Qin, Pros and Cons of University Merger and Development Strategies: A Case Study of Jilin University in China, Society. Communication. Education, 13 (1) (2022) 70–83.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Frank D., Gabler J.** Reconstructing the University: Worldwide Shifts in Academia in the 20th Century. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006.

2. **Kirk C.** Nexus: Mission critical—higher education for the 21st century. Planning for Higher Education. 2000. Vol. 29. Pp. 14–22.

3. **Kolsaker A.** Academic Professionalism in the Managerialist Era: A Study of English Universities. Studies in Higher Education. 2008. Vol. 33 (5). Pp. 513–525.

4. **Bhatia V.K.** Worlds of Written Discourse: A Genre-based View. London: Continuum, 2004.

5. **Lemke J.L.** Discourse and organizational dynamics: website communication and institutional change. Discourse and Society. 1999. Vol. 10 (1). Pp. 21–47.

6. **Zhang Y., O'Halloran K.L.** 'Toward a global knowledge enterprise': university websites as portals to the ongoing marketization of higher education. Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10 (4). Pp. 468–485.

7. **Meyer R.E., Jancsary D., Höllerer M.A., Boxenbaum E.** The role of verbal and visual text in the process of institutionalization. Academy of Management Review. 2018. Vol. 43 (3). Pp. 392–418.

8. **Rose G.** Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. London: Sage. 2001.

9. **Pauwels L.** Visual Sociology Reframed: An Analytical Synthesis and Discussion of Visual Methods in Social and Cultural Research. Sociological Methods and Research. 2010. Vol. 38 (4). Pp. 545–581.

10. **Stocchetti M., Kukkonen K. (Eds),** Images in Use: Towards the Critical Analysis of Visual Communication. Amsterdam, Philadelphia. PA: John Benjamins. 2011.

11. **Kress G., van Leeuwen T.** Reading Images – The grammar of visual design. Routledge, London and New York. 3d edition. 2020.

12. **Boeriis M.** Emotive validity and the eye in the hand – Representing visual reality.

13. **Jewitt C.** Technology and reception as multimodal remaking. In: Norris, S, (Ed.) Multimodality in practice: investigating theory-in-practice-through-methodology. Routledge: London. 2011. Pp. 98–112.

14. **Chernyavskaya V.E.** Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of the text. Linguistics of discourse]. M. 2018.

15. **Belyayeva L.N., Chernyavskaya V.E.** Evidence-based linguistics: Methods in cognitive paradigm, Issues of Cognitive Linguistics. 2016. Vol. 3 (48). Pp. 77–84.

16. **Chernyavskaya V.E.** Discurs i discursivnyi analiz: traditsii, tseli, napravleniya [Discourse and Discourse Analysis: traditions, purpose, directions]. Stereotipnost' i tvortschestvo v tekste. Perm, 2003. Pp. 123–135.

17. **Steiner L., Sundström A.C., Sammalisto K.** An analytical model for university identity and reputation strategy work. Higher Education. 2013. Vol. 65. Pp. 401–415.

18. **Stensaker B.** Organizational identity as a concept for understanding university dynamics. Higher Education. 2015. Vol. 69 (1). Pp. 103–115.

19. **Origgi G.A.** Social Epistemology of Reputation, Social Epistemology. A Journal of Knowledge, Culture and Policy. 2012. Vol. 26 (3-4). Pp. 399–418.

20. **Xiong T.** Discourse and Marketization of Higher Education in China: The genres of Advertisements for academic posts. Discourse and Society. 2013. Vol. 23 (3). Pp. 318–337.

21. **Li M., Bai Y., Qin B.** Qin, Pros and Cons of University Merger and Development Strategies: A Case Study of Jilin University in China, Society. Communication. Education, 2022. Vol. 13 (1). Pp. 70–83.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valeria E. Chernyavskaya
Чернявская Валерия Евгеньевна
E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6039-6305

Поступила: 05.11.2022; Одобрена: 13.12.2022; Принята: 26.12.2022.
Submitted: 05.11.2022; Approved: 13.12.2022; Accepted: 26.12.2022.

Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 72–79.
Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 72–79.

Научная статья
УДК 81.42
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13406

БЛОГГИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ

Н.В. Чичерина ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ chicherina_nv@spbstu.ru

Аннотация. Блог как один из центральных и популярных коммуникативных жанров в интернет среде рассматривается в контексте развития медиаграмотности. Понимая медиаграмотность широко как основу нового образа жизни в среде, насыщенной медиа, автор актуализирует базовые концептуальные положения медиаграмотности применительно к блоггингу. Основной фокус исследования сделан на медиаобразовательной максиме о коммерциализации медиатекстов. Автор подчеркивает высокую значимость медиаобразовательных мероприятий для блог-аудитории в условиях, когда 42% россиян получают необходимую информацию из социальных сетей и блогов. У блог-аудитории необходимо формировать критическое отношение к контенту блогов, представление о наличии когнитивных искажений при создании и восприятии блогов и понимание механизмов их коммерциализации. В статье проводится анализ существующих форматов и содержания медиаобразовательных мероприятий, нацеленных на блогеров и их целевую аудиторию, в системе формального и неформального образования. Приводятся примеры наиболее успешных практик интеграции медиаграмотности в учебные планы образовательных программ высшего образования, проведения курсов повышения квалификации и тренингов. Выявлено, что в настоящий период содержательным ядром большинства медиаобразовательных мероприятий в системах формального и неформального образования является фактчекинг. На примере медиаобразовательной максимы о коммерциализации медиатекстов делается вывод о необходимости расширения содержания медиаобразовательных мероприятий для блог-аудитории.

Ключевые слова: блог, блоггинг, медиаграмотность, интернет-медиа, коммуникация.

Для цитирования: Чичерина Н.В. Блоггинг как инструмент развития медиаграмотности // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 72–79. DOI: 10.18721/JHSS.13406

© Чичерина Н.В., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13406

BLOGGING AS A TOOL FOR MEDIA LITERACY DEVELOPMENT

N.V. Chicherina

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

chicherina_nv@spbstu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of blogging as a social phenomenon of the digital reality in the context of media literacy development. Broad understanding of media literacy as the basis for a new lifestyle in the media-saturated environment requires actualization of basic conceptual statements of media literacy with reference to blogging, including the statement about commercialization of media. The author investigates commercial implications of blogging and makes the conclusion that blog consumers make one of the main target audiences of media education while 42% of population in Russia get all the necessary information from social media and blogs. It is necessary to develop media literacy of blog-audiences in terms of critical consumption of media information, awareness of cognitive biases and distortions as well as understanding of commercial implications and instruments of blogging. The author emphasizes the necessity for media education events of different formats aimed at blog audiences; makes the analysis and gives examples of best practices in the formal and informal educational settings including integration of media literacy modules in the curricula of degree programmes, continuing education courses, training events. The analysis of topical content in a range of media education events with the focus on the commercialization of modern media demonstrates the need for a much broader representation of certain media literacy basic statements including the one of commercialization.

Keywords: blog, blogging, media literacy, Internet media, communication.

Citation: N.V. Chicherina, Blogging as a tool for media literacy development, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 72–79. DOI: 10.18721/JHSS.13406

Введение: постановка проблемы

В научной среде сегодня активно развивается идея о том, что современную цивилизацию можно охарактеризовать как «медиаполис». В современном медиаполисе человек уже не столько потребляет информацию, сколько постоянно производит и транслирует ее, используя общедоступные медийные каналы и технологии. По мнению исследователей медиасреды и экспертов Юнеско, емкую метафору «медиаполис» уже нужно дополнить понятием «медиажизни» как повседневной практики существования человека [1–3]. Причем это относится не только к самым продвинутым пользователям интернета и мобильной телефонии, но к преобладающей части населения, в первую очередь – к молодежи.

Блог является, как известно, одним из центральных и популярных коммуникативных жанров в интернет среде. Фокус на дигитализации коммуникативного пространства делает важным углубление перспективы в исследовании жанров и их прикладного значения в формировании и объяснении новых понятий. Специалисты отмечают, что сегодня «изучение жанра перестает быть чисто лингвистической задачей..., в современных исследованиях объектом изучения все чаще становится не изолированная речевая составляющая, а коммуникативная практика в ее неразрывной связи с прочими «моментами» социального» [4, с. 68]. Как отмечает В.Е. Чернявская, возрастает актуальность социально ориентированного изучения языка, центральными понятиями анализа становятся контекстуализация и социальное значение как «смысловое приращение к значению языковой единицы в контексте ее использования» [5, с. 14].

© N.V. Chicherina, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Блоггинг в его узком понимании как работа автора над своим блогом, и в широком понимании как социальное явление и активность блогеров в целом, является одним из ярчайших и важнейших компонентов «медиаполиса» и «медиажизни». Блоггинг оказывает огромное влияние на характер коммуникации в современном обществе и демонстрирует широкий потенциал для применения в различных сферах деятельности. Это подтверждается результатами научных исследований, где блоггинг рассматривается как технология социальной и политической коммуникации, развития гражданского общества и свободы слова [6].

Блоггинг активно используется в сфере образования как инструмент общественной педагогики и создания альтернативных образовательных пространств, в которых любой гражданин, имеющий такое намерение и доступ к ресурсам, может визуализировать свои идеи и пригласить к их обсуждению [7]. Результаты исследований показывают, что блоггинг становится одной из эффективных форм непрерывного образования и самоактуализации, прежде всего за счет стимулирования активной вовлеченности в процесс коммуникации [8]. Внимание исследователей образовательного потенциала блогов направлено также на технологии и методы, используемые в блогах для развития конкретных компетенций, например, умений письменной речи творческого уровня у школьников [9], информационной компетенции [10], исследовательской и рефлексивной компетенций в рамках обучения аспирантов [11], иноязычной коммуникативной компетенции при изучении английского языка [12]. Блоггинг исследуется также как инструмент управления бизнес процессами [13] и как инструмент монетизации персональной коммуникативности и получения финансовых доходов [14].

В рамках данной статьи ставится цель рассмотреть некоторые аспекты блоггинга в контексте развития медиаграмотности и проанализировать существующие медиаобразовательные практики формального и неформального образования, направленные на блог-аудиторию.

Блог и развитие медиаграмотности: основные положения

В настоящее время в обществе наблюдается усиление интереса и внимания к медиаграмотности как ядерному понятию медиаобразования. При этом произошел переход от стандартного, устоявшегося, но все же достаточно узкого понимания медиаграмотности как способности осуществлять доступ, анализировать, оценивать и коммуницировать (создавать) сообщения во всем разнообразии их форм [15], к более широкому представлению медиаграмотности как основы нового образа жизни в медианасыщенной среде. Медиаобразовательные практики расширяют свои целевые аудитории и становятся актуальными для всех возрастов, включая людей пожилого возраста [16]. Вопросы развития медиаграмотности все теснее переплетаются с проблематикой формирования визуальной грамотности, где также наблюдается существенный рост исследовательских интересов [17]. Как отмечает А.Г. Качкаева, директор Центра медиаграмотности НИУ ВШЭ, понятие медиаграмотности отражает новое понимание всего цифрового и информационного мира, другой образ жизни, в котором медиацифровая среда стала современным алфавитом, а умение обращаться с ней – грамматикой современного человека[1]. Следует отметить, что критический компонент в понятии медиаграмотности сегодня рассматривается как важнейший фактор воспитания гражданской ответственности, способности к принятию продуманных и осмысленных решений на основе критической переработки информации, которая поступает по различным медиа каналам. Способность распознавать и не транслировать фэйки, дезинформацию, стала характеристикой высокого уровня медиаграмотности гражданина современного общества.

В контексте актуальности медиаобразования жителей современного медиаполиса, можно с уверенностью предположить, что необходимо развивать медиаграмотность как создателей блогов, так и их аудитории. В этой связи представляется полезным обратиться к базовым концеп-

[1] Качкаева А.Г. Медиа — это про смыслы, про людей, про бизнес, про технологии, про сложные пересечения языков и кодов: [интервью] / А.Г. Качкаева; [беседовали] Т. Сибирцева и В. Беленко. 22 ноября 2019. URL: http://journnsu.ru/2019/11/22/anna-kachkaeva-media-jeto-pro-smysly-pro-ljudej-pro-biznes-pro-tehnologii-pro-slozhnye-peresechenija-jazykov-i-kodov/

туальным положениям медиаграмотности, которые были сформулированы достаточно давно, в 1992 году, но до сих пор считаются максимами медиаобразования:

1. Все медиатексты являются конструктами, но, в свою очередь, они конструируют реальность.
2. Медиатексты имеют коммерческую импликацию.
3. Медиатексты имеют идеологическую и политическую импликации.
4. Каждая форма и жанр медиатекста обладает специфическими характеристиками.
5. Получатели медиатекстов конструируют их значение [18].

Предполагается, что эти максимы медиаграмотности должны быть включены сегодня в образовательные программы, связанные с блоггингом, и отражены в содержании медиаобразовательных мероприятий, где целевой аудиторией выступают блогеры и их аудитория. Рассмотрим для примера одну из максим медиаобразования: медиатексты блога имеют коммерческую импликацию. В контексте этой максимы следует отметить, что коммерциализация не является характеристикой блоггинга в целом как социального явления. Авторами и держателями блогов могут быть различные субъекты глобальной паутины: обычные пользователи сети, публичные персоны, частные предприниматели или крупные корпорации. Довольно часто для обычных граждан блоггинг продолжает оставаться исключительно средством коммуникации, самовыражения и самореализации, не имея никакой коммерческой составляющей. Однако процессы превращения персональных блогов в бизнес-ресурс сегодня нарастают высокими темпами. Активно разрабатывается и продвигается инструментарий коммерциализации персональных аккаунтов и превращения блога в источник финансовых доходов. В 2021 году в рейтинг Forbes «50 самых успешных звезд России» вошли четыре блогера: Анастасия Ивлеева, Валентин Петухов (Wylsacom), Юрий Дудь и Даня Милохин, которые на своих блогах заработали от 1,5 до 2,7 млн долларов[2].

Как отмечает В.П. Бондарь [14], монетизация блогов сегодня может осуществляться разными путями. Самый простой путь – это прямое размещение в блоге рекламных материалов. При заключении договора оговариваются частота и объемы рекламных постов, которые будут размещаться на персональной страничке блогера, при этом блогер не несет ответственности за результативность рекламы. Второй путь – это партнерская схема интернет-продвижения, при которой блогер принимает на себя ответственность за результат продвижения рекламируемых товаров, а вознаграждение выплачивается уже по факту их приобретения. Монетизация блога происходит и при размещении в блоге активных ссылок на рекламируемые товары на ресурсе рекламодателя при условии совершения подписчиками активных действий – копирование, переход на ресурс рекламодателя и т.д. С точки зрения медиаграмотности важно отметить, что блогеры, имеющие большой охват аудитории, зарабатывают на лайках и комментариях – компании платят им за то, что через лайки и комментарии они представляют их контент своей аудитории [там же]. К этому перечню источников дохода можно добавить также вознаграждение от платформы за ведение блога и привлечение трафика; «донаты» – пожертвования пользователей и премиум-подписки; «бартеры» – получение блогером рекламируемой продукции в качестве вознаграждения и розыгрыши призов от рекламодателя[3]. И наконец, необходимо отметить существование блогов, которые создаются уже исключительно для продвижения товаров и услуг. Личный аккаунт в таком случае становится торговой площадкой, а персонализированная коммуникативность выступает инструментом маркетинга.

В контексте развития медиаграмотности блог-аудитории это означает необходимость сформировать понимание того, что любой блог имеет очевидную или неочевидную коммерческую составляющую, что коммерциализированный блог фактически продает свою аудиторию рекламодателю, при этом используя гораздо большую степень доверия аудитории к медиатекстам бло-

[2] Самые богатые российские блогеры в рейтинге Forbes, 23 августа 2021. URL: https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/436383-samye-bogatye-rossiyskie-blogery-v-reytinge-forbes

[3] Корелина А. Доходы российских блогеров стали резко падать. Кто в этом виноват. 15 ноября 2021. URL: https://secretmag.ru/survival/blogery-stali-padat.htm

гов, нежели к официальной рекламе. По данным аналитического обзора ВЦИОМ, посвященного популярности источников информации и использованию интернета, 42% россиян получают необходимую им информацию из социальных сетей и блогов в интернете[4]. У этой аудитории необходимо формировать критическое отношение к контенту блогов и представление о наличии авторских и собственных когнитивных искажений при создании и восприятии постов.

Каким образом, в каких условиях это можно и нужно делать? Попытаемся ответить на эти вопросы. Представляется очевидным, что развитие медиаграмотности блог-аудитории должно осуществляться как в системах формального и неформального образования, так и в открытом пространстве интернета, и даже, как это ни парадоксально, с помощью самих блогов. Сегодня существует множество качественных блогов, которые доступно говорят об основных аспектах критического восприятия медийной информации как с создателями блогов, так и с их аудиторией. В качестве примера можно назвать блог Рустама Гулова, блогера, медиа тренера, основателя первой фактчек-платформы Таджикистана. В своем блоге он размещает материалы, где на реальных примерах показывает, как работает процесс критического отношения к статье; что общего между глобальным изменением климата и медийной грамотностью; создает инфографику на таджикском языке для определения фейков и т.п.[5]

В системе формального образования сегодня делаются определенные шаги по включению курсов по медиаграмотности в учебные планы. Оставляя вне нашего рассмотрения подготовку профессиональных журналистов и специалистов по медиакоммуникациям, можно представить некоторые лучшие практики в этом направлении на примере университетов РФ.

В частности, в НИУ ВШЭ для студентов бакалавриата разработан общеуниверситетский предметный модуль (майнор) «Медиа и массовые коммуникации», в структуру которого входят четыре дисциплины по пять зачетных единиц: «Новостная грамотность: новость как объект манипуляции», «Аудиовизуальные коммуникации: история и современность», «журналистика в мультимедийной среде» и «Цифровые медиа для будущего»[6]. Модуль доступен для выбора студентам всех направлений подготовки и всех кампусов университета, кроме профильных направлений по медиакоммуникациям, где аналогичные дисциплины уже входят в содержание профессионального блока. Изучая дисциплины модуля, студенты различных образовательных программ развивают свои навыки и умения медиаграмотности, учатся грамотно оценивать источники медиаинформации, распознавать манипулятивные стратегии, применяемые в современных СМИ, проводить верификацию вербальной и визуальной информации в медиатекстах.

В ВИУ РАНХиГС в учебные планы по ряду направлений подготовки включаются учебные дисциплины, в которых интегративно развиваются медиаграмотность и общепрофессиональные компетенции. Например, в рамках курса «Фактчекинг и цифровая экономика», студенты по направлению «Государственное и муниципальное управление» изучают особенности современных медиакоммуникаций, появление фейковых новостей, инструменты фактчекинга и фейкмейкинга, овладевают инструментарием верификации медиаинформации в рамках проектной работы над кейсами[7].

Однако такие практики, к сожалению, не являются широко распространенными ввиду объективных ограничений, связанных, прежде всего, с трудоемкостью учебного процесса и широким спектром задач по развитию различных компетенций.

В системе неформального образования существует гораздо больше возможностей для медиаобразовательной деятельности, которая включается в программы зимних и летних школ, конкурсов и фестивалей, программ дополнительного образования по тематикам медиакультуры. Так

[4] Медиапотребление и активность в интернете: аналитический обзор. 23 сентября 2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-bzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete

[5] ALIFBO – Азбука новых медиа. URL: https://alifbo.media

[6] Майнор «Медиа и массовые коммуникации». URL: https://electives.hse.ru/2015/minor_media/

[7] Кошелев В. На шаг впереди: РАНХиГС вводит новые дисциплины для трендовых профессий \\ Новости Волгограда, 31 июля 2020. URL: https://novostivolgograda.ru/news/society/31-07-2020/na-shag-vperedi-ranhigs-vvodit-novye-distsipliny-dlya-trendovyh-professiy

например, в рамках Глобальной недели медиа и информационной грамотности ЮНЕСКО, которая проводится ежегодно с 2012 года, Центр цифровых культур и Медиаграмотности НИУ ВШЭ организует школу креативных медиа и медиаграмотности «Понимая медиа. Онлайн». Школа проходит не только в Москве, но и в Екатеринбурге, Царском селе, Новосибирске с 2016 года и охватывает широкий круг тем: от цифровой этики и медиаэкологии до правового регулирования фейковых новостей, ответственности за их распространение, инструментария фактчекинга и проверки информации цифровых платформ[8].

В Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова разработана программа повышения квалификации «Основы фактчекинга и медиаграмотности», где слушатели знакомятся с историей информационных войн, учатся анализировать информационные потоки и противостоять манипуляциям общественным мнением[9].

Продюсерская группа InLiberty в рамках своего образовательного проекта InLiberty Education предлагает серию тренингов по развитию интеллектуальных навыков, среди которых тренинги по критическому мышлению и фактчекингу, эффективной коммуникации, технологиям убеждения и противостояния манипуляциям[10].

Серьезный вклад в неформальное медиаобразование вносит Илья Бер, автор и ведущий популярных тренингов по фактчекингу, который вместе с командой единомышленников в 2019 году создал мультимедийный проект «Проверено. Медиа», направленный на борьбу с фейками. Проект имеет огромный медиаобразовательный потенциал. Статус проекта – некоммерческое просветительское медиа. Цель – проверять информацию, разоблачать фейки, разбираться со сложными историями и рассказывать читателям о результатах простым и понятным языком[11].

Заключение

Проведенный анализ медиаобразовательных мероприятий показывает, что в системе формального и неформального образования сегодня представлены самые разные форматы медиа-ориентированной деятельности, направленной на развитие критического мышления, способности к критическому восприятию медиатекстов и овладение инструментарием верификации медийной информации или фактчекинга. Содержательным ядром этих мероприятий являются техники верификации вербальной или визуальной информации. Очевидно, это обусловлено беспрецедентным ростом внимания общественности к проблеме создания и распространения фейков и осознанием необходимости противодействия распространению недостоверной информации. Оценивая данную ситуацию как безусловно серьезный шаг в развитии массового медиаобразования, следует все же подчеркнуть, что тематики, направленные на распознавание коммерческой составляющей блоггинга, в медиаобразовательных мероприятиях для блог-аудитории практически не представлены, в то время как в учебных курсах для создателей блогов тема монетизации собственного блога является одной из ключевых. Можно сделать вывод, что содержание медиаобразовательных мероприятий должно быть намного шире и включать тематики, направленные на формирование представления о характере, степени воздействия и возможных последствиях создания и распространения медиаинформации, на понимание масштабов коммерциализации всех процессов в медиаиндустрии, на распознавание манипулятивных стратегий, на осознание характера и масштабов когнитивных искажений. Результатом этих мероприятий должно стать радикальное увеличение количества медиаграмотных, критически мыслящих граждан современного общества, осознающих и принимающих на себя ответственность за создание, комментирование и распространение медиаинформации.

[8] Школа медиаграмотности и креативных медиа «Понимая медиа. Online». Октябрь 2021. URL: https://cdcml.hse.ru/creative/102021
[9] Основы фактчекинга и медиаграмотности. URL: https://do.rea.ru/kursy-seminary-itreningi/osnovy-faktchekinga-i-mediagramotnosti
[10] Фактчекинг: как искать и проверять информацию. Тренинг Ильи Бера. URL: https://www.inliberty.ru/training/factchecking/
[11] Provereno. URL: https://provereno.media

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов. UNESCO. 2012. 198 с.

2. **Andersen T.H., van Leeuwen T.J.** Genre crash: The case of online shopping // Discourse, Context & Media. 2017. Vol. 20. P. 191–203.

3. **Xia S.A.** Genre Analysis in the Digital Era: Developments and Challenges. 2020. Vol. 8. P. 141–159.

4. **Молодыченко Е.Н.** Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 67–93. DOI: 10.17223/19986645/75/4

5. **Чернявская В.Е.** Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.

6. **Близняк Р.З.** Блоггинг как технология социальной и политической коммуникации: уточнение понятия и характеристика эвристических возможностей / Р.З. Близняк, И.А. Герасимов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 222–231. DOI: 10.17223/1998863X/40/21

7. **Dennis C.A.** Blogging as public pedagogy // International Journal of Lifelong Education. 2015. Vol. 34. No. 3. Pp. 284–299.

8. **Harju V., Pehkonen L., Niemi H.** Serious but fun, self-directed yet social: blogging as a form of lifelong learning // International Journal of Lifelong Education. 2016. Vol. 35. No. 1. Pp. 2–17.

9. **Pigozzi G.** Young Authors Online: Exploring the Meaning Making Process Through Positionings in Place and Space // Computers and Composition. 2020. Vol. 56. Pp. 1–23. DOI: 1016/j.compcom.2020.102576

10. **Chan C., Cmor D.** Blogging toward information literacy: engaging students and facilitating peer learning // Reference services review. 2009. Vol. 37. No. 4. Pp. 395–407.

11. **Guerin C., Carter S., Aitchison C.** Blogging as community of practice: lessons for academic development // International Journal for Academic Development. 2015. Vol. 20. No. 3. Pp. 212–223.

12. **Al-Qallaf C.L., Mutairi A.** Digital literacy and digital content supports learning: the impact of blogs on teaching English as a foreign language // The Electronic Library. 2016. Vol. 34. No. 3. Pp. 522–547.

13. **Wyld D.C.** Management 2.0: a primer on blogging for executives // Management Research News. 2008. Vol. 31. No. 6. Pp. 448–83.

14. **Бондарь В.П.** Блоггинг в социальных сетях как инструмент монетизации персональной коммуникативности (на примере сети Instagram) // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 3. С. 5–10. URL: https://science-economy.ru/ru/article/view?id=1009 (дата обращения: 01.06.2022).

15. **Aufderheide P.** Media literacy: from a report of the National Leadership Conference on Media Literacy // Media literacy in the information age: current perspectives / R. Kubey (Ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers. 1997. Pp. 79–86.

16. **Purtilo-Nieminen S., Vuojärvi H., Rivinen S., Rasi P.** Student teachers' narratives on learning: A case study of a course on older people's media literacy education // Teaching and Teacher Education. 2021. Vol. 106. DOI: 10.1016/j.tate.2021.103432

17. **Brumberger E.** Past, present, future: mapping the research in visual literacy, Journal of Visual Literacy, 2019. 38:3. Pp. 165–180. DOI: 10.1080/1051144X.2019.1575043

18. **Aufderheide P.** Media literacy: from a report of the National Leadership Conference on Media Literacy // Media literacy in the information age: current perspectives / R. Kubey (Ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers. 1997. Pp. 79–86.

REFERENCES

[1] Mediynaya i informatsionnaya gramotnost: programma obucheniya pedagogov [Media and information literacy: Teacher training program]. UNESCO. 2012. 198 p.

[2] **T.H. Andersen, T.J. van Leeuwen,** Genre crash: The case of online shopping, Discourse, Context & Media. 20 (2017) 191–203.

[3] **S.A. Xia,** Genre Analysis in the Digital Era: Developments and Challenges. 8 (2020) 141–159.

[4] **E.N. Molodychenko,** Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era??, Tomsk State University Journal of Philology. 75 (2022) 67–93. DOI: 10.17223/19986645/75/4

[5] **V.Ye. Chernyavskaya,** Tekst i sotsialnyy kontekst: sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya [Text and social context: sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation]. M.: LENAND, 2021. 208 p.

[6] **R.Z. Bliznyak,** Blogging kak tekhnologiya sotsialnoy i politicheskoy kommunikatsii: utochneniye ponyatiya i kharakteristika evristicheskikh vozmozhnostey / R.Z. Bliznyak, I.A. Gerasimov. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 40 (2017) 222–231. DOI: 10.17223/1998863Kh/40/21

[7] **C.A. Dennis,** Blogging as public pedagogy, International Journal of Lifelong Education. 34 (3) (2015) 284–299.

[8] **V. Harju, L. Pehkonen, H. Niemi,** Serious but fun, self-directed yet social: blogging as a form of lifelong learning, International Journal of Lifelong Education, 35 (1) (2016) 2–17.

[9] **G. Pigozzi,** Young Authors Online: Exploring the Meaning Making Process Through Positionings in Place and Space, Computers and Composition. 56 (2020) 1–23. DOI: 1016/j.compcom.2020.102576

[10] **C. Chan, D. Cmor,** Blogging toward information literacy: engaging students and facilitating peer learning, Reference services review. 37 (4) (2009) 395–407.

[11] **C. Guerin, S. Carter, C. Aitchison,** Blogging as community of practice: lessons for academic development, International Journal for Academic Development. 20 (3) 212–223.

[12] **C.L. Al-Qallaf, A. Mutairi,** Digital literacy and digital content supports learning: the impact of blogs on teaching English as a foreign language, The Electronic Library. 34 (3) (2016) 522–547.

[13] **D.C. Wyld,** Management 2.0: a primer on blogging for executives, Management Research News. 31 (6) (2008) 448–83.

[14] **V.P. Bondar,** Blogging v sotsialnykh setyakh kak instrument monetizatsii personalnoy kommunikativnosti (na primere seti Instagram), Nauchnoye obozreniye. Ekonomicheskiye nauki. 3 (2019) 5–10. Available at: https://science-economy.ru/ru/article/view?id=1009 (accessed: 01.06.2022).

[15] **P. Aufderheide,** Media literacy: from a report of the National Leadership Conference on Media Literacy, Media literacy in the information age: current perspectives, R. Kubey (Ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers. 1997. Pp. 79–86.

[16] **S. Purtilo-Nieminen, H. Vuojärvi, S. Rivinen, P. Rasi,** Student teachers' narratives on learning: A case study of a course on older people's media literacy education, Teaching and Teacher Education. 2021. Vol. 106. DOI: 10.1016/j.tate.2021.103432

[17] **E. Brumberger,** Past, present, future: mapping the research in visual literacy, Journal of Visual Literacy, 38 (3) (2019) 165–180. DOI: 10.1080/1051144X.2019.1575043

[18] **P. Aufderheide,** Media literacy: from a report of the National Leadership Conference on Media Literacy, Media literacy in the information age: current perspectives, R. Kubey (Ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers. 1997. Pp. 79–86.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Чичерина Наталья Васильевна
Natalia V. Chicherina
E-mail: chicherina_nv@spbstu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1040-9120

Поступила: 19.11.2022; Одобрена: 20.12.2022; Принята: 26.12.2022.
Submitted: 19.11.2022; Approved: 20.12.2022; Accepted: 26.12.2022.

Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 80–86.
Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 80–86.

Рецензии
Review

Рецензия
УДК 81.42
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13407

ПОСТИГАЯ СМЫСЛ ТЕКСТА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ «ХУДОЖЕСТВЕНЫЙ ТЕКСТ. ФОРМУЛЫ СМЫСЛА» (ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ФОРМУЛЫ СМЫСЛА: КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / Е.А. ГОНЧАРОВА, Е.Ю. ИЛЬИНОВА, В.И. КАРАСИК, И.В. КОНОНОВА И ДР. МОСКВА: ФЛИНТА, 2022. 296 С.)

В.А. Андреева, И.О. Ситникова ✉

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ irinasitnikowa@gmail.com

Аннотация. Объектом внимания настоящей статьи стала коллективная монография «Художественный текст: формулы смысла» Е.А. Гончаровой, Е.Ю. Ильиновой, В.И. Карасика, И.В. Кононовой и др., вышедшая в 2022 году и посвященная поиску научно обоснованной формулы смысла художественного текста. Ключевой категорией художественного текста и, одновременно, связующей осью данной монографии является категория автора, который незримо присутствует в тексте и оказывает первоочередное влияние на формирование его смысла, а значит, и на выведение формулы смысла текста. Присутствие автора становится зримым в «креативных аттракторах», формирующих дискурсивную гетерогенность текста как его особое качество, при использовании им стратегий фокусирования, дефокусирования и расфокусирования, при авторской трансформации концептов в рамках текста и создании индивидуально-авторских концептуальных констант внутри него. Автор и его текст погружены в реальное и художественное время, но время также может выступать одним из концептов, имеющим метафорическую репрезентацию в художественном тексте, как показывают авторы монографии на примере анализа произведений немецко- и англоязычной литературы. Завершающим и одновременно обобщающим аккордом монографии становится обращение к символической ткани художественного текста, в которую автор закладывает динамику движения смысла и его восприятия от символа к символу. Художественный текст предполагает множество возможных прочтений, каждое из которых лишь умножает содержащуюся в нем информацию, потому подход к постижению смысла художественного текста должен быть многомерным. Авторам монографии удалось достичь такой многомерности, она в полной мере реализуется как в структуре, так и в содержании монографии.

Ключевые слова: художественный текст, формула смысла, категория автора художественного текста, нарратив, фокусирование, дефокусирование, расфокусирование, мультимодальность, концептуальные константы творчества автора, авторская картина мира, концепт время.

Для цитирования: Андреева В.А., Ситникова И.О. Постигая смысл текста: заметки на полях книги «Художественый текст. Формулы смысла» (Художественный текст: формулы смысла: коллективная монография / Е.А. Гончарова, Е.Ю. Ильинова, В.И. Карасик, И.В. Кононова и др. Москва: Флинта, 2022. 296 с.) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 80–86. DOI: 10.18721/JHSS.13407

© Андреева В.А., Ситникова И.О., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Review
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13407

COMPREHENDING THE MEANING OF THE TEXT: NOTES ON THE MARGINS OF THE BOOK "THE FICTION TEXT: FORMULAS OF MEANING"

V.A. Andreeva, I.O. Sitnikova ✉

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ irinasitnikowa@gmail.com

Abstract. This article focuses on the collective monograph "The Fiction Text: Formulas of Meaning" by Goncharova, Ilyinova, Karasik, Kononova and others, published in 2022 and devoted to the search of scientifically grounded formula of meaning of the fiction text. The key category of a fiction text and, at the same time, the connecting axis of this monograph is the category of the author, who is invisibly present in the text and has primary influence on the formation of its meaning and, therefore, on the derivation of the formula of the text meaning. The presence of the author becomes visible in the "creative attractors" which form the discursive heterogeneity of the text as its special quality, when the author uses the strategies of focusing and defocusing, transforms the concepts in the frame of the text and creates individual-author conceptual constants within it. The author and their text are immersed in real and fictional time, but time can also act as one of the concepts, having metaphorical representation in the fiction text, as the authors of the monograph show on the example of the analysis of German and English literature works. The final and at the same time summarizing chord of the monograph is an appeal to the symbolic fabric of a fiction text, in which the author shows the dynamics of meaning and its perception from symbol to symbol. A fiction text implies a multitude of possible readings, each of which only multiplies the information it contains, so the approach to comprehending the meaning of a fiction text should be multidimensional. The authors of the monograph managed to achieve such multidimensionality, it is fully realized both in the structure and in the contents of the monograph.

Keywords: fiction text, formula of meaning, category of author of fiction text, narrative, focusing and defocusing, multimodality of text, conceptual constants of author's work, author's picture of the world, concept of time in fiction text, symbol in fiction text.

Citation: V.A. Andreeva, I.O. Sitnikova, Comprehending the meaning of the text: notes on the margins of the book "The Fiction Text: Formulas of Meaning", Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 80–86. DOI: 10.18721/JHSS.13407

Утверждение о том, что главной целью участников художественной коммуникации является постижение смысла художественного текста, является общим местом. Таким же общим местом является и формулировка цели научного анализа художественного текста: объяснить механизм смыслообразования в процессе порождения и рецепции художественного текста, образно выражаясь, вывести его «формулу смысла». А вот сам поиск такой научно обоснованной «формулы» представляется далеко не тривиальной затеей. Хотя бы потому, что невозможно предложить какую-то одну «формулу» смысла художественного текста. Этот факт засвидетельствован появлением все новых и новых исследований, посвященных художественному тексту [Ср., например: 1–5].

Множественность прочтений художественного текста заложена в самой его природе. Ведь он представляет собой материальную (знаковую) репрезентацию поэтической переработки его создателем непреложной действительности. Результатом этой переработки является творческое преобразование естественного языка в художественный, а его естественных функций – когнитивной и коммуникативной – в поэтическую функцию: «... словесное искусство хотя и основывается на естественном языке, но лишь с тем, чтобы преобразовать его в свой – вто-

© V.A. Andreeva, I.O. Sitnikova, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ричный – язык, язык искусства. А сам этот язык искусства – сложная иерархия языков, взаимно соотнесенных, но неодинаковых. С этим связана принципиальная множественность возможных прочтений художественного текста. С этим же, видимо, связана не доступная никаким другим – нехудожественным языкам смысловая насыщенность искусства. Искусство – самый экономный и компактный способ хранения и передачи информации» [6].

Смысловая многомерность художественного текста – фактор динамического характера. Являясь продуктом творческого акта реального (биографического) лица, вложившего в текст некое поэтическое послание, которое даже на стадии создания текста находится не только в зоне рационального, не исчерпывающей, как известно, сущности творчества, текст оказывается погружен в текущую смысловую среду, становясь «частицей и движущей силой этой среды, частицей такой же изменчивой, как сама эта среда» [7]. Так художественный текст становится, по известному выражению Ю.М. Лотмана, «генератором смысла», умножая с каждым актом его рецепции содержащуюся в нем информацию [8].

Отражением идеи многомерного подхода к постижению смысла художественного текста является коллективная монография «Художественный текст: формулы смысла», вышедшая в 2022 году в издательстве «Флинта». Не смотря на разнообразие предлагаемых решений, авторы монографии исходят из общей методологической установки, которая опирается на идею М.М. Бахтина о вненаходимом присутствии в тексте его автора, с которым «мы встречаемся ... в самом произведении, однако вне изображенных хронотопов, а как бы по касательной к ним» [9]. Этот автор не сводим ни к реальной (биографической) фигуре писателя, ни к фиктивному нарратору, речь которого в тексте аутентична, но нереальна [10], хотя и связан с ними. С одной стороны, он олицетворяет конструктивный принцип произведения и отвечает за смысловую завершенность последнего, с другой – является внутритекстовым представителем конкретного автора, его творческой ипостасью и участвует в формировании индивидуально-авторской художественной системы [Ср.: 11].

Первый раздел монографии «Дискурсивные характеристики художественного текста» посвящен возможностям выявления симптомов «вненаходимого» присутствия автора в тексте и его влияния на формирование смысла последнего. Хотя автор не имеет в тексте собственной речевой партии, он связан сложной системой координационных и субординационных когнитивных и прагматических отношений с фиктивными инстанциями повествуемого мира (нарратором и персонажами), подчиняя их как субъективированных объектов своей индивидуально-творческой речевой активности и способствуя синергии разных видов речи в структуре текстового целого [Глава 1. Синергия разных видов речи в структуре художественного прозаического текста].

Особый интерес для выведения формулы смысла текста представляют собой так называемые «креативные аттракторы», понимаемые в синергетике как «зона гармонизации симметрии и асимметрии, организации и самоорганизации текста, зона притяжения всех элементов текста, позволяющая ему существовать как целому, одновременно допуская возможность его пребывания в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию» [12]. Эти формально-содержательные элементы можно рассматривать как знаки и симптомы «вненаходимого присутствия» автора, которые формируют дискурсивную гетерогенность текста как его особое качество – интерпретируемость или способность быть «генератором смысла» [Глава 2. В поисках смысла: гипотеза дискурсивной гетерогенности художественного повествовательного текста]. Если на поверхностном уровне текста, связанном с нарратором и персонажами – фигурами повествуемого мира и их речью, место этих формально-содержательных элементов детерминировано каузально, то на глубинном уровне, соотносимом с автором, оно детерминировано функционально-прагматически. Как считал Ж. Женетт, каузальная мотивация представляет собой «причинностное алиби, которое создает себе целевая детерминация, представляющая собой непреложное правило художественного вымысла; это тот ответ ′потому

что′, который должен заставить нас забыть о вопросе ′для чего′, а тем самым натурализовать вымысел, реализовать его (в смысле ′выдать за реальность′), скрыв то, что в нем есть подстроенного <...>, т. е. искусственного, короче говоря, вымышленного» [13]. Поскольку замена функционально-прагматической детерминации на каузальную, ставящая целью выдать вымысел за «реальность» (иллюзию реальности), может быть связана только с позицией автора, постольку формально-смысловые элементы текста, связанные с этой заменой, должны рассматриваться как способы выражения этой позиции и не могут не учитываться при интерпретации текста.

Нарративная организация художественного текста, без сомнения, может рассматриваться как результат использования автором стратегий фокусирования, дефокусирования и расфокусирования [Глава 3. Эстетика фокусности английского художественного нарратива: корпусно-ориентированный и прагмастилистический анализ]. Нарративная прогрессия и есть процесс сменяющих друг друга актов выдвижения значимых элементов в фокус внимания (фокусирование) с последующим выведением их из фокуса внимания (дефокусирование) и/или перераспределением фокусов на несколько элементов и создание таким образом нескольких фокусов внимания (расфокусирование) [14]. Фокусность как особая стратегия выделенности (салиентности) коррелирует с такими важнейшими категориями нарратива, как «перспективация», «точка зрения», «фокализация». Для корпусно-ориентированного исследования авторы сузили задачу, сосредоточившись только на переходах от речи нарратора к прямой речи персонажей, оставив за скобками случаи интерференции их речевых планов (главным образом, несобственно-прямой речи и несобственно-прямого повествования), что вполне объяснимо сложностью определения языковых маркеров названных видов речи. Несмотря на вынужденный (на данном этапе исследования) редукционизм поставленной задачи, результаты корпусно-ориентированного исследования с их последующей прагмастилистической интерпретацией позволяют сделать интересные выводы относительно эволюции английского художественного нарратива, поскольку авторы использовали корпуса XIX и начала XXI вв. После выявления в корпусах художественных текстов verba dicendi, то есть глаголов, вводящих в тексте нарратора прямую речь персонажа, было выявлено их присутствие в сравниваемых корпусах и установлено закономерные количественные соотношения между краткими и распространенными синтаксическими структурами, включающими verba dicendi и языковые единицы, характеризующие особенности внешней и внутренней речи персонажей. Исследование позволило установить частотность и дистрибуции глаголов речи и лексико-семантических моделей, используемых в конструкциях, вводящих прямую речь персонажей. Сравнительно-сопоставительный диахронический корпусно-ориентированный анализ позволил сделать достоверные выводы об эволюции стратегий фокусирования в английском художественном нарративе и установить векторы изменений: уход от вмешательства автора в текст повествования к переключению фокуса внимания на внутренний мир персонажей. Интеграция корпусного и прагмастилистического методов анализа, как показало исследование, открывает новые возможности для изучения связей текстовой репрезентации с механизмами формирования смысла художественного текста.

Важным аспектом изучения механизмов смыслообразования в современном художественном тексте является учет взаимодействия вербального модуса выражения с невербальными [Глава 4. Современный художественный текст в зеркале мультимодальной стилистики]. Случаи экспериментального использования средств «графической образности» как не вербального, а иного кода, предназначенного для зрительного восприятия [15] были зафиксированы уже в литературе доцифровой эпохи. В качестве одного из наиболее известных мультимодальных романов, вошедших в историю мировой литературы, автор называет роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена» (1759 г.). Беспрецедентное развитие цифровых технологий привело к «мультимодальному повороту» как в художественной практике, так и в исследованиях художественных артефактов [16]. Современный художественный текст интегри-

рует в сложное целое наряду с вербальным, разнообразные иные семиотические ресурсы, что, безусловно сказывается на смолообразовании, например, ведет к созданию «мультимодального резонанса» как результата синергизма элементов разных семиотических систем.

Второй раздел монографии «Концептуальные характеристики художественного текста» фокусируется на проблематике индивидуально-авторской и лингвокультурной трансформации концептов в границах художественных текстов. Авторы предлагают путь к постижению глубинного смысла текста через исследование механизмов трансформации культурных концептов, с одной стороны, в индивидуально-авторские, характеризующие художественную картину мира писателя, с другой – в эстетически значимые для определенной эпохи или определенного эстетического направления.

Выявление концептуальных констант творчества писателя с последующим анализом когнитивных механизмов индивидуально-авторской вариативности культурных концептов, лежащих в основе этих констант – одна из увлекательнейших задач когнитивной поэтики [Глава 5. Художественный концепт как феномен индивидуального сознания]. Индивидуально-авторский концепт не может появиться сам по себе, он формируется на базе соответствующего культурного концепта, который подвергается радикальной трансформации в рамках индивидуально-авторской художественной системы через смену оценочного знака на противоположный тому, что присущ культурному концепту, а это существенно меняет структуру концепта, его образный, ассоциативный и символический потенциал. Концептуальные константы образуют иерархически организованную систему, реализующуюся в отдельных и во всех произведениях автора как творческой ипостаси писателя и формирующую его картину мира.

Важнейшим источником смыслопорождения в художественном тексте является категория времени. В свое время М.М. Бахтин писал, что время-пространство (хронотоп) являются носителями ценностных смыслов: «Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены» [17].

Отдельный интерес для постижения смысла текста представляет анализ метафорических репрезентаций концепта «время» в художественном тексте сквозь призму определенной лингвокультуры [Глава 6. «Трансформации лингвокультурного концепта TIME в художественной картине мира романа Оскара Уайльда “The Picture of Dorian Grey”»]. Так, английская культурная традиция выработала несколько устойчивых концептуальных метафорических моделей времени (TIME IS POWER, TIME IS MOTION, TIME IS AN ENCLOSURE и TIME IS SPACE), каждая из которых реализуется в виде двух вариантов когнитивных моделей, одна из которых сфокусирована на человеке, владеющем временем, другая – на времени, владеющем человеком. Как показывает автор, эти модели претерпевали в английском художественном дискурсе диахронические изменения. Не совсем понятно, насколько необходимым для заявленной темы главы было столь подробное диахроническое исследование, включающее не очень удобные для восприятия таблицы. Анализ трансформаций концепта TIME в художественной картине мира конкретного литературного произведения сводится к перечню вариантов базовых метафорических моделей (TIME IS SPACE, TIME IS A CONTAINER, TIME IS A MOVING OBJEKT, TIME IS A POSS SESSION, TIME IS A MASTER, TIME IS POWER) и указанию частотности их использования в тексте. К сожалению, автор не связывает эти модели со смыслом текста, не предлагает своей формулы смысла романа Уайльда, поэтому рассматривая глава несколько выпадает из общей концепции монографии.

Одним из отражений универсального концепта времени в немецком художественном дискурсе является поэтический концепт ОСЕНЬ [Глава 7. Поэтическая репрезентация осени в немецкоязычной лирике XIX – начала века XX]. Об эстетической значимости этого концепта в немецкой лингвокультуре свидетельствует его присутствие в поэтических текстах разных художественных направлений – таких, как романтизм, бидермейер, поэтический реализм, импрес-

сионизм, символизм, экспрессионизм. В немецком поэтическом дискурсе осень предстает как многомерный поэтический образ, индуцирующий многочисленные смыслы. В нем календарное время переплетается, с одной стороны, с биографическим (осень как аллегория старости), с другой – с космическим временем (аллегория вечности).

Третий раздел монографии «Символические характеристики художественного текста» предлагает пути постижения смысла текста в установлении его ключевых символов, ассоциативная структура которых становится движущей текстообразующей силой – таких, как мотив разделенных близнецов как символ разделенного единства [Глава 8. Лингвокультурные характеристики сюжета о близнецах]; померанец (горький апельсин) как символическая репрезентация утраченного Золотого века, «сплетающая» в единое смысловое целое фрагменты биографии Моцарта, его музыку и образы культуры ушедшей эпохи [Глава 9. «Горький апельсин»: образ художника в новелле Мёрике «Моцарт на пути в Прагу]; язык как самобытный и потому непереводимый символ истории народа, которому он принадлежит [Глава 10. «Плановая непереводимость: литература эпохи пост-глобанглизации].

Коллективная монография «Художественный текст. Формулы смысла» убедительно показывает экспланаторный потенциал междисциплинарного подхода к изучению художественного текста. Предложенные в ней «формулы смысла» не претендуют на исчерпывающее описание механизмов генерирования текстом смысла, но прокладывают путь для выработки новых подходов к его постижению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Кайда Л.Г.** Интермедиальность – филологический континент. Вольтова дуга авторского подтекста: монография. М.: Флинта, 2019. 128 с.

2. **Клемёнова Е.Н.** Квантор. Смысл. Текст. Интерпретация: монография. М.: Флинта, 2020. 168 с.

3. **Лунькова Л.Н.** Миры и пространства художественного текста. Монография. М.: Флинта, 2020. 160 с.

4. **Кострова О.А., Беспалова Е.В., Блинова, Ю.А. и др.** Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты М.: Флинта, 2021. 312 с.

5. **Уржа А.В.** Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение: монография. М.: Флинта, 2022. 288 с.

6. **Лотман Ю.М.** Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПб», 1998. С.14–285.

7. **Гаспаров Б.М.** Литературные лейтмотивы: очерки по русской литературе XX века. М.: Наука (издат. фирма «Восточная литература»), 1994. 303 с.

8. **Дымарский М.Я.** Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX и XX веков. М.: УРСС, 2001. 328 с.

9. **Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная лит, 1975. 504 с.

10. **Scheffel M.** Formen selbstreflexiven Erzählens (Eine Typologie und sechs exemplarische Analysen) / M. Scheffel. Tübingen: Niemeyer, 1997. [YI], 285 p.

11. **Шмид В.** Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

12. **Герман И.А., Пищальникова В.А.** Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. 130 с.

13. **Женетт Ж.** Правдоподобие и мотивация // Женетт Ж. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 299–321.

14. **Ирисханова О.К.** Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

15. **Арнольд И.В.** Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М: ФЛИНТА: Наука, 2002. 384 с.

16. **Jewitt C. ed.** Handbook of Multimodal Analysis. London: Routledge, 2009. 340 p.

17. **Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная лит, 1975. 504 с.

REFERENCES

[1] **L.G. Kayda,** Intermedialnost – filologicheskiy kontinent. Voltova duga avtorskogo podteksta: monografiya [Intermediality – a philological continent. Voltaic arc of the author's subtext: monograph.]. M.: Flinta, 2019.

[2] **Ye.N. Klemenova,** Kvantor. Smysl. Tekst. Interpretatsiya: monografiya [Quantifier. Meaning. Text. Interpretation: monograph.]. M.: Flinta, 2020.

[3] **L.N. Lunkova,** Miry i prostranstva khudozhestvennogo teksta. Monografiya [Worlds and spaces of a literary text. Monograph.]. M.: Flinta, 2020.

[4] **O.A. Kostrova, Ye.V. Bespalova, Yu.A. Blinova, et al.,** Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokulturnyye aspekty [German literary text: cognitive and linguocultural aspects]. M.: Flinta, 2021.

[5] **A.V. Urzha,** Pervyy plan i fon v povestvovatelnom tekste: narratologiya, lingvistika, kognitivnyye issledovaniya, perevodovedeniye: monografiya [The foreground and background in the narrative text: narratology, linguistics, cognitive research, translation studies: monograph]. M.: Flinta, 2022.

[6] **Yu.M. Lotman,** Struktura khudozhestvennogo teksta, Lotman Yu.M. Ob iskusstve [The structure of a literary text, Lotman Yu.M. About art.]. SPb.: «Iskusstvo – SPb», 1998. Pp. 14–285.

[7] **B.M. Gasparov,** Literaturnyye leytmotivy: ocherki po russkoy literature XX veka [Literary leitmotives: essays on Russian literature of the twentieth century]. M.: Nauka (izdat. firma "Vostochnaya literature"), 1994.

[8] **M.Ya. Dymarskiy,** Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst. Na materiale russkoy prozy XIX i XX vekov [Problems of text formation and artistic text. Based on the material of Russian prose of the XIX and XX centuries]. M.: URSS, 2001.

[9] **M.M. Bakhtin,** Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. M.: Artistic lit, 1975.

[10] **M. Scheffel,** Formen selbstreflexiven Erzählens (Eine Typologie und sechs exemplarische Analysen) / M. Scheffel [For men selbstreflexiven Erzählens (Eine Typologie und sechs exemplarische Analysen) / M. Schoffel]. Tübingen: Niemeyer, 1997. [YI], 285 p.

[11] **V. Shmid,** Narratologiya [Narratology]. M.: Languages of Slavic culture, 2008.

[12] **I.A. German, V.A. Pishchalnikova,** Vvedeniye v lingvosinergetiku [Introduction to linguosynergetics]. Barnaul: Publishing House of AGU, 1999.

[13] **Zh. Zhenett,** Pravdopodobiye i motivatsiya [Credibility and motivation], Genette J. Figures. M.: Publishing House Sabashnikov, 1 (1998) 299–321.

[14] **O.K. Iriskhanova,** Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.

[15] **I.V. Arnold,** Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk: uchebnik dlya vuzov [Stylistics. Modern English: textbook for universities]. 4-th ed., M: FLINTA: Nauka, 2002.

[16] **Jewitt C. ed.,** Handbook of Multimodal Analysis [Handbook of Multimodal Analysis]. London: Routledge, 2009.

[17] **M.M. Bakhtin,** Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. M.: Khudozhestvennaya lit [Art lit], 1975.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Андреева Валерия Анатольевна
Valeria A. Andreeva
E-mail: valeryandreeva@gmail.com

Ситникова Ирина Олеговна
Irina O. Sitnikova
E-mail: irinasitnikowa@gmail.com

Поступила: 21.11.2022; Одобрена: 24.12.2022; Принята: 30.12.2022.
Submitted: 21.11.2022; Approved: 24.12.2022; Accepted: 30.12.2022.

Terra Linguistica. 2022, Том 13, № 4. С. 87–92.
Terra Linguistica. 2022, Vol. 13, No. 4. Pp. 87–92.

Рецензия
УДК 81″33
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13408

ПРОЕКЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МОНОГРАФИИ «ИДЕНТИЧНОСТИ: СЕМИОТИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПРАГМАТИКА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ». КАЛИНИНГРАД. 2022

Н.Э. Горшкова ✉

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ Natgorshkova@mail.ru

Аннотация. Определения и научные подходы к идентичности сложились в философии, социологии, политике, дискурсивном анализе, социолингвистике. С таких междисциплинарных позиций идентичность рассматривается в новой коллективной монографии «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования», Калининград, 2022. В статье систематизированы и критически анализируются основные темы и результаты коллективной монографии, ее теоретическое и прикладное значение. Рецензируемая книга объединила современные теоретические и прикладные подходы к идентичности как динамической конструкции. В книге раскрывается, что идентичность как самоосознание и самоопределение человека формируется, развивается и транслируется только в коммуникации, в дискурсивных и нарративных практиках. В монографии рассмотрены различные практики, ключевые для наблюдения различных проявлений идентичностей. Показано, что представления отдельной личности или социальной группы о себе меняются в той мере, в какой переосмысляется ценность одних составляющих идентичности по сравнению с другими. Обосновывается необходимость междисциплинарных исследований идентичности. Показана роль языковых, семиотических средств выражения и оформления идентичности, отмечено возрастающее значение лингвистических методов в изучении идентичности. Анализ различных социо-культурных и нарративных практик позволяет доказательно интегрировать междисциплинарную проблематику идентичности и обеспечить конвергенцию дисциплинарных подходов. Интегративный характер рецензируемого издания определяет его достоинства, отличающие его от узкоспециальных исследований, что привлечет широкий круг специалистов, интересующихся позиционированием личности как в истории, так и в современном социуме.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, коллективная идентичность, язык, семиотические ресурсы.

Для цитирования: Горшкова Н.Э. Проекции идентичности. Размышления на основе монографии «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования». Калининград. 2022 // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. С. 87–92. DOI: 10.18721/JHSS.13408

© Горшкова Н.Э., 2022. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Review
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.13408

DIMENSIONS OF IDENTITY. REVIEW OF "IDENTITIES: SEMIOTICS OF REPRESENTATION AND PRAGMATICS OF STANCE". KALININGRAD. 2022

N.E. Gorshkova ✉

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

✉ Natgorshkova@mail.ru

Abstract. The basic definitions and the main scientific approaches to identity have been developed in the framework of different academic disciplines such as philosophy, sociology, politics, discursive analysis, and sociolinguistics. In the perspective of these interdisciplinary positions, the concept of identity is discussed in the new collective monograph "Identities: semiotics of representation and pragmatics of positioning", published in Kaliningrad in 2022. The present review summarizes and critically considers the central topics under discussion and new results of the monograph, as well as its theoretical and applied significance. The book under review brings together modern theoretical and applied approaches to the concept of identity as a dynamic construction. The book reveals that identity as self-awareness and self-determination of a person is formed, developed and thus transferred only in the process of communication, within discursive and narrative practices. The monograph considers various practices that are crucial to observe various manifestations of identities. It is shown, that the awareness of an individual or a social group about themselves may change to the extent, that the value of some components of identity is reimagined in comparison with others. The necessity of interdisciplinary studies of identity is revealed. The role of linguistic and semiotic means of expressing and shaping the identities is investigated along with the increasing importance of linguistic methods in the study of identity. The analysis of various socio-cultural and narrative practices makes it possible to integrate the interdisciplinary issues of identity and to ensure the convergence of disciplinary approaches. The interdisciplinary approach of the reviewed publication reveals its merits, and will attract a wide range of specialists.

Keywords: Identity, identification, collective identity, language, semiotic resources.

Citation: N.E. Gorshkova, Dimensions of Identity. Review of "Identities: Semiotics of Representation and Pragmatics of Stance". Kaliningrad. 2022, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 87–92. DOI: 10.18721/JHSS.13408

Гуманитарное знание в целом, и лингвистика как его фундаментальная составляющая, развиваются поступательно и принципиально плюралистично, предполагая существование и взаимодействие различных точек зрения. Базовые понятия и сложившие объяснительные подходы, помещенные в новый исследовательский контекст, выдвигают новые смыслы и новую постановку исследовательской проблемы. Идентичность находится в ряду тех ключевых понятий, которое в гуманитарных науках создают и поддерживают пространство для нового прочтения известных концепций и исследовательского поиска новых точек доступа к анализу выражения человека в обществе. Идентичность, как известно, междисциплинарное понятие и активно изучается психологами, философами, антропологами. Свой собственный ракурс в изучении идентичности задают лингвисты в тех современных направлениях анализа, которые развиваются как дискурсивный анализ, социолингвистика, культуроведческая лингвистика. Понятие идентичности создает проекции на целый конгломерат проблем, вызывающих сегодня живые дискуссии специалистов.

Такой междисциплинарный взгляд на идентичность представляет новая коллективная монография «Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования», изданная в 2022 году в издательстве Балтийского федерального университета имени И. Канта. Авторский

© N.E. Gorshkova, 2022. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

коллектив монографии: Андрей Тесля, Григорий Тульчинский, Сурен Золян, Жанна Сладкевич, Сергей Герасимов, Евгений Молодыченко представляет взгляд на идентичность с позиции философии, политологии, лингвистики. Такой междисциплинарный характер издания отражает его структура. Книга многоаспектна, состоит из 7 глав и обращается к следующим центральным темам и понятиям: «Национальная идентичность: лингво-коммуникативный анализ» (глава 2); «Свои и чужие — соотечественники в зеркале языка: семантический портрет по данным Корпуса русского языка» (глава 3); «Идентичность и самозванство: пушкинский урок» (глава 4); «Персональные идентичности и ретроспективные логики» (глава 5); «Идентичность, самосознание и самоопределение» (глава 6); «Современные коммуникативные практики идентичности» (глава 7). Как определяется во Введении к монографии, «идентичность как самоосознание и самоопределение вменяемого субъекта формируется, развивается, предъявляется и транслируется только в процессах коммуникации, в дискурсивных и нарративных практиках. И анализ таких практик позволяет не только интегрировать, сфокусировать междисциплинарное содержание проблемы идентичности, но и обеспечить конвергенцию дисциплинарных подходов» [1, с. 5].

Открывающая коллективную монографию первая глава «Подходы к изучению идентичности: от социальной теории – к практике лингвистического анализа» написана Е.Н. Молодыченко, лингвистом, специалистом в области дискурсивного анализа, социолингвистики и лингвистической антропологии. В качестве отправной точки для монографического исследования идентичности предлагается теоретическое введение в проблематику в целом.

Основополагающим для последующих рассуждений является следующее утверждение автора: «Сейчас сложно отрицать необходимость междисциплинарной ориентации в исследованиях, направленных на изучение феноменов в связке ‘язык-общество’. Так, лингвисты все чаще обращаются к широкому контексту высказываний и/или операционализируют теории смежных гуманитарных дисциплин... Верно и обратное: в исследованиях социологического характера ученые используют языковой материал и оперируют лингвистическими инструментами» [1, с. 7]. Глава содержит глубокий критический обзор подходов к изучению идентичности через язык, сложившихся в мировой и отечественной социолингвистике, дискурс-анализе, социально ориентированных концепциях языка. Автор объясняет, как собственно лингвистический поворот в социо-гуманитарном знании, «связанный с переходом от структурализма к постструктурализму, к социальному конструкционизму и процессуальной ориентации исследований» обусловил значимые теоретико-методологические сдвиги в изучении языка как инструмента конструирования идентичности отдельной личности и/или группы лиц. «Одним из проявлений этого сдвига стало «обращение к языку», то есть активное обращение к речевым явлениям как к материалу исследования в социологических, культурологических и прочих нелингвистических исследованиях [1, с. 7]. Е.Н. Молодыченко говорит о «принципиальной комплементарности лингвистических и нелингвистических исследований: данные, полученные лингвистическими методами, органично дополняют данные, полученные учеными смежных дисциплин, и/или иллюстрируют выдвигаемые ими теоретические положения» [1, с. 7–8]. На современном этапе это выдвигает вперед «доказательную лингвистику», если использовать определение, предложенное Л.Н. Беляевой и В.Е. Чернявской [2]. В качестве ключевого утверждения выделим следующее: «идентичности становятся более эклектичными, текучими и рефлексивными, все больше превращаясь в ‘проект построения себя’. В связи с этим растет и роль семиотических средств, в том числе и языковых, как способов реализации таких идентичностей» [1, с. 14].

Такая аналитическая перспектива, предложенная исследователем, является новой. В этой главе книге читатель найдет значимые аналитические обобщения о роли языка в выражение Я-позиции субъекта. Подтверждением этого тезиса определенно является постоянный рост исследований, демонстрирующих возможности лингвистического анализа различных форм и проявлений идентичностей. Выражая с помощью языковых ресурсов определенные смыслы, человек иденти-

фицирует себя как члена определенного сообщества, социальной группы, как субъекта, действующего в определенной реальности.

В обозначенном контексте интересной и научно значимой проекцией в исследовании идентичности, предлагаемой Е.Н. Молодыченко в его других исследованиях, можно считать изучение идентичности в связи с такими основополагающими для лингвистики категориями, как «стиль» и «стилизация». Стилизация может быть определена как целенаправленное намерение проецировать определенный образ коммуниканта на одну или несколько узнаваемых социальных типизаций и лингвокультурных типажей. Стилизация делает акцент на динамической стороне выражения идентичности [3, 4].

В рецензируемой книге семиотическое выражение идентичностей детально раскрывается с опорой на понятие «национальная идентичность» и рассматривается в нескольких проекциях в главах 2, 3, 4. Эти части книги написаны С.Т. Золяном, специалистом в области русского и армянского языкознания, семиотики и поэтики, политической лингвистики. Национальная идентичность рассматривается как форма коллективной идентичности, утверждается, что «применительно к идентичности, несмотря на подчас декларируемое не подлежащее обсуждению единство, в реальности осознание идентичности может протекать только как процесс, предполагающий диалог и коммуникацию. Здесь не следует искать однозначных ответов и определений» [1, с. 24]. И в продолжение этой мысли еще одна значимая для понимания авторской концепции цитата: «Связывая прошлое и будущее, наделяя смыслом настоящее, национальная идентичность не может быть фиксированной..., это постоянно развиваемый коммуникативный процесс передачи семантически значимой информации и модусов ее интерпретации. Благодаря подобным коммуникативным процессам реализуются внутринациональный диалог и национальное согласие (взаимопонимание), а также коммуникации между нацией и миром, в результате чего изменяются образы «себя» (we-images) и «другого» (they-images)» [1, с. 28]. В книге национальная идентичность рассматривается на примере армянской идентичности, при этом анализ выводит читателя к глубоким обобщениям и детальным связям в осмыслении этого вопроса с широком кругом культурных, политических, социальных аспектов. Идентичность и идентификация получают осмысление только и именно в процессе контекстуализации и социальной обусловленности смысла в дискурсе. Эти аспекты изучения роли языка в социуме давно стали приоритетными в дискурсивном анализе, для обзора [5–9].

Особый интерес вызывает сегодня идентичность человека в виртуальном пространстве – этой проблематике посвящены главы 6 и 7 рецензируемой монографии. Они написаны известным российским философом Г.Л. Тульчинским. Интернет среда создает новые вызовы, в числе которых автор выделяет такой: «Если человек, сформировавшийся в культуре выстраивания нарративов и прослеживания сюжетных линий, способен понимать достаточно сложные смысловые построения, то человек экранной цифровой культуры оперирует только смыслами «твиттерного» формата и не может работать со знаковыми и смысловыми структурами произвольной сложности. А источники информации воспринимаются ими как блюда на «шведском столе», с которого он набирает нужное по своему усмотрению [1, с. 307].

Замечу в этой связи, что это продемонстрировано другими исследователями на интересном материале на примере способов конструирования идентичности коммуниканта в виртуальной научной дискуссии в социальных сетях [10, 11]. Современная виртуальная коммуникация «размывает» идентификацию социальных характеристик коммуникантов (пол, возраст, социальный статус, национальность), и, как следствие, человек в цифровой среде воспринимается в первую очередь через призму его речевого поведения. Примечательна в этой связи также публикация «Метафоры цифровой идентичности» [12], которая затрагивает проблематику идентичности в цифровой среде и оставляемый индивидом «цифровой след» как презентацию собственного «Я».

Рецензируемая книга объединила теоретические и прикладные исследования, раскрывающие современные подходы к идентичности как динамической конструкции. Представления отдельной личности или социальной группы о себе, о своей «самости» меняются, мы переосмысляем значимость и ценность одних составляющих идентичности по сравнению с другими. Такой интегративный характер издания определяет его достоинства, отличающие его от большинства узкоспециальных исследований, и, безусловно, привлечет широкий круг читателей, интересующихся формированием самовыражения, самоопределения и позиционированием личности в истории и в современном социуме. Книга включает интересный иллюстративный материал. Она рассчитана на специалистов, преподавателей и студентов, занимающихся исследованием идентичности в гуманитарных и социальных науках, а также обращена как к начинающему исследователю, осознающему междисциплинарные связи гуманитарного знания. Нельзя не разделить ключевой вывод, сформулированный авторами в заключении к изданию: «Всё личностное служит в итоге практической пробой социального на его состоятельность. И в этом плане социальная роль гуманитарности только возрастает» [1, с. 321].

Высоко оценивания преимущества книги, следует указать, что в издании различные исследования собраны вместе и объединены одной действительно актуальной темой, но не представляют единой методологии изучения, применительно к различным аспектам и формам идентичности в социально взаимодействии. Критически настроенный читатель может заметить, что четко заявленная и описанная общая методология и методика анализа, которая могла бы быть применена в дальнейшем, дефицитна в предлагаемой книге. И в этом смысле очевиден открытый вопрос и перспектива для продолжения разработок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования: монография / под ред. А.А. Тесли, С.Т. Золяна, Г.Л. Тульчинского. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. 347 с. ISBN: 978-5-9971-0685-0.

2. **Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.** Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С. 77–84.

3. **Клочкова Е.С., Евтушенко Т.Г.** Идентичность исследователя в Сети: дискурсивная репрезентация когнитивного агента в виртуальной научной дискуссии на английском языке // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 57–65. DOI: 10.18721/JHSS.13206

4. **Молодыченко Е.Н.** Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. No. 1. С. 117—136. DOI: 10.22363/2687-0088- 2020-24-1-117-136

5. **Молодыченко Е.Н.** Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 11–29. DOI: 10.18721/JHSS.13202

6. **Сулейманова О.А., Водяницкая А.А.** Academic Recycling как новая реальность: проблема определения цифровой идентичности современного исследователя, Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13, № 1. С. 48–56. DOI: 10.18721/JHSS.13105

7. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта, 2018. 208 с.

8. **Чернявская В.Е.** Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения.М.: URSS. 2021. 208 с. ISBN: 978-5-9710-8887-5.

9. **Чичерина Н.В., Стрелкова С.Ю.** Метафоры цифровой идентичности // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 30–38. DOI: 10.18721/JHSS.13203

10. **Benwell B., Stokoe E.** Discourse and Identity. Edinburgh: Edinburgh univ. Press, 2006. 328 p.

11. **De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.** The discursive construction of national identities // Discourse & Society. 1999. Vol. 10, no. 2. Pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002

12. **Jenkins R.** Social Identity. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 254 p.

REFERENCES

1. Identichnosti: semiotika reprezentatsii i pragmatika pozitsionirovaniya: monografiya / pod red. A.A. Tesli, S.T. Zolyana, G.L. Tulchinskogo [Identities: Semiotics of Representation and Pragmatics of Stance: monograph] Kaliningrad: Izdatelstvo BFU im. I. Kanta, 2022. 347 p. ISBN: 978-5-9971-0685-0.

2. **L.N. Belyayeva, V.Ye. Chernyavskaya,** Dokazatelnaya lingvistika: metod v kognitivnoy paradigme [Evidence-based linguistics: Methods in cognitive paradigm], Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 3 (48) (2016) 77–84.

3. **Ye.S. Klochkova, T.G. Yevtushenko,** Identichnost issledovatelya v Seti: diskursivnaya reprezentatsiya kognitivnogo agenta v virtualnoy nauchnoy diskussii na angliyskom yazyke [Cognitive dimension of researcher identity in online communication: academic discussions in social networks], Terra Linguistica. 13 (2) (2022) 57–65. DOI: 10.18721/JHSS.13206

4. **Ye.N. Molodychenko,** Metasemioticheskiye proyekty i layfstayl-media: diskursivnyye mekhanizmy prevrashcheniya predmetov potrebleniya v resursy vyrazheniya identichnosti [Metasemiotic Projectsand Lifestyle Media: Formulating Commodities as Resources for Identity Enactmen], Russian Journal of Linguistics. 24 (1) (2020)117–136. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136

5. **Ye.N. Molodychenko,** Identichnost, stil i stilizatsiya: sotsiolingvisticheskaya perspektiva [Identity, stile, and styling: A sociolinguistic perspective], Terra Linguistica. 13 (2) (2022) 11–29. DOI: 10.18721/JHSS.13202

6. **O.A. Suleymanova, A.A. Vodyanitskaya,** Academic Recycling kak novaya realnost: problema opredeleniya tsifrovoy identichnosti sovremennogo issledovatelya [Academic recycling as a new reality defining digitalidentity of a modern researcher]. Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovaniye. 13 (1) (2022) 48–56. DOI: 10.18721/JHSS.13105

7. **V.Ye. Chernyavskaya,** Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of the text. Linguistic of discourse]. M.: Flinta, 2018. 208 p.

8. **V.Ye. Chernyavskaya,** Tekst i sotsialnyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya [Text and social context: Sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation]. M.: URSS. 2021. 208 s. ISBN: 978-5-9710-8887-5.

9. **N.V. Chicherina, S.Yu. Strelkova,** Metafory tsifrovoy identichnosti [Metaphors of digital identity], Terra Linguistica. 13 (2) (2022) 30–38. DOI: 10.18721/JHSS.13203

10. **B. Benwell, E. Stokoe,** Discourse and Identity. Edinburgh: Edinburgh univ. Press, 2006. 328 p.

11. **R. De Cillia, M. Reisigl, R. Wodak,** The discursive construction of national identities, Discourse & Society. 10 (2) (1999) 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002

12. **R. Jenkins,** Social Identity. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 254 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Горшкова Наталья Эдуардовна
Natalia E. Gorshkova
E-mail: Natgorshkova@mail.ru

Поступила: 16.11.2022; Одобрена: 20.12.2022; Принята: 26.12.2022.
Submitted: 16.11.2022; Approved: 20.12.2022; Accepted: 26.12.2022.